ВСЕРОССИЙСКОЕ ПЕРИОДИЧЕСКОЕ ИЗДАНИЕ
НАУЧНО-ПРАКТИЧЕСКИЙ ЖУРНАЛ

СИСТЕМНАЯ ПСИХОЛОГИЯ И СОЦИОЛОГИЯ

№ 7 (I) 2013

Выходит 2 раза в год

ISSN 2223-6880

Москва
2013

Системная психология и социология: Всероссийское периодическое издание научно-практический журнал. – М.: МГПУ, 2013. – № 7 (I). – 150 с.

ISSN 2223-6880

Редакционная коллегия

Романова Евгения Сергеевна (главный редактор),
Арзуманов Юрий Леонидович, Абушкин Борис Михайлович,
Бавро Николай Игоревич, Бершедова Людмила Ивановна,
Гостев Александр Николаевич, Дубровина Ирина Владимировна,
Рыжов Борис Николаевич (зам. гл. редактора),
Тюков Анатолий Александрович

Редакционный совет

Рыжов Борис Николаевич (председатель, Москва),
Ананишнев Владимир Максимович (зам. председателя, Москва),
Визель Татьяна Григорьевна (Москва), Волкова Елена Николаевна (Нижний Новгород),
Георгиева Росица (София, Болгария), Дмитриев Анатолий Васильевич (Москва),
Забродин Юрий Михайлович (Москва), Иванников Вячеслав Андреевич (Москва),
Коган Борис Михайлович (Москва), Леньков Сергей Леонидович (Тверь),
Романова Евгения Сергеевна (Москва), Рац Александр Яковлевич (Санкт-Петербург),
Сальницкий Вячеслав Петрович (Москва), Собкин Владимир Самуилович (Москва),
Урываев Юрий Викторович (Москва)

Журнал зарегистрирован в Федеральной службе по надзору
за соблюдением законодательства в сфере массовых коммуникаций
Регистрационный номер ПИ № ФС77-37716 от 29.09.2009 г.

Учредитель: Московский городской педагогический университет

Подписной индекс издания: 83333

Зав. редакцией Чибискова О. В.

Директор Интернет-версии журнала Белоусов А. С.

Адрес редакции: Москва, Петровско-Разумовский пр., 27
Тел. +7 495 612 6716
E-mail: info@systempsychology.ru

Электронная версия журнала зарегистрирована в Федеральной службе
по надзору за соблюдением законодательства в сфере массовых коммуникаций

Регистрационный номер ЭИ № АС77-37715 от 29.09.2009 г.
http://www.systempsychology.ru

© ГБОУ ВПО МГПУ, 2013

СОДЕРЖАНИЕ

Теория и метод системной психологии

Рыжов Б. Н. Системная психометрика напряженности 5

Профессиональные стандарты образования

Романова Е. С., Бершедова Л. И., Макшанцева Л. В. Основные аспекты психолого-педагогического сопровождения ФГОС в системе среднего и высшего образования 26

Психологические исследования

Кулагина И. Ю., Апасова Е. В. Доминирующая мотивация офицеров специальных подразделений 35

Арзуманов Ю. Л., Васечкин В. Б., Абакумова А. А. Психофизиологические особенности развития детей с отдаленными последствиями антенатальной интоксикации героином 40

Коган Б. М., Дроздов А. З. Патогенетические механизмы развития депрессивных расстройств 46

Кожинова О. В., Чибискова О. В. Проблемы развития способности к саморегуляции и самоорганизации у старшеклассников 51

Львова С. В., Неделькович Е. Г. Влияние семьи на формирование у детей дошкольного возраста нравственных и эстетических чувств 59

Захарова И. А. Компенсаторный потенциал при нормальном и патологическом старении 65

Иванцов О. В., Фадеева Е. В. Профилактика алкогольной, наркотической и нехимических видов зависимости средствами дистанционного консультирования 75

Чернов Д. Н. Исследование социокультурной обусловленности языковой компетенции старшего дошкольника 82

Чеснокова М. Г. Об общепсихологических основаниях системного подхода к здоровью личности 93

Речицкая Е. Г., Шарова С. С. Влияние леворукости на творческое мышление учащихся с нарушенным слухом 100

Яньшин П. В., Варламова Е. И. Тест имплицитных ассоциаций: объективный метод косвенного измерения аттитюдов и социальных стереотипов 106

Социологические исследования

Гостев А. Н. Система российских традиций в студенческом самоуправлении 116

Староверов В. И. Глобализация, глобализм, антиглобализм и Россия 124

Тютченко А. М. Системный анализ некоторых психологических категорий, используемых в социальной работе 129

Краткие сообщения

Матюшкин Д. П. Сбой функции в системе нейронного обеспечения конкуренции как вероятная причина генуинного эпилептического припадка 136

Яковлева А. В. Полоролевая идентификация и механизмы психологических защит у старших подростков 140

Информация

Сведения об авторах журнала «Системная психология и социология», 2013, № 7 (I) 143

CONTENTS

Theory and method of Systems Psychology

Ryzhov B. N. System psychometrics of tension 5

Professional standards of education

Romanova E. S., Bershedova L. I., Makshantseva L. V. Primary aspects of the Federal State Education Standards (FSES) psycho-pedagogical maintenance in the secondary and higher education system 26

Psychological researches

Kulagina I. Y., Apasova E. V. Special division officers' dominant motivation 35

Arzumanov Yu. L.,Vasechkin V. B., Abakumova A. A. Psychological features of children development with prenatal heroin intoxication 40

Kogan B. M., Drozdov A. Z. Pathogenetic mechanisms in the development of depressive disorders 46

Kozhinova O. V., Chibiskova O. V. The problems in the development of ability to self-organization and self-control in senior school children 51

Lvova S. V., Nedelkovich E. G. Family influence on the moral and esthetic feelings formation in pre-school children 59

Zakharova I. A. Compensatory potential in normal and pathological aging 65

Ivantsov O. V., Fadeeva E. V. Alcohol, drug and non-chemical addiction prevention by means of distance counseling 75

Chernov D. N. The research of sociocultural conditionality of language competence in senior preschoolers 82

Chesnokova M. G. General psychological foundations of systems approach to the personality health 93

Rechitskaya E. G., Sharova S. S. The influence of left-handedness on creative thinking in deaf and hard-of-hearing children 100

Yanjshin P. V., Varlamova E. I. Implicit associations test (IAT): an objective method for indirect attitudes and stereotypes measurement 106

Sociologigal researches

Gostev A. N. The system of Russian traditions in student self-government 116

Staroverov V. I. Globalization, globalism, anti-globalism and Russia 124

Tyutchenko A. M. The system analysis of some psychological categories used in social work 129

Short reports

Matyushkin D. P. Function failed in the system of neuronal competition maintenance as a probable cause of the genuine epileptic seizure 136

Yakovleva A. V. Gender-role identification and psychological defense mechanisms in senior adolescents 140

Information

Authors of the journal «Systems psychology and sociology», 2013, № 7 (I) 143

СИСТЕМНАЯ ПСИХОМЕТРИКА НАПРЯЖЕННОСТИ

Рыжов Б. Н.
МГПУ, Москва

Статья посвящена описанию метода системного анализа функционального состояния человека, процедуры определения интегрального показателя (индекса) психофизиологической напряженности и примеров использования системной психометрики напряженности в практике космических исследований и детской психодиагностике.
Ключевые слова: система, структура, психическая напряженность, интегральная оценка, индекс психофизиологической напряженности, космическая психология, детская психодиагностика.

SYSTEM PSYCHOMETRICS OF TENSION

Ryzhov B. N.
MCTTU, Moscow

This article is devoted to the description of the system analysis method of a person's functional state and a procedure of the psychophysiological tension integrated indicator (index) definition. There are also some examples of use of a system psychometrics of tension in practice of space psychology and children psychodiagnostics.
Key words: system, structure, mental tension, integrated assessment, psychophysiological tension index, space psychology, children psychodiagnostics.

Введение

Проблеме объективной диагностики психической (психофизиологической) напряженности посвящено множество работ в различных отраслях психологии. Сегодня наиболее востребованными областями практического использования средств объективной диагностики напряженности, возможно, являются уже не эргономика и психология спорта, а становящиеся все более привычными технологии детекции лжи, тренинги саморегуляции и психорелаксации. Однако вопрос получения универсального критерия напряженности, позволяющего получать сопоставимые результаты в различных исследовательских ситуациях, независимо от индивидуальных особенностей психофизиологического реагирования, до сих пор остается открытым. В настоящей статье предлагается системно-психологическое обоснование разработки такого критерия, и приводятся примеры его использования в практике космических исследований и детской психодиагностике.

1 Напряженность как психологическое понятие

Начало изучения напряженности как особого класса функциональных состояний человека было связано с ускоренным военно-техническим прогрессом после окончания второй мировой войны, одним из следствий которого стало особое внимание, уделяемое так называемым операторским профессиям. Общей характеристикой этих профессий, от которых во все большей мере зависела безопасность государства, явилось значительное повышение требований к психологической подготовке человека, работающего в сложных условиях информационных перегрузок, дефицита времени и высокой ответственности. Это обстоятельство определило прикладную ориентацию многих исследований напряженности, так или иначе направленных на повышение надежности труда операторов. Сам термин «напряженность» впервые начал применяться для обозначения состояния человека в авиационной психологии, будучи заимствован из технических наук [3, 17]. Постепенно анализ состояний напряженности превратился в специальную область работ и включил в себя ряд аспектов психологии эмоций, инженерной психологии и психологии личности, широко используя при этом не только собственно психологические методы исследования, но и все больше опираясь на достижения технических и естественных наук.

Теоретической базой исследований напряженности традиционно оставалась теория стресса Г. Селье. С позиций этой теории психическая напряженность рассматривалась как неспецифическая реакция организма на эмоциогенный раздражитель [20]. Вместе с тем

необходимость вычленить психологическую составляющую в широком кругу приспособительных реакций, объединяемых понятием «стресс», заставила многих исследователей перейти к представлявшемуся более четким понятию «напряженность», или «психическая напряженность», под которым стали понимать состояние, возникающее у человека при выполнении продуктивной деятельности в трудных условиях и оказывающее выраженное влияние на эффективность выполнения этой деятельности [14].

На протяжении нескольких десятилетий изучение психической напряженности проводилось во многих направлениях. В их числе можно найти немало исследований, посвященных изучению вопроса о биологической и социальной роли этого состояния или же работы, в которых рассматривается эволюционная необходимость и конкретные типы эмоционального реагирования. Значительное число исследований было посвящено изучению мозговых субстратов психической напряженности. Во многих из этих работ было показано, что актуализация потребностей приводит к образованию доминант в соответствующих подкорковых центрах и, в свою очередь, вызывает определенный комплекс сдвигов в деятельности организма, направленных на активацию и мобилизацию его внутренних ресурсов. При этом механизм связи психической напряженности с выполняемой деятельностью заключается в тех отношениях, которые существуют между корковой доминантой, возникающей при осуществлении деятельности, и подкорковой субдоминантой, возникающей при наличии значимости для личности данной ситуации. В тех случаях, когда доминанта «питается» за счет субдоминанты, мы встречаем улучшение продуктивности деятельности при умеренном стрессе; в тех случаях, когда субдоминанта начинает тормозить работу корковых структур — имеет место дезорганизация деятельности [13].

Особое направление составило изучение конкретных форм и проявлений напряженности. В том числе существуют предложения классифицировать виды этого состояния в зависимости от характера его проявлений (формы) и длительности. При этом выделяют тормозную форму напряженности, проявляющуюся в двигательной заторможенности, замедлении темпа многих психических процессов и т.д.; импульсную форму, которая характеризуется возрастанием количества ошибочных действий на фоне увеличившегося темпа работы; и генерализованную форму напряженности, соответствующую сильному возбуждению, резкому ухудшению исполнения, двигательной дискоординацией, одновременным снижением темпа работы и нарастанием ошибок, что в конечном итоге приводит к полному срыву деятельности.

По фактору продолжительности, как правило, выделяется незначительная, длящаяся сравнительно недолго напряженность; более длительная, которая уже заметно сказывается на осуществляемой деятельности; и длительная, резко выраженная напряженность, связанная с серьезными последствиями для человека.

Большое число работ посвящено изучению роли индивидуально-типологических особенностей при возникновении психической напряженности [11]. В их числе, наряду с исследованием специфики психического реагирования, обусловленной половыми и возрастными различиями, немало работ связано с изучением влияния типологических свойств нервной системы на характер состояния в экстремальных условиях деятельности. При этом уже общепринятым стало утверждение, что в экстремальных ситуациях лица с сильной нервной системой показывают значительно бóльшую устойчивость к стрессу [4]. (Здесь и далее будем использовать термин «стресс» для обозначения крайней степени психической напряженности). Схожую по результатам влияния на деятельность картину устойчивости к стрессу, вызванного экстремальностью нагрузки, дают лица с относительно низким уровнем эмоциональной реактивности и подвижности нервных процессов, а также лица с сильным тормозным процессом, определяющим скорость эмоциональной адаптации [15].

Самостоятельную группу составляют исследования напряженности в зависимости от характера и степени мотивации субъекта. В рамках этого направления, начало которому положено еще классической работой Йеркса и Додсона [30], был собран богатый фактический материал, отражающий особенности реагирования при различной интенсивности стимуляции. Не меньшую известность приобрели работы К. Левина и его школы по изучению роли динамического фактора мотивации при возникновении эмоциональной напряженности. В более поздних исследованиях, наряду с количественной стороной вопроса

большое внимание уделялось также качественному содержанию мотивации субъекта. Например, необходимость учета двухмодальной структуры мотивации (положительной – отрицательной) и связи уровня эмоциональной напряженности со значимостью и вероятностью удовлетворения мотива.

Заметный вклад в развитие этой проблемы внес Дж. Аткинсон, опубликовавший ряд работ, в которых анализировалась связь эмоциональной напряженности как с ситуативными, так и с личностными факторами, и, прежде всего, с постоянным уровнем мотивации, присущим данному субъекту [27]. Позиция Аткинсона состоит в том, что обусловленность уровня напряженности той или иной личностной характеристикой предстает как сложный процесс, опосредованный тем уровнем мотивации, который достигнут при данной деятельности. В значительной мере она зависит от доминирующей у данного субъекта тенденции поведения: ориентации на активное достижение цели или же преимущественной ориентации на избегание возможных негативных последствий при ее недостижении.

В то же время ряд других исследователей обращает преимущественное внимание на уровень реактивности субъекта. Согласно одной из концепций, люди с высокой реактивностью стараются избежать чрезмерной стимуляции, тогда как люди с низкой реактивностью стремятся к ней. Большая выраженность таких индивидуальных черт характера, как мужественность, склонность к лидерству и общительность свидетельствует, по мнению авторов данной концепции, что носители этих качеств нуждаются в стимуляции и, следовательно, в условиях интенсивной деятельности они будут склонны давать менее выраженные эмоциональные реакции [29].

Вместе с тем практически все исследования напряженности в той или иной мере затрагивают проблему внешних факторов, непосредственно вызывающих это состояние. К их числу обычно относят сверхсильную интенсивность и необычность стимула, угрозу жизни или здоровью, работу в ситуациях повышенной ответственности, какими являются, например, экзамены, экспертизы профессиональной пригодности и т.д.

Типичным фактором, обуславливающим возникновение напряженности, считается дефицит времени. Один из основателей отечественной школы авиационной психологии К. К. Иоселиани показал, что оптимальный темп психической активности составляет существенную субъективную черту, и что эффективность деятельности начинает значительно нарушаться с переходом через индивидуальные темповые пределы, благодаря чему повышается вероятность возникновения стрессового состояния [8].

Влияние фактора дефицита времени было также подробно описано в обстоятельной работе А. Зигеля и Дж. Вольфа [7]. Данные, полученные этими исследователями, свидетельствуют о существовании критического уровня дефицита времени, по достижении которого качество деятельности понижается, а количество ошибок резко возрастает. При этом в условиях докритического дефицита времени, наоборот, наблюдалось возрастание качества деятельности в сравнении с работой, не ограниченной временем. Следует указать, что исследователи, работающие в этом направлении, не раз предлагали выделить особый вид психической напряженности, связанной с действием дефицита времени и имеющей пороговое значение, до которого она воздействует на поведение человека как организующий фактор, а после его превышения — как дезорганизующий [9].

Развитие в начале второй половины XX в. теории автоматического управления и теории информации, в рамках которых был разработан математический аппарат, пригодный для формального описания динамики состояния сложных систем, обусловило появление ряда работ, направленных на изучение информационных характеристик среды, влияющих на уровень активации человека. Пионерской работой в этом направлении была публикация Л. И. Веккера и И. М. Палея, предложивших рассматривать информационно-активационное соотношение как функцию, в которой активационные характеристики выступают как независимые, а информационные — как зависимые переменные. При этом было показано, что в опытах, где имел место достаточно широкий разброс уровней активации, наблюдалось следующее соотношение: эффективность деятельности была наименьшей при экстремальных значениях активационного фактора и наибольшей — в среднем диапазоне его значений. Отсутствие линейности информационно-активационной функции объясняется авторами существованием предельной энергии связи между элементами структур информа-

ции и активации, которая и определяет точку перегиба кривой этой функции [2].

Еще один аспект исследований был посвящен изучению роли антиципации человеком угрозы его жизни или здоровью, вытекающей из возможности аварии. На связь между психической напряженностью и степенью риска, содержащейся в деятельности, указывал еще Грей Уолтер, отмечая существование пороговых значений при восприятии риска [22]. Близкую мысль высказали И. М. Фейгенберг и В. А. Иванников [23], предположив, что преднастройка осуществляется лишь по отношению к действиям, адекватным такой ситуации, возникновение которой прогнозируется с вероятностью, превышающей некоторую минимальную величину, определяемую авторами как абсолютный «порог вероятностного прогноза» (в экспериментальных ситуациях она оценивалась равной 0,1).

Очевидность того значения, которое имеет опасность неуспеха при возникновении эмоционально негативных состояний, проявляющихся в возрастании психической напряженности, привела многих исследователей к выделению особого класса «эмоциональных реакций на неуспех», возникающих в результате критической оценки человеком возможности достичь поставленную цель. Теоретическое обоснование роли субъективной вероятности достижения цели при развитии эмоциональных явлений предложил П. В. Симонов в уже упоминавшейся «информационной теории эмоций», согласно которой эмоции отражают величину потребности и вероятность ее удовлетворения в данный момент. Попытка установить формальную связь между эмоцией и информацией безусловно была новым явлением на рубеже 1970-х годов, хотя критики информационной теории эмоций и указывали, что в качестве детерминанты эмоций при этом вводится абстрактная потребность, которая, как замечал и сам автор теории, является скорее предпосылкой, условием формирования реальной детерминанты [21].

Существенное развитие проблема антиципации опасности получила в работе М. А. Котика [9], подчеркнувшего, что любая цель, возникающая в сознании человека, всегда воспринимается на фоне породившей ее ситуации и условий ее достижения. Поэтому цель отражается в сознании человека в виде конкретной задачи, которая развивается на пути к достижению цели с учетом условий действий, средств достижения цели и собственных возможностей человека. М. А. Котик особо указывает на то, что «в целенаправленной деятельности человека существует мотив стремления к достижению цели и мотив стремления избежать неудачи. Причем в зависимости от преобладания того или иного мотива один и тот же прогноз вероятности недостижения цели будет переживаться человеком по-разному» [9]. Здесь обнаруживается весьма важный вопрос о соотношении двух разных состояний, которые можно назвать «полезной» и «вредной» напряженностью.

2 Классификация видов и методы оценки напряженности

Основным критерием выделения различных видов психической напряженности является, как правило, характер их влияния на эффективность выполняемой деятельности. В некоторых работах состояние напряженности рассматривалось только как помеха для выполнения задания, приводящая к снижению качества деятельности [17]. В то же время имеются неоспоримые доказательства того, что состояние психической напряженности может оказывать положительное влияние на деятельность и даже является необходимым для достижения выдающихся результатов в некоторых профессиях [14]. Это обстоятельство заострило проблему дифференцированного подхода к характеристике различных состояний напряженности.

Одна из первых точек зрения на этот вопрос сформировалась в русле авиационной психологии. Исходя из нее целесообразно различать состояние эмоционального напряжения и эмоциональной напряженности. Причем формирование эмоциональной напряженности связано с активными волевыми актами, регулирующими целенаправленную деятельность или преднастройку деятельности, и является необходимым элементом любой активности, обеспечивая эффективность ее выполнения.

В отличие от этого, состояние эмоциональной напряженности связано с перенапряжением психофизиологических ресурсов. Оно сопровождается чрезмерными вегетативными и внешними эмоциональными проявлениями, приводит к разнообразным качественным и количественным сдвигам различных психических процессов, вследствие этого наблюдается резкое падение работоспособности человека [11].

Другая точка зрения принадлежала эргономическому направлению и заключала в себе предложение выделить специфическую и неспецифическую напряженность, связывая при этом понятие специфической напряженности с изменениями психофизиологических функций, непосредственно участвующих в реализации определенных действий, а понятие неспецифической напряженности с общим уровнем мобилизованных ресурсов организма [6].

Различие взглядов на состояния напряженности характерно и для позиций так называемых петербургской (ленинградской) и московской психологических школ, долгое время противостоящих друг другу по многим методическим и методологическим вопросам. Первая из них основывалась на взглядах Б. Г. Ананьева и Б. Ф. Ломова и представляла собой системно-объективистское направление в психологии. Представителям этого направления было свойственно рассматривать состояние напряженности как реакцию организма на информационную структуру нагрузки, которая зависит прежде всего от режима предъявления информации. При этом одним из главных критериев оценки степени напряженности является адекватность реакции организма изменениям информационной структуры стимуляции.

На основании этого критерия выделяются два типа напряженности: одно из них — состояние адекватной мобилизации, под которым понимается такое функциональное состояние человека, которое является оптимальным или близким к оптимальному для данных условий работы. Чем больше требуемое состояние отличается от состояния оперативного покоя, тем выраженнее активная мобилизация.

Другой тип напряженности — состояние динамического рассогласования, характеризующееся несоответствием требований, предъявляемых со стороны деятельности, наличному физиологическому состоянию. Возникновение такого состояния сопровождается значительными изменениями вегетативных функций и появлением специфических непроизвольных реакций (мышечная скованность и т.д.). Следствием развития состояния динамического рассогласования являются падение эффективности работы и истощение функциональных ресурсов человека [12].

Позиция московской психологической школы, сложилась под воздействием взглядов А. Н. Леонтьева и его учеников. Основным критерием классификации состояний психической напряженности для этой школы явились различия в мотивационной сфере субъекта. В соответствии с этим критерием были также выделены два типа состояний — состояние операционной напряженности и состояние эмоциональной напряженности. Операционная напряженность возникает на фоне эмоционально-нейтрального отношения человека к выполняемой деятельности при преобладающей роли мотивов, порожденных самой деятельностью. Это — процессуальное состояние, связанное с ходом выполнения сложной задачи. Напротив, эмоциональная напряженность является результатом оценочного, эмоционального отношения человека к ожидаемым результатам деятельности [14].

Таким образом, несмотря на разнообразие мнений и критериев, для всех направлений ясно обозначилась тенденция различать состояния, способствующие успешному выполнению деятельности (напряжение, специфическая напряженность, адекватная мобилизация, операционная напряженность) и состояния, мешающие ей (эмоциональная напряженность, динамическое рассогласование). Среди приведенных определений напряженности обнаруживаются многочисленные точки пересечения, что делает разрешимой задачу преодоления терминологической неоднозначности на основе соотнесения различных содержаний понятия «напряженность» в рамках единой концепции [10].

Психофизиологическая диагностика напряженности, без сомнения, принадлежит к наиболее изученным аспектам этого состояния. В настоящее время существуют десятки превосходных обзорных работ по этой проблеме, в качестве примера которых достаточно указать на известную монографию Дж. Хессета «Введение в психофизиологию» [25]. И все же на практике возникает немало вопросов самого различного характера: от выбора наиболее адекватных задаче показателей напряженности, до способов количественной оценки получаемых результатов и их качественной интерпретации. Для того чтобы иметь возможность ответа на эти вопросы, необходимо кратко остановиться на существующих методах диагностики напряженности.

Судить о степени психической напряженности человека можно, прежде всего, по продуктивным показателям его реальной деятельности — точности и времени выпол-

нения операций, характеру ошибок, сбоев и т.п. Однако такую оценку, построенную только на результатах текущей деятельности, нельзя признать эффективной, поскольку компенсаторные механизмы нередко позволяют человеку сохранить высокий уровень работоспособности вплоть до момента критического падения его надежности и срыва деятельности [21]. Поэтому оценка напряженности обязательно должна опираться на анализ физиологических реакций нашего организма.

Учитывая сложный нейро-гуморальный характер этих реакций, в их числе традиционно выделяют три основных группы, относящиеся к различным регуляторным системам организма: гормональные реакции, характеризующие состояние центральной нервной системы электроэнцефалографические показатели и большой круг вегетативных реакций.

К наиболее надежным показателям перехода нашего организма в более напряженное состояние безусловно принадлежат происходящие при этом биохимические и гормональные сдвиги [20]. По мнению многих исследователей, оценка уровня 17-оксикортикостероидов, адреналина, норадреналина и некоторых других химических веществ, содержащихся в крови и моче, является наиболее прямым методом оценки напряженности механизмов адаптации человека. Такая точка зрения ввиду сложившейся традиции характерна для большинства американских исследователей. Однако, в силу невозможности пролонгированного использования биохимического анализа в процессе деятельности (подобно регистрации вегетативных функций), область его применения существенно ограничена.

Похожие ограничения исходно присущи и электроэнцефалографическим исследованиям, роль которых при диагностике функциональных состояний человека, тем не менее, с каждым годом медленно, но неизменно возрастает. Причина повышения популярности ЭЭГ показателей связана со все бóльшей доступностью и разнообразием компьютерной обработки получаемых данных. Однако, помимо неизбежных трудностей, связанных с регистрацией ЭЭГ, весьма важной для этого вида исследований остается проблема критериев диагностики напряженности.

Так, например, существуют противоречивые данные относительно возможности рассматривать депрессию альфа-ритма как показатель психической напряженности [10]. Тем не менее, можно считать общепризнанным факт возрастания медленной активности ЭЭГ под влиянием отрицательных эмоциогенных воздействий и в экстремальных ситуациях, вызывающих эмоциональную напряженность [5]. Возрастание медленной электрической активности мозга было зарегистрировано также и при интенсивной умственной деятельности [18]. Все это дало повод охарактеризовать преобладание в ЭЭГ медленных волн (главным образом тета-спектра) как «ритм напряжения».

И все же, несмотря на все успехи биохимических и энцефалографических исследований, основным инструментом изучения состояний психической напряженности остаются вегетативные показатели. Главной теоретической проблемой при анализе этих реакций является оценка роли симпатической и парасимпатической нервных систем. Говоря о соотношении этих систем, обычно имеют в виду, что первая, обеспечивая энергетические потребности организма, играет в основном активирующую, или катаболическую роль, в то время как вторая, называемая анаболической, регулирует преимущественно образование резервов организма. Эти две системы оказывают противоположное действие. «Наше равновесие, — указывал известный специалист в области психологии эмоций, П. Фресс, — зависит от равновесия этих систем. Очевидно, при возникновении напряжения это равновесие нарушается» [24]. Так как в филогенезе состояние напряженности всегда соответствовало необходимости увеличения активности (прежде всего двигательной), то это дало повод многим исследователям (У. Кеннон) отдавать приоритет возбуждению симпатической нервной системы.

Указывая на существующие различия в физиологических показателях при разных типах напряженности (назовем их операционной и эмоциональной напряженностью), Н. И. Наенко отмечает, что, в зависимости от типа состояния, эти изменения имеют разное количественное выражение. При этом автор указывает, что в состоянии эмоциональной напряженности величина сдвигов показателей относительно фона выше по сравнению с состоянием операционной напряженности, а также, что существуют изменения физиологических функций, специфичные для выделенных типов напряженности [14].

Одним из наиболее часто используемых в практике вегетативных коррелятов психи-

ческой напряженности являются изменения, регистрируемые в электрокардиограмме. При анализе результатов электрокардиографии некоторые исследователи указывают на изменение амплитудных характеристик сигнала, типичных для состояний психической напряженности, отмечая при этом особую реактивность в некоторых отведениях Т-зубца при эмоциональных реакциях человека [16].

Многие исследования посвящены изучению изменений, наблюдаемых в сердечном ритме. В их числе бесспорно ведущую роль играют различные способы комплексного учета основных статистических характеристик сердечной ритмики. Так, Р. М. Баевским было установлено, что если разбить исследуемый период деятельности на равные временные интервалы и построить для каждого из них гистограмму сердечных сокращений, то комплексный учет статистических характеристик этих гистограмм (моды, коэффициента вариации, амплитуды моды) позволяет с высокой достоверностью судить о наличии состояния напряженности. Рассматривая напряженность как меру активации приспособительных механизмов, Р. М. Баевский предложил формализованный критерий ее оценки — «индекс напряженности», являющийся, однако, адекватным только операционному типу напряженности [10].

При исследовании психической напряженности часто используют данные пневмографии. Известно, что в стрессогенных ситуациях частота дыхания может превышать исходные данные в 1,5–2 раза, достигая 40–60 циклов в минуту [11, 21]. Наиболее информативными для диагностики психической напряженности являются показатели: частоты дыхательных движений, соотношения глубины вдоха и выдоха, амплитуды дыхательных волн, а также задержки (перебои) дыхания, изменения типа последствий (более глубокий вдох или выдох). Н. И. Наенко указывает, что для состояния операционной напряженности характерно учащение и синхронизация дыхательной ритмики. При эмоциональной напряженности наблюдается резкая десинхронизация дыхательных движений.

К числу используемых при изучении психической напряженности вегетативных реакций относят также изменения артериального давления, кровенаполнения сосудов, тремографию. Была установлена возможность дифференцировать состояния психической напряженности, базируясь на данных температурных реакций различных участков кожи. Весьма распространенным вегетативным показателем является изменение величины электрокожного сопротивления [25].

Существует обширная литература, посвященная опыту применения электромиографических данных для оценки функционального состояния оператора. При этом исследователи указывают, что существует тесная корреляция между степенью психической напряженности оператора и уравновешенностью его неработающих при данной деятельности мышц [15]. В качестве методов анализа электромиограммы обычно используют оценку суммарной активности процесса по его амплитудным и частотным характеристикам. Для операторских профессий близким по смыслу к электромиографическим методикам является изучение усилия обжатия органов управления, которое осуществляется обычно с помощью вмонтированных в ручки управления тензодатчиков.

Наряду с отмеченными, ставшими уже традиционными методами исследования напряженности, существуют и более «экзотические», но, тем не менее, весьма информативные диагностические методики. Один из таких методов оценки психической напряженности базируется на анализе объективных параметров интонаций речи. В основе этого метода лежит обнаруженный во многих работах [26] факт изменения частотного спектра речи при возникновении психической напряженности. Объектом анализа служит, как правило, какая-нибудь фраза или слово, непременно употребляемое в процессе работы несколько раз. Эта фраза или слово записываются на магнитофон и затем, с помощью специальной аппаратуры, определяется его амплитудно-частотная характеристика. Далее эта характеристика сравнивается с фоновой, и по степени корреляции между ними судят о степени психической напряженности.

Помимо физиологических показателей, для срезовой диагностики состояний напряженности могут применяться и различные психометрические методики. К числу наиболее часто применяемых из них относится изучение пороговой чувствительности человека в различной модальности, определение критической частоты слияния мельканий и оценка динамики показателей кратковременного запоминания [15]. Распростра-

нены также классические методики типа корректурной пробы, черно-красных таблиц (методика Ф. Д. Горбова), изучение точности и координации движений при выполнении специальных тестов.

Вместе с появлением большого числа частных методик, направленных на объективную оценку функционального состояния оператора, на первый план выдвинулась проблема их валидности и относительной чувствительности. В настоящее время большинство исследователей указывают на недостаточность применения какого-либо одного показателя. Основным методическим приемом исследования стал полиэффекторный метод регистрации, предполагающий последующее комплексное изучение выделенного паттерна реакций.

Итак, можно сделать несколько выводов, касающихся современного состояния проблемы напряженности в психологии. Прежде всего, необходимо отметить, что понятие напряженности, подобно ряду других уже упоминавшихся психологических понятий, все еще остается недостаточно четким. Встречающиеся в литературе определения этого понятия, как правило, опираются на различные критерии и потому выражают лишь точку зрения того или иного автора. На этом основании, по-видимому, пока еще преждевременно говорить о выделении напряженности как психологического явления в самостоятельное научное понятие.

Значительно лучше изучены факторы, вызывающие напряженность. Описание особенностей их воздействия на человека составляет обширный перечень литературных источников, число которых продолжает быстро пополняться. В то же время типология видов напряженности, хотя и имеет у разных авторов много общего, тем не менее, нуждается в обобщающем взгляде, способном преодолеть существующее терминологическое разнообразие, сохранив при этом позитивные черты каждого из развиваемых направлений. Возможный путь решения этой задачи состоит в последовательном использовании при изучении явлений напряженности принципов системного анализа.

С системных позиций психическая напряженность представляет собой нарушение баланса взаимодействий между личностью и средой, или отклонение системы «личность – среда» от своего стационарного состояния. Величина этого отклонения определяется двумя обстоятельствами внешнего и внутреннего характера. Первое из них связано с объективным изменением среды, приводящим к возникновению некоторого мотивационного потенциала. Если мотивационный потенциал достигает порога эмоциональных переживаний, то такое состояние воспринимается как психическая и именно «эмоциональная» напряженность.

Второе обстоятельство связано с субъективной активностью самой человеческой личности. Наличие мотивационного потенциала есть необходимое условие начала деятельности по системному регулированию среды, которая, в конечном итоге, ведет к уменьшению этого потенциала и снятию сопровождающей его напряженности.

Вместе с тем, сама продуктивная деятельность есть не что иное, как временное нарушение баланса взаимодействий личности со средой, отклонение процессов взаимодействия от их стационарного уровня. Причем напряженность деятельности непосредственно зависит от ее характеристик — темпа, сложности и объема, но, в то же время, может и не иметь прямой зависимости от мотивации деятельности. Будучи полностью связанным с деятельностью, этот вид напряженности воспринимается как рабочая или «операционная» напряженность.

Таким образом, значимое для личности изменение среды обусловливает два компонента развития психической напряженности:

– операционный, связанный с количественными характеристиками производимой деятельности;
– эмоциональный, связанный с качественной оценкой происходящих изменений среды.

Эти компоненты могут быть интерпретированы как соответствующие направления, или оси развития психической напряженности. Одну из них (операционную) можно назвать «осью ρ», а другую (эмоциональную) — «осью ψ». В своей совокупности они представляют систему координат, удобную для визуального представления напряженности в виде построенного в этой системе вектора (рис. 1).

Координата ψ здесь, образно говоря, ответственна за развитие эмоциональной напряженности (динамического рассогласования, в терминологии петербургской школы), а координата ρ — операционной напряженности

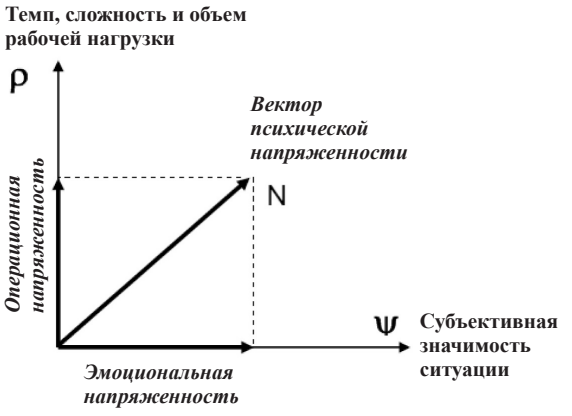

Рис. 1 – Системная интерпретация операционной и эмоциональной напряженности

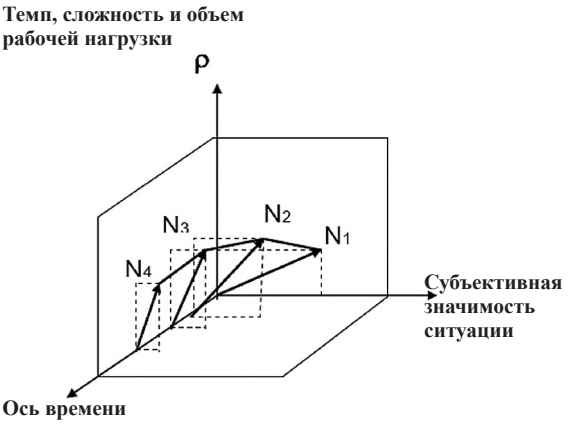

Рис. 2 – Системная интерпретация напряженности с учетом фактора времени: N_1–N_4 — вектора психической напряженности в различные моменты времени T

(адекватной мобилизации, в той же терминологии).

При этом, конечно, следует иметь ввиду, что, несмотря на формальную независимость факторов «ρ» и «ψ», взятых самих по себе, в реальной деятельности их взаимовлияние может быть весьма велико и способно приводить в зависимости от особенностей ситуации как к блокаде эмоциональных переживаний при интенсивной умственной работе, так и к разрушению этой работы при эмоциональном стрессе.

Добавление к плоской системе координат ρ и ψ еще одной независимой координаты, учитывающей длительность напряженного состояния, или оси времени T, позволяет интерпретировать напряженность как зависящее от времени семейство векторов N, или векторную функцию времени.

Для каждого конкретного случая эта функция может быть изображена в виде кривой в трехмерном пространстве (ρ, ψ, T), подобно кривой N_1–N_4, изображенной на рис. 2.

3 Принцип интеграции психофизиологических функций

Быстрое развитие электрофизиологических методов исследований в XX столетии сопровождалось одновременным ростом скептических настроений относительно возможности использования этих методов для идентификации и количественной оценки психологических состояний. Если Вильгельм Вундт был уверен в возможности диагностики ощущений удовольствия и неудовольствия на основе измерения частоты и наполнения пульса. Однако уже в 1940-е годы, наряду с так называемыми ситуативными паттернами реагирования, было установлено существование индивидуальных паттернов, весьма различающихся у отдельных людей. В ряде случаев была обнаружена независимость индивидуальных паттернов от характера решаемой задачи и уровня мотивации [24]. Кроме того, различная трактовка одних и тех же событий в разных психологических школах во многом подрывала саму идею связать то или иное психологическое состояние с конкретным типом вегетативных реакций.

На этом фоне значительно более убедительными представлялись психологические работы, опиравшиеся на учение о стрессе Ганса Селье, поскольку их сильной стороной было ясное видение природы и механизмов этого явления. Сложившаяся ситуация заставляла многих исследователей углубиться в поиски более надежных путей психофизиологической диагностики и, прежде всего, в область изучения биохимических изменений гуморальной среды организма. Тем не менее, электрофизиологические методы продолжали совершенствоваться, получая все бóльшее распространение как в инженерной психологии, так и во многих других направлениях, включая приобретшие широкую известность технологии детекции лжи.

Однако в большинстве случаев использование физиологических данных для психологических целей имело и имеет характер качественных оценок. Образцами таких оценок можно назвать, например, контроль повышенной напряженности испытуемого на детекторе лжи или мониторинг уровня бодрствования машинистов на железных дорогах,

поскольку и в том и в другом случае задачей является констатация факта измененного состояния у человека, а не оценка градаций этих состояний.

Преодолеть ограничения сложившегося качественного подхода позволяет использование системно-психологического анализа психофизиологических показателей. В его основе лежит теоретическое представление о психофизиологической напряженности как о динамическом рассогласовании стационарного и текущего (реального) состояний человеческого организма, возникшем в результате воздействия на человека информационных факторов среды. При этом под стационарным понимается наиболее вероятное устойчивое состояние, к которому стремится система после прекращения внутренних или внешних возмущений, а к информационным факторам относится любая воспринимаемая человеком информация, возбуждающая у него мотивационный потенциал [19].

Ввиду того, что непосредственно выделить показатель состояния всего организма затруднительно, его оценка может быть получена путем системной интеграции показателей состояния функциональных подсистем организма, каждый из которых доступен для прямой электрофизиологической регистрации. При этом адекватность интегральной оценки достигается в результате выполнения следующих требований:

– полноты выборки функциональных подсистем организма, несущих основную ответственность за биологическую адаптацию человека под воздействием информационных факторов среды;
– использования для получения показателей состояния функциональных подсистем безразмерных энтропийных оценок напряженности этих систем (так называемых «локальных оценок напряженности»);
– использования при интеграции локальных оценок общих законов организации сложных функциональных систем с одновременным учетом взвешенности локальных показателей, пропорциональной их диагностической информативности.

Первое требование к формированию интегральной оценки заключается в необходимости обеспечить полноту выборки составляющих ее локальных оценок. Описание типичных ситуативных паттернов дает представление о том минимуме локальных функций, на базе которых строится интегральная оценка. Среди функциональных систем организма при воздействии стрессогенного фактора в первую очередь подвергаются мобилизации:

1) *нейро-гуморальная система*, обеспечивающая общую регуляцию адаптационных реакций организма. В контексте рассматриваемой проблемы, из множества референтных показателей состояния этой системы наибольший интерес представляют электроэнцефалографические показатели и характеристики гормонального состава крови;
2) *кардио-респираторная система*, обеспечивающая энергобаланс организма, также имеющая ряд референтных показателей, из которых наиболее часто используемыми являются электрокардиограмма (или одна из ее характеристик — частота сердечных сокращений) и пневмограмма;
3) *моторная система*, обеспечивающая двигательные приспособительные реакции. Ее референтным показателем является амплитуда электромиограммы — ЭМГ, регистрируемой с работающих (специфическая напряженность) или неработающих при данной деятельности (неспецифическая напряженность) мышечных групп.
4) *экскекторная система*, обеспечивающая в рассматриваемом контексте приспособительное поведение, как химическое воздействие на среду. Показателями состояния этой системы могут быть различные сфинктерные реакции и кожно-гальваническая реакция.

Очевидно, что для удовлетворения требований полноты выборки необходимо, чтобы интеграции подвергались показатели состояния всех выделенных функциональных систем организма. Тем не менее, практически достижение полноты выборки не всегда представляется возможным. В этом случае целесообразно использовать показатели, в которых, помимо состояния какой-либо одной функциональной системы, косвенным образом отражается состояние еще и другой системы. К таким показателям относится, например, пневмограмма или одна из ее характеристик — частота дыхательных циклов. Отражая, главным образом, энергобаланс организма, эта функция одновременно является показателем произвольной и непроизвольной мышечной активности. Аналогично, «двойным» показате-

лем может считаться и кожно-гальваническая реакция, которая, будучи индикатором интенсивности процесса потоотделения, является древнейшим непроизвольным сигнальным механизмом нашего организма. В этой связи кожно-гальваническая реакция является референтным показателем активности центральной нервной системы, поэтому ее нередко называют также психогальванической реакцией.

Интересно, что именно эти физиологические реакции чаще всего упоминаются в фольклоре и литературных произведениях для обозначения выраженных состояний эмоционального волнения и напряженности или, напротив, демонстрации ледяного спокойствия. «Неровно дышит», говорим мы о человеке, чье поведение выдает пристрастное отношение к кому-либо. «Душа ушла в пятки» — это уже о ситуации крайнего испуга, когда мощная кожно-гальваническая реакция свидетельствует о резкой активации деятельности потовых желез на стопах ног (как, впрочем, и ладонях рук) и вызывает ощущение внезапного покалывания и легкого жжения в этих частях тела. Или у Лермонтова, знаменитые строки: «пустое сердце бьется ровно, в руке не дрогнул пистолет». Здесь уже речь идет о двух других бесспорных показателях напряженности — нарушении ритмики сердечной деятельности и мышечном треморе конечностей.

Таким образом, необходимый для регистрации психофизиологической напряженности комплекс реакций может быть сокращен до блока, состоящего из трех показателей — частоты сердечных сокращений (ЧСС), частоты дыхания (ЧД) и кожно-гальванической реакции (КГР). Однако на практике нередки случаи, особенно если речь идет о сколько-нибудь массовых исследованиях, когда и этот минимальный набор показателей оказывается слишком громоздким. В этих случаях обычно перечень используемых физиологических показателей ограничивают данными ЧСС и ЧД.

При этом, конечно, следует иметь в виду, что использование только двух показателей является предельным ограничением и, в принципе, нежелательно. Причины здесь кроются как в заметном уменьшении информативности интегральной оценки из-за возрастания роли индивидуальных особенностей (чем шире набор показателей, тем меньшее значение имеют индивидуальные паттерны реагирования), так и в снижении чувствительности интегральной оценки к короткопериодическим стрессорам (изменения циклических функций типа ЧСС и ЧД имеют значительно меньшую лабильность, чем колебания КГР). Использование только одного показателя вообще противоречит смыслу и даже названию интегральной оценки. Хотя, разумеется, такие данные также оказываются небесполезными в целом ряде случаев, когда не ставятся задачи получения точных количественных характеристик психофизиологической напряженности и, тем более, получения сравнительных оценок напряженности у разных людей.

4 Локальная оценка напряженности

Второе требование касается процедуры получения локальных оценок. Исходя из принципов системно-психологического анализа критерием оценки напряженности каждой конкретной физиологической функции является отклонение ее текущих энтропийных показателей от показателей фона, которые в данном случае рассматриваются в качестве стационарных характеристик. При этом текущее значение функции (например, частота пульса или частота дыхания) отражает меру упорядоченности состояния соответствующей физиологической системы (в нашем примере сердечно-сосудистой или респираторной) по отношению к стационару.

Таким образом, унифицированная мера напряженности физиологической функции ($N_{\varphi i}$) может быть определена как разность текущих и фоновых (стационарных) показателей состояния функции, отнесенная к предельно допустимой (или предельно возможной) величине этой разности:

$$N_{\varphi i} = \frac{C_{mi} - C_{cmi}}{C_{\max i} - C_{\min i}},$$

где C_{mi} — текущее значение физиологической функции; C_{cmi} — ее стационарное значение; $C_{\max i}$, $C_{\min i}$ — соответственно, максимально возможное и минимальное значение этой функции.

Эту зависимость удается существенно упростить, приняв допущение об идентичности стационарного и минимального значений физиологической функции. Подобное допущение оказывается вполне возможным для так называемых амплитудных функций типа КГР, основным показателем которой

является амплитуда электрического потенциала кожи, приближающаяся в стационарном состоянии к нулю. Для так называемых частотных функций, типа ЧСС и ЧД, такое допущение также возможно с учетом знака происходящих перемен. В случае превышения текущей частотой функции ее фоновых значений, в качестве $C_{\max}$ должна использоваться ее максимально возможная частота, а в обратном случае — минимально возможная частота.

Показатель $N_{\varphi i}$ всегда изменяется от нуля, при равенстве текущих значений оцениваемой функции ее стационарному значению, до единицы, при достижении максимально допустимых значений, что создает удобство для идентификации состояния различных физиологических функций. Вместе с тем, для практического использования формулы напряженности необходимо уточнить ряд вопросов.

Первый из них касается метрики и способа определения используемых физиологических показателей. Наиболее простым решением является использование мгновенных значений оцениваемых функций — ЧСС, ЧД и амплитуды КГР. Однако, учитывая различную периодичность этих функций, их совокупная оценка при таком подходе неизбежно должна характеризоваться автоколебаниями, представляющими помеху полезному сигналу. Лучший результат удается получить, перейдя к оценке статистических характеристик рассматриваемых функций за стандартную эпоху анализа (Т). При этом выбор статистического критерия сравнения данных $C_{mi} - C_{cmi}$ может быть произведен с учетом особенностей массива располагаемого материала.

Величина эпохи анализа должна быть ориентирована на наиболее низкопериодическую функцию из числа используемых. Учитывая, что этой функцией обычно является ЧД, и принимая во внимание максимальную длительность дыхательного цикла (без задержки дыхания) равную 3–10 с, по теореме Котельникова находим Т = 20–30 с.

Второй вопрос представляет, по сути дела, самостоятельную психофизиологическую проблему — проблему нормирующих экстремумов изучаемых функций. Возможны два пути ее решения, один из которых заключается в нахождении индивидуальных экстремумов, а второй — в использовании нормативных среднестатистических данных.

Первый путь предпочтительнее в длительных исследованиях со сравнительно небольшим числом обследуемых, так как он требует составления подробного психофизиологического паспорта. Значительно упростить выбор экстремумов удается, используя сочетание первого и второго подходов. Так, для исследования операторской деятельности, литературные источники [9, 10] рекомендуют фиксированные максимумы: для ЧСС — 170–200 уд/мин, ЧД — 40–50 цикл/мин. Третий вопрос связан с не менее важной задачей адекватного выбора стационарных значений физиологических функций. Выбор этих значений осуществляется экспериментально — на основе регистрации устойчивых уровней используемых показателей в состоянии пассивного бодрствования и при отсутствии воздействия на обследуемого каких-либо стрессоров.

Разумеется, при многократных обследованиях показатели физиологических функций могут испытывать колебания, обусловленные изменениями в состоянии здоровья, биоритмологическими и многими другими факторами. Поэтому для получения устойчивого уровня стационарных показателей целесообразно использовать среднестатистические величины, получаемые по нескольким реализациям в различные сутки и часы суток. Однако при необходимости стационарные (паспортные) значения могут быть получены и путем однократного замера. Следует подчеркнуть, что, ввиду значительного различения данных $C_{\max}$ и $C_{\min}$, разностную меру этих показателей допустимо считать постоянной, определенной на основе сравнения их средних значений.

Сравнение текущих значений психофизиологических показателей с паспортным фоном позволяет получить абсолютный уровень напряженности. При этом если в качестве текущих выбираются те же значения функции, на основе которых был определен паспортный фон, то получаемая величина (вернее ее доверительный интервал, так как величина по определению равна нулю) называется паспортным уровнем напряженности.

5 Интегральный индекс психофизиологической напряженности

Последний вопрос в цепи приведенных рассуждений касается процедуры интеграции локальных оценок напряженности. Для ответа на него вновь обратимся к представлению напряженности системы как вектора в координатах объема и сложности этой системы (рис. 1 и 2). С этих позиций локальные пси-

хофизиологические показатели представляют собой вектора состояния функциональных подсистем организма. Вместе с тем, в своей совокупности они являются характеристикой единой системы организма. В этом смысле напряженность организма в целом, как функциональной системы, может быть представлена в виде векторной суммы этих показателей. При этом величина психофизиологической напряженности организма соответствует скаляру полученной векторной суммы. Допустив в качестве первого приближения отсутствие корреляции локальных показателей и, в то же время, принимая во внимание их различную информативность при оценке состояния системы в целом, интегральный показатель психофизиологической напряженности (γ') может быть найден как:

$$\gamma' = \sqrt{\sum_{i=1}^{n} \alpha_{\text{б}} \left(N \quad \right)^2},$$

где α_i — весовой коэффициент i-й физиологической функции при ее объединении в интегральную оценку; n — количество использованных показателей.

Рациональная организация системы весовых коэффициентов должна строиться с учетом, во-первых, «степени доверия» (или сравнительной информативности) к используемым физиологическим показателям, и, во-вторых, — общего числа показателей. Иначе говоря, требование соблюдения единой размерности локальных и интегрального показателей обуславливает равенство единице сумм всех используемых в данном исследовании весовых коэффициентов. Реализация этих требований определяет следующую зависимость для определения весовых коэффициентов:

$$\alpha_i = \frac{\beta_i}{\sum_{i=1}^{n} \beta_i},$$

где β_i — показатель сравнительной информативности i-го психофизиологического показателя.

Конкретные величины β_i определяются эмпирически, в ходе специальных испытаний с моделированием состояния напряженности и регистрацией необходимых психофизиологических параметров.

Полученный таким образом интегральный показатель психофизиологической напряженности, ввиду его преимущественной чувствительности к наиболее изменяющимся локальным оценкам, позволяет демпфировать влияние индивидуальных паттернов и, таким образом, является удобным и достаточно надежным инструментом при анализе состояний напряженности. В том числе и в задачах дифференциальной диагностики функциональных состояний человека.

Еще более удобный вид приобретает интегральный показатель напряженности, будучи выражен в привычной для восприятия процентной форме. Такое выражение показателя напряженности получило название ***индекса психофизиологической напряженности*** и обозначается символом γ, или аббревиатурой ИПН:

$$\gamma = \gamma' \cdot 100\%.$$

В таком выражении индекс психофизиологической напряженности изменяется от нуля, в случае равенства нулю всех входящих в него локальных показателей, до 100%, при максимальной напряженности всех локальных функций.

Вместе с тем, на практике нередко возникают ситуации, когда подлежащее оценке состояние человека определяется не только конкретной ситуацией, в которую он включен непосредственно, но и комплексом ранее действовавших факторов. В этом случае стоит задача различения «фоновой» напряженности и напряженности, обусловленной данной ситуацией. Здесь удобно использовать относительный уровень напряженности (пользуясь принятой системой обозначений — $\Delta\gamma$), определенный как разница текущего уровня напряженности ($\gamma_{тек}$) и ее уровня в покое перед обследованием (фоновой напряженности — $\gamma_{фон}$):

$$\Delta\gamma = \gamma_{тек} - \gamma_{фон}.$$

Для определения коэффициентов сравнительной информативности локальных и интегрального показателей психофизиологической напряженности в Институте медико-биологических проблем в Москве на протяжении ряда лет проводились экспериментальные исследования функционального состояния человека в условиях изменявшейся информационной нагрузки [18]. В этих работах для оценки уровня психофизиологической напряженности

в качестве локальных показателей использовалось 9 различных физиологических функций:

– частота сердечных сокращений (ЧСС);
частота дыхания (ЧД);
– амплитуда кожно-гальванической реакции по Тарханову (КГР);
– мощность фазической составляющей кожно-резисторного эффекта, оцененного по Фере (Ф КРЭ);
– суммарная энергия бета 2- и тета-ритмов биоэлектрической активности мозга (ЭЭГ);
– суммарная энергия электромиограммы мышц предплечья (ЭМГ);
– напряжение кислорода в тканях, определяемого транскутанным методом (PO_2);
минутный объем дыхания (МОД);
– температура тыльной поверхности кисти руки (t_p°),

а также составленный на основе данных ЧСС, ЧД и КГР индекс психофизиологической напряженности γ.

Для получения данных о сравнительной информативности (коэффициентах информативности) каждой из использованных методик (включая и показатель γ) применялась известная из теории обнаружения сигналов зависимость, характеризующая меру изменчивости каждого из использованных показателей при переходе от минимального по темповой нагрузке режима работы к режиму с предельными темповыми нагрузками. В соответствии с этой зависимостью определение показателя сравнительной информативности β велось по формуле:

$$\beta = \frac{M_{\max i} - M_{\min i}}{\sigma_{\max i} + \sigma_{\min i}},$$

где $M_{\min}$, $\sigma_{\min i}$, $M_{\max i}$, $\sigma_{\max i}$ — математическое ожидание и среднеквадратичное отклонение показателя i при минимальной и максимальной нагрузках соответственно.

Результаты оценки сравнительной информативности приведены в таблице 1. Из приведенных данных видно, что информативность результатов, полученных с помощью методики интегральной оценки повсеместно превосходила информативность локальных показателей.

Проведенный цикл исследований позволил также установить некоторые диапазоны качественной интерпретации получаемых с помощью метода интегральной оценки данных, включая диапазоны изменений γ и $\Delta\gamma$, характерные для фоновых обследований. В том числе было отмечено, что:

1) сопоставимых данных удается добиться при условии непревышения уровнем фоновой напряженности — $\gamma_{фон}$ величин 20–25% (имеется в виду стабильное отклонение функциональных показателей от паспортных значений в период, предшествующий деятельности). В случае превышения $\gamma_{фон}$ уровня 20–25% имеет место либо выраженное изменение состояния здоровья обследуемого, либо человек находится под воздействием неучтенных факторов, существенно искажающих характер его психофизиологического реагирования. В обоих случаях качественная интерпретация результатов обследования возможна лишь

Таблица 1

Сравнительная информативность локальных и интегрального показателей психофизиологической напряженности

№ п/п	Методика	Коэффициент информативности β
1	Частота сердечных сокращений (ЧСС)	0,67
2	Частота дыхания (ЧД)	0,70
3	Кожно-гальваническая реакция (КГР)	0,49
4	Кожно-резисторный эффект по Фере	0,60
5	Электромиограмма мышц предплечья (ЭМГ)	0,65
6	Суммарная энергия бета 2 и тета ритмов ЭЭГ	0,42
7	Напряжение кислорода в тканях (PO_2)	0,30
8	Минутный объем дыхания (МОД)	0,60
9	Температура тыльной поверхности кисти руки (t_p°)	0,50
10	Индекс психофизиологической напряженности (γ)	0,85

после подробного уточнения всех обстоятельств сложившейся ситуации;

2) изменения уровня γ в пределах 5–7% при фоновых обследованиях могут быть вызваны биологической ритмикой изучаемых показателей (например, дыхательные волны и волны Геринга в спектре ЧСС) или случайными отклонениями этих показателей из-за неучтенных стимулов (что особенно характерно для КГР);

3) могут быть установлены области оптимальных уровней психофизиологических затрат (оцениваемых в данном случае по величине показателя γ) для исследований, осуществляемых в лабораторных условиях и не сопровождающихся интенсивной физической нагрузкой на обследуемого (рис. 3). При этом показано, что границами области оптимальной напряженности в этих условиях является уровень γ = 9–12% (нижний предел) и 25–30% (верхний предел). Психологически состояние оператора в этих условиях характеризуется «операционной» напряженностью (по Н. И. Наенко [14]) или адекватной мобилизацией (по В. И. Медведеву [12]). Превышение уровня γ = 25–30% в ходе таких обследований, как правило, связано с развитием ситуативных эмоциональных реакций, а дрейф показателя γ в область, лежащую ниже 9–12%, свидетельствует о пассивном бодрствовании или релаксации. (При лабораторных испытаниях это может быть обусловлено спецификой текущего этапа деятельности (например, работа в режиме ожидания низкопериодического сигнала) или связано с недостаточным вниманием к выполняемой задаче.) Превышение показателем γ уровня 40–45% при лабораторных исследованиях свидетельствует о развитии состояния стресса и нередко сопровождается характерной для этого неадекватностью поведенческих и вербальных реакций.

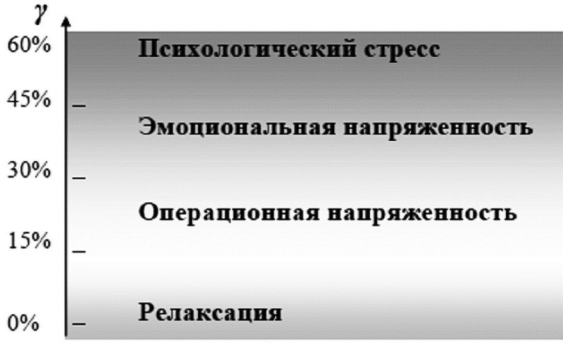

Рис. 3 – Шкала нормативов психофизиологической напряженности

6 Напряженность в космическом полете

Одной из первых областей применения системных методов диагностики функциональных состояний стало исследование напряженности в профессиях повышенного риска, где вероятность возникновения и возможная цена аварии по вине человеческого фактора наиболее высоки. Среди этих профессий традиционно значительное внимание уделялось космонавтам. Разумеется, здесь сказывалось то обстоятельство, что космический полет всегда был зримой демонстрацией успеха осуществившей его страны, в результате чего космонавты оказывались в фокусе общественного внимания. Но немаловажно и то, что работа в космосе действительно содержит почти все виды возможных психологических нагрузок на человека и поэтому космический корабль или станция для психолога всегда являются уникальной по своим возможностям лабораторией, к тому же, как правило, отлично оснащенной самой современной техникой для объективных исследований.

В 1987 году проходил один из таких полетов с участием российского и французского космонавтов. Полет был достаточно продолжительным, а на его завершающей стадии был предусмотрен выход иностранного космонавта в открытый космос для монтажа солнечных батарей на поверхности станции. Скафандр, в котором космонавты работают в открытом космосе, снабжен датчиками для регистрации нескольких важнейших показателей физиологического состояния человека, в том числе электрокардиограммы и пневмограммы. Поэтому технически, с учетом ранее собранных сведений о стационарных и экстремальных уровнях этих функций у космонавта, контроль его напряженности на всех этапах работы не составлял труда. При этом опыт предшествующих полетов говорил о том, что нормой при выполнении задания является напряженность γ, находящаяся на уровне 25–35%, и только во время особых физических нагрузок повышающаяся до 45–50%.

Вначале предусмотренный заданием выход в открытый космос проходил без каких-либо отклонений от программы. Как и следовало по заданию, надев скафандр и подключив все системы жизнеобеспечения, французский космонавт перешел в шлюзовой отсек и некоторое время спокойно находился в нем, ожидая пока будет герметически закрыт люк, ведущий

внутрь станции, и открыт люк, ведущий на ее поверхность. Затем он вышел в открытый космос и занялся предусмотренной работой, потребовавшей от него немалых усилий.

На рисунке 4 приведена запись напряженности космонавта на протяжении нескольких часов, пока он находился вне станции. Как видно, спокойное состояние человека в шлюзовом отсеке сменилось резким повышением напряженности при выходе на поверхность станции. Сказалось и вполне понятное эмоциональное волнение, и трудность выполнения физических действий в невесомости, еще более увеличивающаяся из-за сковывающего движения скафандра. После почти часовой работы на поверхности станции космонавту предстояла весьма сложная операция по подготовке солнечных батарей к раскрытию (конец витка 6144 — рис. 4). Он мастерски выполнил свою задачу, хотя его напряженность достигла почти критического уровня для штатных, т. е. неаварийных условий работы. Наконец, пластины батарей, вибрируя, начинают раскрываться.

Теперь космонавт только наблюдает за происходящим, однако, его напряженность по-прежнему велика — ведь в любой момент из-за вибрации конструкцию может заклинить и тогда трудно сказать, сколько понадобится времени для того, чтобы опять заставить батареи раскрыться.

Но вот работа закончена, и можно возвращаться на станцию. Космонавт устал, он пробыл в открытом космосе более двух часов, запасы кислорода в скафандре на исходе. И здесь накопившаяся усталость готовит для него ловушку. Он входит в шлюзовой отсек, пытается закрыть за собой люк, ведущий на поверхность станции, но люк до конца не закрывается, остается щель. Космонавт еще и еще пытается закрыть люк — все безуспешно. Но при негерметично закрытом наружном люке нельзя открывать люк внутрь станции, иначе произойдет ее взрывная разгерметизация. Кислорода в баллонах почти не осталось, а люк упорно отказывается подчиниться.

В этот момент психологическое состояние человека уже резко отличается от своего обычного уровня. Его индекс психофизиологической напряженности достигает 70%, вдвое превышая нормативный уровень и, почти в 1,5 раза превышая уровень, допустимый при максимальных нагрузках, хотя в этот период он не должен развивать сколько-нибудь большие усилия.

Системно-психологическая интерпретация этого явления выглядит следующим образом: главным фактором, определяющим ситуацию, становится дефицит времени, который предъявляет предельно высокие требования к темпу выполняемых операций. Однако деятельность остается успешной лишь до тех пор, пока функциональное состояние человека остается в оптимальной, или, по крайней мере, допустимой зоне. Выход за допустимые пределы, эмоциональный «перегрев», приводит к дисбалансу характеристик деятельности, когда дальнейшее повышение темпа сопровождается резким сокращением числа воспринимаемых предметов — объема образуемых систем. Не лучше обстоит дело и со сложностью или качеством образуемых связей, которые также испытывают явную тенденцию к упрощению. Происходит своеобразная деформация системообразующих возможностей человека, общим итогом которой становится значительное снижение его работоспособности.

Обычно такая ситуация проявляет себя в появлении «странных», ранее нехарактерных ошибок при выполнении, казалось бы, привычных действий. Учитывая это, операторы наземных служб и остававшийся на станции космонавт должны были прийти на помощь коллеге, оказавшемуся в критическом положении. Как выяснилось, именно такая «странная» ошибка и была допущена. Дело в том, что при открытии люка, ведущего в открытый космос, на его бортик надевается специальное пластиковое кольцо, которое должно предотвратить возможную деформацию шлюзового отверстия при прохождении через него космонавта и перемещении различных предметов. Предосторожность эта имеет немаловажное значение, поскольку даже небольшая деформация шлюзового отверстия может привести к разгерметизации станции. При закрытии люка кольцо, разумеется, необходимо снять. Однако именно это и забыл сделать уставший космонавт, а последовавшее за тем стрессовое состояние из-за невозможности закрыть люк, до предела сузило объем его внимания, затруднив восприятие даже таких хорошо известных ему деталей.

Случай, весьма близкий по возможным последствиям, хотя и противоположный по знаку имевшего место состояния, произошел при подготовке пилотируемого полета корабля многоразового использования «Буран». В 1987 году полным ходом шли тренировки

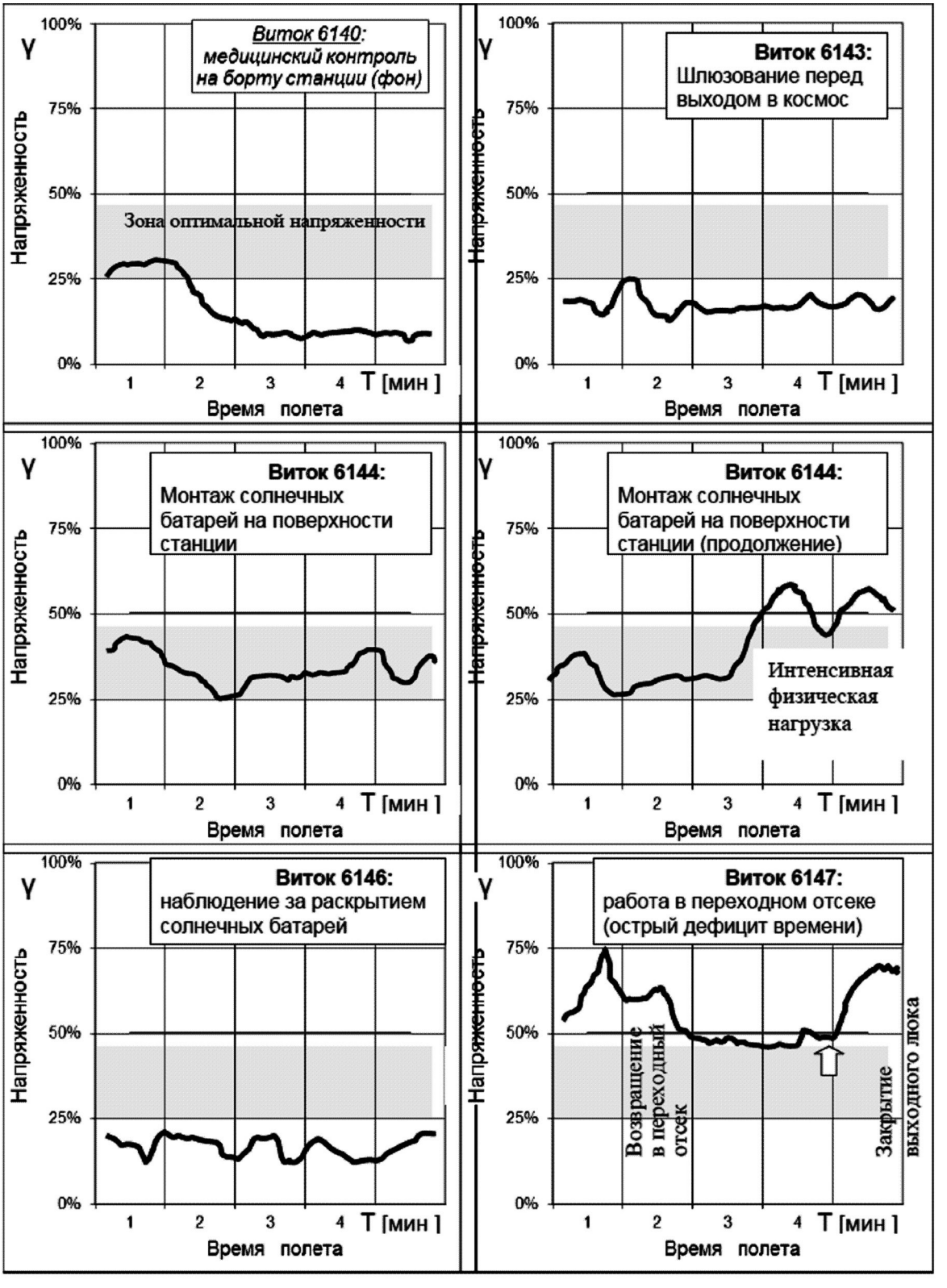

Рис. 4 – Динамика психофизиологической напряженности космонавта при работе в открытом космосе (Ж.-Л. Кретьен, 09.12.1988 г.)

экипажа этого корабля. Также как и полетам совместных экипажей на орбитальной станции ему придавалось большое политическое значение. Хотя американские многоразовые «Шаттлы» давно уже стали привычным явлением, Буран, обладавший рядом усовершен-

ствований по отношению к своему американскому собрату, должен был показать всему миру по-прежнему высокие возможности отечественной космонавтики.

Психологам предстояло решить в этом полете множество еще новых для себя проблем. Дело в том, что в отличие от полетов на кораблях типа «Союз», где космонавтам на этапах взлета и посадки отводилась в общем-то пассивная роль, здесь все обстояло иначе. Главная сложность заключалась в необходимости точно осуществить посадку после приблизительно недельного пребывания в невесомости. При этом машина, которую надо было вручную посадить на аэродром, лишь отдаленно напоминала привычные очертания самолета и гораздо больше походила на огромную ночную бабочку с коротким и массивным телом и маленькими треугольными крыльями.

За неделю организм человека привыкает к невесомости, и переход к нормальным земным условиям, а, тем более, к прохождению через перегрузки при торможении и спуске корабля с орбиты, всегда тяжело переносится космонавтами. В обычных спускаемых аппаратах со времен Гагарина человека на этом этапе выручает автоматика. Она регулирует параметры спуска, включение парашютной и других систем, космонавт же только контролирует работу механизмов. На Буране все как раз наоборот. Именно в самый физиологически и психологически неблагоприятный период космонавт должен не просто управлять кораблем, но выполнить архисложную задачу посадки тяжелого космического самолета с ухудшенной, по сравнению с любой авиационной техникой, аэродинамикой, да еще при выключенном двигателе (ведь у корабля на орбите, с которой он спускается, большой избыток скорости).

Для выполнения этой действительно непростой задачи были привлечены первоклассные летчики-испытатели и организован достаточно эффектный эксперимент. Космонавт, который должен был пилотировать Буран, на завершающем этапе подготовки совершал космический полет на обычном корабле типа «Союз». После недельного пребывания в невесомости, он возвращался на Землю. Сразу же после приземления поисково-спасательная служба переправляла его на один из ближайших аэродромов, где ему предстояло, не теряя времени, сесть за штурвал и подняться в воздух на специально подготовленном самолете — так называемой летающей лаборатории. Достигнув высоты в 20 километров, с которой должен был начаться режим ручного управления спуском и посадкой Бурана, и, развив необходимую скорость, пилот должен был выключить двигатель и посадить самолет на аэродром по глиссаде Бурана, т. е. придерживаясь его расчетной траектории и скоростного режима посадки.

Всего было проведено два таких эксперимента с участием лучших летчиков-испытателей страны, командира отряда пилотов Бурана Игоря Волка и его заместителя Анатолия Левченко. Полет И. Волка прошел успешно. Он хоть и показал значительно более высокий уровень напряженности при управлении «падением» самолета-лаборатории после космического полета по сравнению с многочисленными тренировочными «падениями», однако ни качество управления, ни динамический профиль напряженности существенно не отличались от показанных на тренировках.

Но вот с А. Левченко события развивались более драматично. Предшествующая усталость (а, возможно, и первые признаки тяжелого заболевания, обнаружившегося у него спустя непродолжительное время) проявилась у него во флуктуации функционального состояния и «провале» психофизиологической напряженности ниже критического уровня на одном из участков управления. Ситуация эта возникла за несколько десятков километров до взлетно-посадочной полосы и хорошо видна на рисунке 5, показывающем динамику напряженности космонавта.

В этот момент уровень психофизиологических затрат оказался значительно ниже не только данных, полученных на том же участке у его предшественника И. Волка, но и его собственной нормы, полученной в тренировочных полетах. Следствием этого должно было стать снижение работоспособности пилота, которое и действительно произошло. Причем, механизм ухудшения работоспособности, также как и в случае с французским космонавтом включал уменьшение числа элементов образуемой системы.

Реально пилот выпустил из внимания показания одного из весьма важных приборов — высотомера. Именно в этот момент самолет «провалился» по высоте на четыре километра по сравнению с расчетным режимом. Вместо исходного избытка энергии, которую необходимо было рассеивать посред-

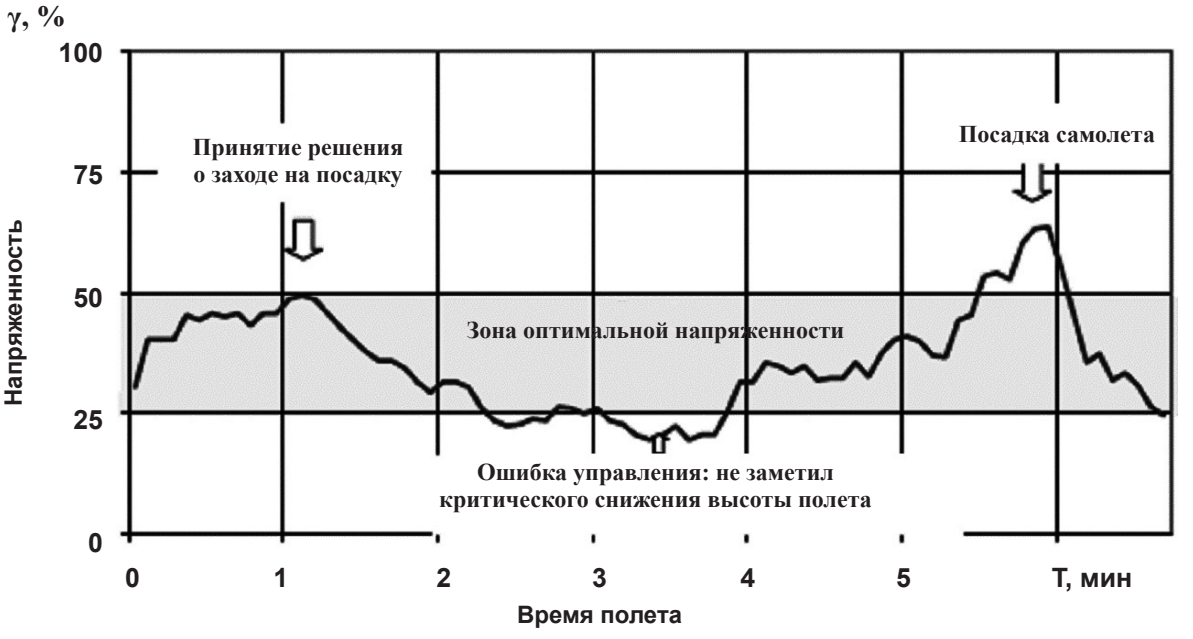

Рис. 5 – Напряженность космонавта при полете на самолете — летающей лаборатории по траектории посадки многоразового космического корабля «Буран» (А. Левченко, 29.12.1987 г.)

ством специального маневра, обнаружился ее дефицит, и возникла угроза, что, спускаясь по-прежнему с неработающим двигателем, самолет может «не дотянуть» до посадочной полосы.

Пилот слишком поздно заметил опасное показание прибора, а отсутствие в системе контроля напряженности обратной связи не позволило оперативно сообщить ему об утрате бдительности и, тем самым, предотвратить критическое развитие событий. В итоге А. Левченко пришлось использовать все свое незаурядное мастерство летчика-испытателя, не раз спасавшего машину из безнадежных ситуаций, для того, чтобы все-таки удачно приземлить самолет. Летающая лаборатория опустилась на трехкилометровую бетонную полосу всего лишь в семи метрах от ее торца, что было, конечно, чрезвычайно рискованно, так как даже случайный встречный порыв ветра мог отбросить самолет на эти же семь метров и обернуться непоправимой аварией. За минутную релаксацию в начале режима пилот заплатил предельной напряженностью при заходе на посадку.

К сожалению, вскоре, в связи с бурными политическими изменениями в России, космонавтика утратила свое прежнее элитное положение. Так и не была завершена программа пилотируемого полета многоразового корабля «Буран», в которую было вложено столько сил, и которая обещала быть значительно эффективнее своего американского аналога. Один за другим уходили из жизни летчики-испытатели, потратившие почти десяток лет на подготовку к полету на российском «Шаттле». Сворачивались и другие медико-психологические программы некогда мощной оборонной промышленности. В то же время разработанные там методики и аппаратура нередко находили новое применение в весьма далеких от оборонной тематики областях. Одним из примеров такой конверсии стало применение системных методов оценки напряженности в детской психодиагностике, где они стали достаточно эффективным инструментом исследования.

7 Исследования напряженности в детской психодиагностике

В 1994 году в одном из московских центров психологической помощи детям — жертвам насилия — проходила обследование девочка с чрезвычайно трагической судьбой. На глазах у восьмилетнего ребенка отец в порыве ревности убил мать и младшего брата. После случившегося девочка полностью перестала общаться со взрослыми, сохранив лишь минимальный уровень общения со своими сверстниками. Прошло несколько месяцев, в течение которых педагоги, несмотря на почти полную невозможность контакта с ребенком, все-таки пытались работать с Дашей (имя ребенка изменено). Однако ни о какой, даже самой скромной, успешности обуче-

ния не могло идти и речи, поскольку девочка игнорировала все обращенные к ней слова. В связи с этим педагогические работники были вынуждены обратиться в психологический центр с вопросом: можно ли надеяться, что умственные возможности Даши в целом остались сохраненными или же психике ребенка нанесен невосполнимый ущерб. По результату ответа на этот вопрос предстояло решить, должна ли девочка оставаться среди здоровых детей, или ее следует поместить в специальное учреждение для детей с отклонениями в развитии.

Использование обычных психодиагностических процедур отпадало вследствие того же ярко выраженного мутизма ребенка. В этих условиях единственным путем для оценки умственных способностей Даши оставалась объективная регистрация ее эмоциональных реакций в какой-либо стандартной для ее сверстников ситуации. В качестве такой ситуации использовался эмоционально насыщенный фрагмент детского мультипликационного фильма. При этом ранее уже было показано, что нормальные дети и дети с дефектами развития при просмотре этого фрагмента давали два совершенно разных типа реакций (рис. 6).

Профиль напряженности обычных детей при просмотре мультфильма имел выраженный рисунок, в котором отражались особенности обыгрываемой сюжетной линии. В то же время напряженность умственно отсталых детей представляла скорее «белый шум» и, как правило, никак не отражала сюжетных поворотов картины. Проведенное исследование показало, что по восприятию сюжета и эмоциональным откликам на его развитие Даша практически не отличалась от нормальных детей своего возраста. И хотя как-то комментировать просмотренный фильм она по-прежнему отказывалась, ее когнитивные возможности оставались в пределах нормы.

На основании полученных данных было принято решение продолжить исследование, используя в качестве стимула тестовые нагрузочные задания, адаптированные для младшего школьного возраста. Дополнительно регистрировалась также глазодвигательная активность. Повторное исследование вновь показало, что хотя ребенок не выполнял положенные по инструкции действия, он продолжал внимательно следить за развертывающейся ситуацией и реагировать на неуспех выполнения задания подобно своим сверстникам.

Таким образом, вопрос о переводе девочки в школу для детей с задержками развития был снят. Одновременно была значительно усилена программа психотерапевтических занятий с ребенком. Результат сказался приблизительно через три недели: Даша начала общаться с педагогами, выполнять просьбы воспитателей. Плотина была прорвана.

Заключение

В целом, приведенные материалы дают системно-психологическое обоснование тех-

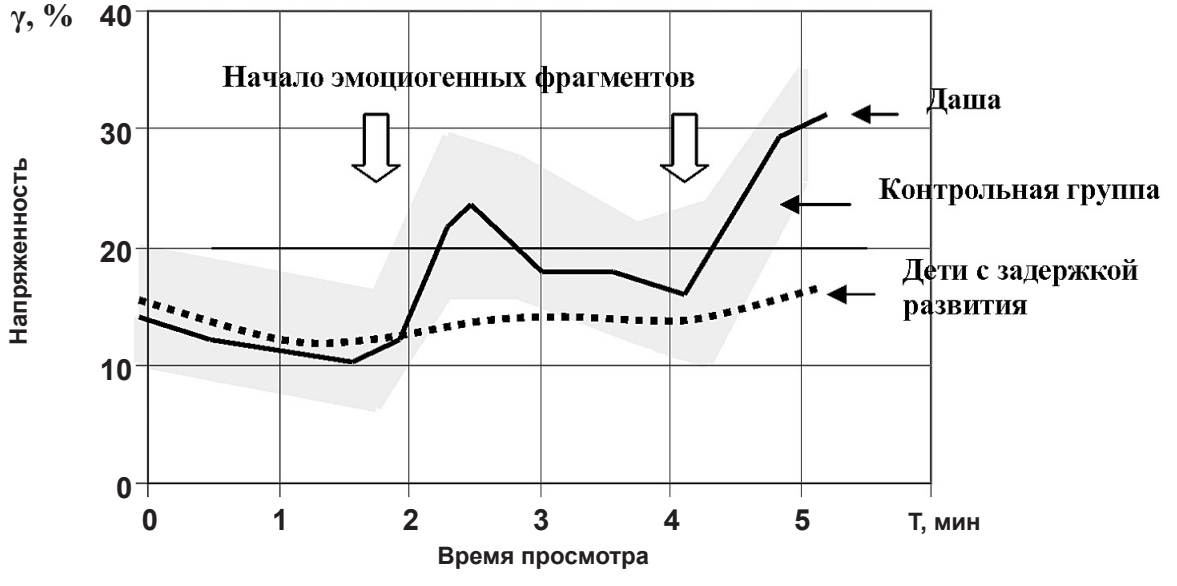

Рис. 6 – Психофизиологическая напряженность у детей 8-ми лет при просмотре эмоциогенного фильма

нологии определения индекса психофизиологической напряженности теории и качественной интерпретации получаемых с помощью этой технологии результатов при тестовых испытаниях и лабораторных психологических исследованиях. Приведенные данные также свидетельствуют о целесообразности применения метода интегральной оценки напряженности в экстремальной психологии и детской психодиагностике.

Литература

1 **Баевский Р. М.** Прогнозирование состояний на грани нормы и патологии. М.: Медицина, 1979.
2 **Веккер Л. М., Палей И. М.** Информация и энергия в психическом отражении // Экспериментальная и прикладная психология. Л.: Изд. ЛГУ, 1971. Вып. 3.
3 **Голубев Г. Н.** К вопросу о напряженности в полете // Вестник воздушного флота. 1948. Вып. 8.
4 **Гуревич К. М.** Профпригодность и основные свойства нервной системы. М.: Наука, 1970.
5 **Дикая Л. Г., Гусев А. Н., Шапкин С. А.** Взаимосвязь продуктивности деятельности и уровня активации при решении оператором задачи по обнаружению сигнала // Функциональные состояния и эффективность деятельности человека-оператора в режимах непрерывной деятельности. М., 1987.
6 **Зараковский Г. М.** Психофизиологический анализ трудовой деятельности. М.: Наука, 1966.
7 **Зигель А., Вольф Дж.** Модели группового поведения в системе человек-машина. М.: Мир, 1973.
8 **Иоселиани К. К., Рыжов Б. Н.** Информационно-активационное соотношение и психическая работоспособность операторов // Космическая биология и авиакосмическая медицина. 1987. № 1.
9 **Котик М. А.** Курс инженерной психологии. Таллин: Валгус, 1978.
10 **Леонова А. Б.** Психодиагностика функциональных состояний человека. М.: Изд. МГУ, 1984.
11 **Марищук В. Л., Платонов К. К., Плетницкий Е. А.** Напряженность в полете. М.: Воениздат, 1969.
12 **Медведев В. И.** Функциональные состояния оператора // Эргономика. Принципы и рекомендации. М., 1970.
13 **Милерян Е. А.** Эмоционально-волевые комплексы надежности оператора // Очерки психологии труда оператора. М.: Наука, 1974.
14 **Наенко Н. И.** Психическая напряженность. М.: Изд. МГУ, 1976.
15 **Небылицин В. Д.** Психофизиологические исследования индивидуальных различий. М.: Наука, 1976.
16 **Нюттен Ж.** Мотивация // Экспериментальная психология / под ред. П. Фресс и Ж. Пиаже. М.: Наука, 1975. Вып. 5.
17 **Платонов К. К.** О так называемой напряженности в полете // Гражданская авиация. 1939. № 11.
18 **Рыжов Б. Н., Сальницкий В. П.** Методика оценки уровня психической напряженности у оператора // Космическая биология и авиакосмическая медицина. 1983, № 5.
19 **Рыжов Б. Н.** Системные основания психологии // Системная психология и социология. 2010. № 1.
20 **Селье Г.** Очерки об адаптационном синдроме. М.: Медгиз, 1960.
21 **Симонов П. В.** Эмоциональный мозг. М.: Наука, 1981.
22 **Уолтер Г.** Живой мозг. М.: Мир, 1966.
23 **Фейгенберг И. Н., Иванников В. А.** Вероятностное прогнозирование и преднастройка к движениям. М.: Изд. МГУ, 1978.
24 **Фресс П.** Эмоции // Экспериментальная психология / под ред. П. Фресс и Ж. Пиаже. М.: Наука, 1975. Вып. 5.
25 **Хессет Дж.** Введение в психофизиологию. М.: Мир, 1981.
26 Экспериментальная психофизиология в космических исследованиях. М.: Наука, 1976.
27 **Atkinson J.** Some General Implications of Conceptual Developments in Study of Achievement – Oriented Behavior // Motives in Fantasy. Action and Society. Prinston, 1964.
28 **Madsen K.** Psychological Metatheory // Annals of Theoretical Psychology. N.Y.; London, 1985. Vol. 3.
29 **Terelak J.** Alpha index and personality traits of pilots // Aviat., space and environ. med., 1976. V. 47. № 2.
30 **Yerkes R., Dodson J.** The relation of strength of stimulus to rapidity of habit-formation // Journal of Comparative Neurology and Psychology. 1908. No 18.

ОСНОВНЫЕ АСПЕКТЫ ПСИХОЛОГО-ПЕДАГОГИЧЕСКОГО СОПРОВОЖДЕНИЯ ФГОС В СИСТЕМЕ СРЕДНЕГО И ВЫСШЕГО ОБРАЗОВАНИЯ

Романова Е. С., Бершедова Л. И., Макшанцева Л. В.
МГПУ, Москва

В статье ставится проблема разработки интегративной психолого-педагогической модели внедрения Федеральных государственных образовательных стандартов (ФГОС). Рассматриваются сущностные особенности ФГОС и их психологические основания. Акцентируется внимание на миссии, направленности, целях психолого-педагогического обеспечения, его содержательных и организационных приоритетах, полноценно отвечающих требованиям ФГОС.
Ключевые слова: ФГОС, системно-деятельностный подход, компетентностный подход, психолого-педагогическое обеспечение, интегративная модель.

PRIMARY ASPECTS OF THE FEDERAL STATE EDUCATION STANDARDS (FSES) PSYCHO-PEDAGOGICAL MAINTENANCE IN THE SECONDARY AND HIGHER EDUCATION SYSTEM

Romanova E. S., Bershedova L. I., Makshantseva L. V.
MCTTU, Moscow

In this article the issue of development of integrative psycho-pedagogical model of the Federal State Education Standards (FSES) application is put. The main ESES features and their psychological bases are considered. The attention is focused on mission, trends, psycho-pedagogical providing purposes, its substantial and organizational priorities which are fully meeting the FSES requirements.
Keywords: Federal State Education Standards (FSES), systems and activity approach, competence-based approach, psycho-pedagogical providing, integrative model.

Введение

Современные процессы радикального реформирования всей системы среднего и высшего российского образования базируются в своей основе на многомерных принципах, задающих в онтологическом плане идеалы и цели реформы, в деятельностном — систему координат их претворения в жизнь, и ориентированные на открытость, мобильность и непрерывность образования, его гуманизацию, дифференциацию, индивидуализацию и развивающий деятельностный характер. Приоритет общечеловеческих ценностей, признание самоценности личности ребенка, уважение к его правам и свободам, достоинству и интересам, установка на создание максимально благоприятных условий для развития способностей и дарований детей, их личностного, жизненного, профессионального самоопределения, опора на активно-деятельностное начало как «врожденное стремление человека» определяют идеологию и этические основания реформы. Основным смыслом и центром педагогического процесса становится всестороннее (социальное, познавательное, общекультурное) развитие личности ученика. Мера этого развития выступает мерой качества работы учителя, школы, вуза, всей системы образования.

Масштабность реформационных целей и задач, концептуальных и содержательных изменений образования конкретизирована в новых федеральных государственных образовательных стандартах (ФГОС), внедрение которых рассматривается как одно из важнейших направлений модернизации образования. Признание в новых стандартах ценностно-нравственного и системообразующего значения образования в социокультурной модернизации российского общества определяется как одна из стратегических линий его перспективного развития, и означает необходимость ориентации современного процесса обучения на завтрашний день.

Установка на опережающее развитие образования находит свое выражение в системном

оформлении ФГОС в виде комплекса требований к структуре образовательных программ, к условиям их реализации и результатам обучения. При этом ориентация на результаты образования выступает системообразующим компонентом целостной конструкции стандартов. Органичное единство прописанных в стандарте целей, средств, условий, методов, оценок, результатов обучения предполагает их преемственность и последовательность реализации с учетом психофизиологических особенностей учащихся на каждом возрастном этапе. Новое в понимании стандарта — опора на запросы личности, семьи, общества и государства к результатам общего образования. Это определяет стандарт как социальную конвенциональную норму, общественный договор, в котором мера ответственности за качество обучения определена в равной степени для всех значимых агентов и институтов социализации детей — родителей, учителей, образовательных учреждений, руководителей муниципального уровня.

1 Особенности ФГОС второго поколения

Во-первых, переход от знаниевой парадигмы к развивающей, в рамках которой процесс учения не сводится к усвоению знаний, умений и навыков, а рассматривается в широком спектре задач становления личности, обретения ею духовно-нравственного и социального опыта. Цель обучения, таким образом, смещается с предметного результата, на личностный. Ценность стать и «быть личностью» как основной смысл образования «приводит к возникновению у человека подлинных мотивов, когда мотивация с потребления, в том числе интеллектуального, смещается на созидание, на не знающее границ творчество» [1]. Особенность стратегии формирования личности в этом случае состоит в том, чтобы не ставить перед учениками цели быть личностью, а формулировать реальные социальные и личностно значимые задачи и создавать условия для их разрешения. В контексте именно такой логики выстраиваются в стандарте требования к личностным, метапредметным и предметным результатам обучения. Личностные результаты отражают активное деятельное и ценностное начало в системе отношений учащихся к себе, людям, деятельности, миру. Предметные результаты предусматривают развитие знаний, умений и навыков, специфических для конкретной предметной области, и формирование научного типа мышления. Метапредметные включают межпредметные понятия и универсальные учебные действия (регулятивные, познавательные, коммуникативные), обеспечивающие самостоятельное усвоение новых знаний, формирование умений, включая организацию этого процесса, позволяющие самостоятельно ставить, планировать и решать важнейшие жизненные и профессиональные задачи. Сформированность универсальных учебных действий отражает «умение учиться», как особую способность учащихся к саморазвитию, самосовершенствованию путем сознательного и активного присвоения нового социального опыта и культуры. Совокупное достижение этих результатов обеспечивает целостность общекультурного, личностного, познавательного развития и позволяет говорить о зрелости личности выпускника, психологически готового активно и ответственно решать задачи профессионального, жизненного, общественного и гражданского порядка.

Признание в требованиях к результатам обучения ребенка «действующим» лицом учебно-воспитательного процесса базируется в научном измерении на идее субъекта, в рамках которой человек рассматривается не только как носитель активности, но и как «источник причинности бытия». Логика становления личности «настоящим» субъектом выражается в постепенном изменении между «внешним» и «внутренним» — от преимущественной направленности «внешнее через внутреннее» к все большему доминированию тенденции «внутреннее через внешнее» [10]. Общая закономерность психического развития личности ребенка как субъекта выражается, таким образом, в усилении способности к самодетерминации и закономерном расширении объема личностной свободы от внешних и внутренних обстоятельств, в обретении способности осознавать природный и социальный мир, выделять и осознавать свое «Я» и собственное место в окружающей действительности, с развитием процессов саморегуляции, целеполагания, рефлексии. Методологический пафос такого подхода заключается в признании ребенка активным субъектом многообразных форм произвольной активности — познания, деятельности, развития, общения, культуры, жизни.

Во-вторых, определение системно-деятельностного подхода в качестве методоло-

гической основы ФГОС второго поколения. Суть этого подхода, заданная принципами общенаучной методологии системного подхода и конкретно-научной методологии деятельностного подхода, заключается в том, что в качестве системообразующего основания, обеспечивающего приобщение человека к миру культуры и его саморазвитие, выступает целенаправленная совместная деятельность. Именно деятельность, реализующая объективные общественные отношения человека в мире, представляет собой субстанцию личности, «орган ее развития, саморазвития, самовоспитания». Реализация системно-деятельностного подхода в образовании в значительной степени меняет представление о его содержании, которое приоритетно дополняется «деятельностной» составляющей, отражающей представления о структуре учебной деятельности на разных этапах обучения и индивидуальной или совместной форме ее организации. Конструирование деятельности при разработке примерных программ образования в рамках системно-деятельностного подхода предполагает в качестве методологических инструментов следующие планы анализа ее системы: мотивационный, связанный с ответом на вопрос «ради чего»; интенционально-целевой, связанный с ответом на вопрос «на что»; операционально-технологический, связанный с вопросом «каким образом»; ресурсно-энергетический, связанный с ответом на вопрос «за счет чего»; и наконец, субъектный план, связанный с ответом на вопрос «кто» будет агентом, заинтересованным в преобразованиях. Выделение в рамках этого анализа таких феноменов предметности деятельности как «характер требований» и «функциональная фиксированность» задает особое пространство развития личности, в котором человек и предметный мир рассматриваются как полюса единой развивающейся системы. Формирование личности ребенка как субъекта деятельности в рамках системно-деятельностного подхода определяется характером включенности школьника в процесс проектирования, построения и организации деятельности, прежде всего учебной, критерием освоенности деятельности служит ее «авторизация» учеником. Целенаправленное включение ребенка в процесс совместного творения (со-творения) деятельности — отличительная черта развивающего образования.

В-третьих, реализация компетентностного подхода, основные положения которого были сформулированы в «Стратегии модернизации содержания общего образования» России. «Понятие компетентности», согласно разработчикам «Стратегии модернизации содержания общего образования», «… включает не только когнитивную и операционально-технологическую составляющие, но и мотивационную, этическую, социальную и поведенческую. Оно включает результаты обучения (знания и умения), систему ценностных ориентаций, привычки и т.д.» [8]. При этом компетентность всегда есть актуальное проявление компетенции. Обращение к этим понятиям связано со стремлением определить необходимые изменения в образовании, обусловленные социально-экономическими преобразованиями, происходящими в обществе, его новые требования к человеку.

Понятийный аппарат, характеризующий смысл компетентностного подхода, как особой идеологии и методологии решения проблемы образования, еще не устоялся. Тем не менее, можно выделить некоторые его существенные черты. Компетентностный подход — это совокупность общих принципов определения целей образования, отбора содержания образования, организации образовательного процесса и оценки образовательных результатов. К числу таких принципов относятся следующие положения:

– смысл образования заключается в развитии способности детей самостоятельно решать проблемы в различных сферах и видах деятельности на основе использования социального опыта, элементом которого является и собственный опыт учащихся;
– содержание образования представляет собой дидактически адаптированный социальный опыт решения познавательных, мировоззренческих, нравственных, политических и иных проблем;
– смысл организации образовательного процесса заключается в создании условий для формирования опыта самостоятельного решения познавательных, коммуникативных, организационных, нравственных и иных проблем, составляющих содержание образования [7].

Результативно-целевые ориентации компетентстного подхода в образовании предполагают значительное усиление его практической, прагматической и гуманистической

направленности. С этих позиций уровень образованности, как основной цели образования, включает не только «знаниевый», деятельностный и творческий опыт, но и опыт собственно духовно-личностной самоорганизации человека, связанный с выполнением им рефлексивных, самоценочных, жизненно-планирующих и других функций. В качестве результата образования рассматривается не усвоение суммы информации, а способность человека самостоятельно действовать в различных проблемных ситуациях, применяя знания и порождая новые. Компетентностный подход не отрицает значения знаний, но акцентирует внимание на способности их использовать. При таком подходе цели образования описываются в категориях, отражающих новые возможности обучаемых, рост их личностного потенциала.

Термин «компетенция» (в переводе с латинского — соответствие, соразмерность) имеет несколько значений: круг полномочий учреждения, лица; круг вопросов, в которых лицо обладает познаниями, опытом; квалификационная характеристика. Компетентность определяется как мера освоения компетенции, «мера включенности человека в деятельность», как способность, необходимая для эффективного выполнения конкретного действия в конкретной предметной области. Данное явление характеризуется не столько составом элементов, сколько разнообразием связей между ними. За состав «отвечают» компетенции, связи между ними, устанавливаемые человеком в процессе деятельности, характеризуют качество его деятельности, поведения и обусловливают его компетентность. Все компетентности в широком смысле слова социальны, ибо они вырабатываются и формируются в социуме. Актуальные компетентности, по мнению исследователей, включают такие характеристики, как готовность к проявлению (мотивационный аспект); владение знанием содержания (когнитивный аспект); опыт проявления в разнообразных стандартных и нестандартных ситуациях (поведенческий аспект); отношение к содержанию компетентности и объекту ее приложения (ценностно-смысловой аспект); эмоционально-волевая регуляция процесса и результата проявления компетентности [5]. Компетентность предстает как знание в действии и определяет эффективность деятельности в целом.

Основным непосредственным результатом образовательной деятельности с позиций компетентностного подхода становится формирование ключевых компетенций (компетентностей), которые позволяют решать сложные — неалгоритмические — задачи, и по своим свойствам полифункциональны, поскольку позволяют решать задачи разного порядка, надпредметны, так как переносимы на разные области деятельности, интегративны, т. е. включают как интеллектуальные, так и эмоциональные качества и навыки («Стратегия модернизации образования»). В качестве таких универсальных компетенций в педагогической науке выделяются — ценностно-смысловые, общекультурные, учебно-познавательные, информационные, коммуникативные, социально-трудовые, компетенции личностного совершенствования [11]. Ключевые компетенции выступают одновременно и как цель, и как средство образования, формируются и реализуются в деятельности. Формирование компетентности личности определяется формулой «компетенция – деятельность – компетентность». Как объективная характеристика реальности компетенция должна пройти через деятельность ученика, чтобы стать компетентностью как характеристикой его личности. Освоение учебной деятельности обеспечивает «компетентность в обновлении компетентности» [1], как способность постоянно учиться и меняться в соответствии с изменениями общества.

В-четвертых, введение системы оценок, как инструментального ядра ФГОС, с целью выявления и определения разных уровней образовательных достижений учащихся. Система оценки – это сложная и многофункциональная система, включающая как текущую, так и итоговую оценку результатов деятельности школьников. Комплексный подход к оценке результатов освоения образовательных программ (предметных, метапредметных, личностных) выстраивается на принципах критериальности, открытости, гибкости, предусматривает различные виды и формы контроля планируемых результатов, определяет разнообразные функции оценки – мотивационную, диагностическую, воспитательную, информационную. При этом приоритетным в диагностике становятся не репродуктивные задания (на воспроизведение информации), а продуктивные задания (задачи) по применению знаний, умений, предполагающие создание учениками в ходе решения своего информационного продукта. Конечная цель

системы контроля и оценки направлена на развитие рефлексивного плана деятельности, формирование адекватной внутренней самооценки учащихся и развитого чувства личной ответственности за процесс и результат непрерывного самообразования.

В-пятых, преобразование образовательной среды как среды социокультурной, развивающей, здоровьесберегающей. Сущность такой среды общеобразовательного учреждения отражает идеи и ценности современной постиндустриальной парадигмы образования и характеризуется более высокими по содержанию и интенсивности характеристиками совместной деятельности и общения, эмоционально и интеллектуально насыщенной атмосферой сотрудничества и созидания. В такой среде наиболее полно актуализируются и межличностные, и межгрупповые механизмы успешного развития личности и группы, процессы развития и саморазвития базовой культуры детей, педагогической культуры учителей и родителей учащихся. Определяющим элементом этой среды школы выступают уникальные отношения между ее субъектами, которые направлены на развитие и саморазвитие личности и создают тот особый образ жизни, которому присущи творчество детей и взрослых, инициативность, познавательная активность, взаимопомощь и сотрудничество.

2 Психолого-педагогическое обеспечение ФГОС

Многоплановое построение ФГОС с точки зрения целей, задач, подходов, средств, способов, механизмов, условий, результатов, оценок образования и отсутствие диктата содержания предполагает определенную вариативность стандарта, позволяющую индивидуализировать процесс обучения с учетом психологических особенностей детей, их творческих и личностных ресурсов. При этом фактор инвариативности стандарта выступает системой ограничений вариативности, цель которых обеспечить равные возможности субъектам образования в учебно-воспитательном процессе.

В главном стандарт направлен на подготовку поколения культурообразованных, свободных, инициативных людей, готовых к более сложной внутренней работе, в которой формируется личность в ее высших проявлениях. Такая внутренняя работа предполагает способность самостоятельно мыслить, сознательно и самостоятельно ставить цели, определяя направление собственной деятельности, сознательно принимать на себя ответственность за дела и поступки, автором и творцом которых выступает личность.

Инновационность подходов стандарта в психологическом выражении задается установкой на создание условий для воспитания и развития личности ребенка в разных гранях его проявлений как субъекта познания, деятельности, развития, общения, культуры, жизнедеятельности. Развитая интегративная субъектная активность предполагает сформированность у выпускников школы личностной позиции, адекватной ценностно-смысловому содержанию культуры и образования. По своей структурно-содержательной организации эта позиция представляет единство объективных и субъективных возможностей личности, где субъективные отражают меру глубины интериоризации культурных и образовательных ценностей, норм, смыслов, а объективные проявляют способность выпускников их реализовывать, воспроизводить и передавать. Субъективные показатели характеризуют личность выпускника в ее индивидуальном преломлении, как результат ценностного, личностного, жизненного самоопределения, выраженный в обретении своего ценностно-смыслового единства. Объективные показатели дают представление о его идентичности, характеризующей самостоятельное и осознанное владение смыслами и ценностями выполняемой деятельности, меру его успешности в обществе. Психологическим выражением личностной позиции выступает совокупность отношений, объединяющая в себе как основные ценностно-смысловые и деятельные отношения личности к себе, к другим людям, к миру, так и способ их реализации, отвечающий социальным нормам, потребностям, ценностям личности. Сформированность такой позиции выступает критерием зрелости личности выпускника и выражается в его относительной автономности, самодостаточности, независимости, свободе и социальной ответственности за свои поступки, особой духовной настроенности по отношению к себе и к другим людям, способности к самостоятельному принятию решений, реализации и индивидуальных и общественных целей.

Принципиальное значение на этапе внедрения новых федеральных государственных образовательных стандартов в систему образо-

вания приобретает создание модели их психолого-педагогического обеспечения, в которой, с одной стороны, должны найти воплощение основные идеи реформы, отраженные в ФГОС, с другой — психолого-педагогические средства их реализации. Создание такой модели, как формальной структуры, должно выстраиваться на принципах ее соответствия новой образовательной реальности, учета, основных, характерных для этой реальности требований, выделения существенного в содержании психолого-педагогического обеспечения. Построение такой модели на основе прогрессивных идей психологической и педагогической науки выступает важнейшим инновационным ресурсом процессов обновления и развития образования. Следует подчеркнуть, что проблематизация идеи, сущности, содержания психолого-педагогического обеспечения образования означает не только их обновление в свете экстенсивных целей и задач реформы образования, но и переосмысление, преобразование и качественное расширение позитивного опыта такой работы, накопленного за последние десятилетие в образовательной (и не только) практике.

В устоявшихся традициях науки, психолого-педагогическое обеспечение рассматривается как интегральное явление, представляющее собой единство четырех составляющих — научного, прикладного, практического и организационного порядка [4]. Воплощая на практике идеи гуманистического и личностно-ориентированного образования, технологии обеспечения направлены на создание условий для полноценного развития детей. В наиболее развернутой содержательной форме в практике образования представлена концепция психолого-педагогического обеспечения как сопровождения [2], идеологическая суть которой выстраивается на безусловной ценности внутреннего мира каждого школьника, приоритетности потребностей, целей, и ценностей его развития. Как система профессиональной деятельности психолога в образовательной среде сопровождение направлено на создание условий для максимального, в данной ситуации, личностного развития и обучения детей, возможностей их творческого и самостоятельного освоения системы отношений с миром и самим собой. Интеграция целей психологической и педагогической практики, их концентрация на личности ребенка предполагает осуществление сопровождения преимущественно педагогическими средствами при ведущей роли педагога, который оказывается соратником психолога в разработке стратегии сопровождения каждого ребенка и основным ее реализатором. Отличие сопровождения как технологии от других видов профессиональной деятельности психолога заключается в позициях субъектов сопровождения, способах взаимодействия, приоритетов в работе, а также в критериях эффективности деятельности психолога. В этом контексте содержание психологической деятельности предполагает систематическое отслеживание психолого-педагогического статуса школьников с точки зрения его актуального состояния и перспектив ближайшего развития, создание социально-психологических условий для успешного обучения и развития «психологически благополучных» школьников, создание специальных социально-психологических условии для решения проблем обучения, общения и психического состояния конкретных школьников или ученических коллективов. Опыт практической реализации данной модели психолого-педагогического сопровождения показал эффективность ее функционирования в образовательной системе.

В целом, интенсивное развитие теории и практики психолого-педагогического сопровождения в последние годы связано с расширением представлений о целях образования, в числе которых не только цели развития, воспитания, но и цели обеспечения физического, психического, психологического здоровья учащихся, превентивная и оперативная помощь в решении их индивидуальных проблем. «Широкая прописка» понятия «сопровождение» в современной психологии, обусловлена, прежде всего, усложнением задач психологической помощи, которые приобрели в последние десятилетия характер процессуальности, более продолжительной, комплексной, многоцелевой коррекции, поддержки и помощи в тех сферах жизнедеятельности личности, малых групп и общества, в которых имеют место экстремальность, неопределенность социальных и деятельностных условий. Концептуальные основы, подходы и принципы, положенные в основу функционирования психолого-педагогического сопровождения как явления на имплицитном этапе его развития, безусловно, выступают фундирующим основанием преобразования данной практики в свете новых требований.

В условиях современного образовательного пространства, ориентированного на внедрение ФГОС второго поколения, качество образования рассматривается в широком спектре таких категорий, как субъектная активность, саморазвитие, самореализация, социальное благополучие, психическое и психологическое здоровье, жизнестойкость, защищенность и т.п. В стратегическом плане речь идет о глубоко психологической по своему содержанию цели — формирование личности ученика как субъекта деятельности, развития, культуры, жизнедеятельности, как активного созидателя собственной жизни, бытия. Заданное идеальное представление будущих результатов образования в значительной степени расширяет сферы ответственности системно организованной практики психолого-педагогического обеспечения, выводит ее на новые уровни, методы и способы деятельности, организационные формы, предполагающие в процессуальном плане не только сопровождение (что остается приоритетом), но и со-действие, со-деятельность, со-творчество, сотрудничество, со-бытие, в рамках которых ребенок становится полноценным участником учебных, деятельностных, образовательных, жизненных ситуаций. Общественно значимая миссия психолого-педагогического обеспечения — сделать «возможным, действительным, реальным» [9] достижение поставленных образованием целей с опорой на методологические подходы и принципы современной психологической и педагогической науки.

3 Основные принципы психолого-педагогического обеспечения ФГОС

На эксплицитном этапе становления психолого-педагогического обеспечения процессов внедрения ФГОС в системе образования принципиально важным является выделение тех организационных и содержательных приоритетов, которые отвечают новым требованиям. Акцентируем внимание на некоторых из них.

В содержательном плане суть идеи психолого-педагогического обеспечения в свете новых требований — это интегральный подход как к вопросам обучения, воспитания, развития, так и к процессам социализации и индивидуализации, обеспечивающим полноценное и своевременное социальное развитие. Развертывание этих линий как поступательно осуществляемого процесса является основой «врастания» ребенка в культуру [3], становления универсальных человеческих способностей, важнейшим моментом целеполагания в социальном развитии. Смысл успешного социального развития может быть представлен именно в творческой социализации и индивидуализации. Направленность психолого-педагогического обеспечения на процессы становления личности ребенка как субъекта деятельности, развития, культуры, жизнедеятельности предопределяет ее функциональное назначение как создание необходимых социальных и психолого-педагогических условий для полноценного проявления и, соответственно, развития личностных функций субъекта образовательного процесса.

Важнейшей внутренней характеристикой этих условий является построение между участниками образовательного пространства субъект-субъектных отношений, в рамках которых и предметная деятельность и общение помимо объективной целесообразности приобретают субъективный, личностный смысл, переживаются как определенный аспект «Я», что обеспечивает сохранения ученика в качестве субъекта. Такой вид отношений характеризуется, прежде всего, отношениями равноправных субъектов как партнеров по общению. Они основываются на априорном безусловном принятии друг друга как ценностей самих по себе и предполагают ориентацию на индивидуальную неповторимость каждого из субъектов. Эти отношения представляют собой тот оптимальный психологический фон организации контактов, который при адекватной внешней репрезентации и внутреннем принятии приводит к подлинному взамораскрытию, взаимопроникновению, личностному взаимообогащению взаимодействующих на этом уровне людей. Реализация модели и программы формирования субъект-субъектных отношений способствует становлению субъектной позиции учеников, актуализирует проявление таких способностей и качеств как инициативность, самостоятельность, уверенность, способность делать свободный выбор. Психологическим условием развития субъект-субъектных отношений в образовательном учреждении выступает опора на следующие принципы:

– принцип диалогичности, предполагающий эмоциональную и личностную открытость субъектов общения, безоценочность, доверительность и искренность выражения

чувств и состояний, что создает единое эмоциональное «со-бытие», особое психологическое пространство, в котором разворачивается творческий процесс развития и саморазвития. Как высший уровень организации отношений и общения, диалог выступает наиболее органичной формой педагогического взаимодействия, обеспечивающей условия для оптимально благоприятного психического функционирования и личностного развития детей, приобретения опыта творческой деятельности и эмоционально-ценностных отношений;

– принцип амплификации, утверждающий направленность взрослых на широкое развертывание и максимальное обогащение содержания деятельности и общения детей. В самом точном смысле слова амплификация означает лишь одно: содействие в превращении деятельности ребенка, заданной взрослым через систему культурных образцов, в самодеятельность, направленную на творческое переосмысление (переконструирование) этих образцов, главным результатом которой становится порождение нового образа себя и своих возможностей. Благодаря этому сама деятельность (в ее многообразных видах) из «инструмента педагогического воздействия» трансформируется в средство саморазвития и самореализации своего субъекта — ребенка [6]. Амплификации — это условие свободного развития, поиска и нахождения школьником «себя в материале, в той или иной форме деятельности или общения» [3];

– принцип «зоны ближайшего развития», как важнейший принцип организации развивающего обучения. Вводя этот принцип, Л. С. Выготский считал, что он, с одной стороны, нацеливает образование на поддержку самых разных возможностей ребенка и раскрывает психологическое содержание тезиса о том, что педагогика должна ориентироваться не на вчерашний, а на завтрашний день детского развития. С другой стороны, он ставит в центр процесс сотрудничества ребенка с взрослым и сверстниками. Развивающий эффект в реализации принципа «зоны ближайшего развития» достигается за счет непосредственной поддержки и участия взрослого в действиях и деятельности ребенка. Такое общение должно предполагать не только взаимодействие, но и взаимоотношение. Через выражение личного отношения внешняя реальность другого переживается во внутренней жизни детей как свое, и, в то же время, иное. Ребенок встречает и узнает свое существо за пределами самого себя, благодаря чему становится возможным выход за пределы актуального поля или развитие. Феноменология открытия для себя новых возможностей — творческий акт самого ребенка. В таком диалоге детство через взрослых воспитывает само себя [12].

Конструирование субъект-субъектных отношений участников образовательного процесса выступает важнейшим условием формирования социокультурной среды школы и основой эффективного функционирования психолого-педагогического обеспечения в целом.

В организационном плане полноценное построение психолого-педагогического обеспечения базируется на следующих принципах:

– системности — существование алгоритма работы и использование возможностей всех основных направлений деятельности;
– целостности — рассмотрение личности субъекта деятельности в целом, во всем разнообразии ее познавательных, мотивационных, эмоциональных проявлений;
– целесообразности — любое психолого-педагогическое воздействие на личность (на процесс деятельности) должно быть осознанным и подчинено поставленной цели;
– причинной обусловленности — воздействие должно быть направлено на причину явления, а не на его следствие;
– своевременности — воздействие должно быть проведено вовремя и в наиболее благоприятных для его высокой эффективности условиях;
– непрерывности и преемственности в решении задач сопровождения с учетом определенной ступени образования, особенностей развития и др.

Интеграция в системе психолого-педагогического обеспечения педагогических и психологических функций актуализирует вопросы сопряжения и разграничения общего и специфического в профессиональной деятельности субъектов образования. Особое значение приобретает объединение психологов и педагогов, а также родителей в совместной деятельности, направленной в контексте общей идеологии психолого-педагогического обеспечения на постановку и решение взаимосвязанных задач, аккумулирующей опыт каждого участника и при этом сохраняющей самобытность и спец-

ификацию деятельности и роли каждого специалиста. «Психологизация» целей образования в новых ФГОС в значительной степени расширяет пространство взаимодействия педагогов и психологов в новых контекстах: создание и внедрение новых психолого-педагогических технологий организации образовательной среды и оценки результатов образовательного процесса; разработка методов обучения, обеспечивающих формирование у учащихся универсальных учебных действий как основы «умения учиться» на начальной, основной и старшей ступени, определение критериев оценки их сформированности; разработка оценочно-критериальной базы компетентностного подхода. Конституирующим фактором такой совместной деятельности является повышение эффективности педагогического труда. Инновационность ситуации взаимодействия отводит решающую роль психологу в организации и реализации широко развернутой деятельности по психологическому просвещению субъектов образовательного пространства, развитию их психологической грамотности, шире психологической культуры, психологической готовности к педагогической деятельности в условиях новой школы. Такое взаимодействие профессионалов требует дополнительной проработки оснований, содержания и порядка профессиональной кооперации, в которой каждый специалист находит свое назначение в едином ценностно-смысловом пространстве образования, осознает границы своей профессиональной компетентности, разделяет ответственность за общий результат. С позиций личностно-ориентированного подхода основной упор в профессиональной деятельности психолога делается на превентивной, просветительской, развивающей работе, предполагающей формирование у детей оптимальных способов общения и поведения, становление жизненных целей, продуктивных жизненных стратегий, позволяющих осуществлять свою максимальную самореализацию.

Заключение

В свете расширенных целей и задач психолого-педагогической практики построение интегральной модели психолого-педагогического обеспечения ФГОС предполагает создание системно организованной структуры, компоненты которой отражают специфические содержательные особенности профессиональной реальности как педагогической, так и психологической деятельности, а также тематически-смысловое пространство совместной деятельности педагогов, психологов, родителей на каждом этапе школьного обучения. Особая роль и характер психолого-педагогического обеспечения, как реального ресурса образования в инновационных условиях его развития, обусловливает необходимость подготовки профессиональных кадров, отвечающих новым требованиям.

Литература

1 **Асмолов А. Г**. Психология личности. М.: Изд-во МГУ, 1990.
2 **Битянова М. Р.** Организация психологической работы в школе. М.: Совершенство, 1997.
3 **Выготский Л. С**. Собрание сочинений: в 6 т. Т. 6. Научное наследство / под ред. М. Г. Ярошевского. М.: Педагогика, 1984.
4 **Дубровина И. В**. Школьная психологическая служба. М., 1991.
5 **Зимняя И. А**. Ключевые компетенции — новая парадигма результата образования // Высшее образование сегодня. 2003. № 5. С. 34–42.
6 **Кудрявцев В. Т**. А. В. Запорожец: от идеи самоценности детства — к принципам самодетерминации и амплификации детского развития // Науки о детстве и современное образование. М., 2005.
7 **Лебедев О. Е**. Компетентностный подход в образовании // Школьные технологии. 2004. № 5.
8 Стратегия модернизации содержания общего образования: Материалы для разработки документов по обновлению общего образования. М., 2001. С. 14.
9 **Ожегов С. И**. Словарь русского языка М.: Русский язык, 1978.
10 **Рубинштейн С. Л.** Человек и мир. СПб.: Питер, 2012.
11 **Хуторской А. В**. Дидактическая эвристика. Теория и технология креативного обучения. М.: Изд-во МГУ, 2003.
12 **Эльконин Д. Б.** Избранные психологические труды / под ред. В. В. Давыдова, В. П. Зинченко. М., 1989.

ДОМИНИРУЮЩАЯ МОТИВАЦИЯ ОФИЦЕРОВ СПЕЦИАЛЬНЫХ ПОДРАЗДЕЛЕНИЙ

Кулагина И. Ю., Апасова Е. В.
МГППУ, Москва

В статье обсуждается вопрос о становлении мотивации в зрелости, при достижении высокого уровня профессионального мастерства. Изложены результаты эмпирического исследования доминирующей мотивации военнослужащих, имеющих высшее образование и отвечающих всем требованиям, предъявляемым профессионалам в этой сфере — офицеров специальных подразделений (спецназа). Исследование выполнено в русле теории профессора Б. Н. Рыжова.

Ключевые слова: мотивация, зрелость (средний возраст), профессионализм, профессия офицера.

SPECIAL DIVISION OFFICERS' DOMINANT MOTIVATION

Kulagina I. Yu., Apasova E. V.
MSUPE, Moscow

In the article the question of the motivation formation in maturity at achievement of high level of professional skill is discussed. The results of empirical research of dominating motivation of the militaries who have the higher education and meet all professional demands needed in this sphere — officers of special divisions (special forces) are presented. This research is executed in accordance to the theory of professor B. N. Ryzhov.

Keywords: motivation, maturity (middle age), professionalism, profession of an officer.

Введение

Мотивация — это то, что побуждает и направляет деятельность человека, придает ей смысл, то, что определяет цели и, с определенного возраста — жизненные планы, особенности их реализации. Поэтому мотивация считается ядром личности во многих психологических школах — в психоанализе, гуманистической психологии, деятельностном подходе и др. Устойчивые мотивы, составляющие ядро личности, обычно называются доминирующей или ведущей мотивацией. Они определяют общую направленность личности, формирующуюся в подростковом возрасте [2]. Доминирующая мотивация, как и другие личностные особенности, продолжает развиваться на следующих возрастных этапах, и в зрелости — времени достижения продуктивности в основных сферах жизни [12] — развитие оказывается связанным с профессиональной деятельностью, в которую включен человек.

Социум ставит перед человеком задачу профессионального самоопределения в юношеском возрасте, и профессиональное самоопределение юноши неразрывно связано с моральным самоопределением. Выбор профессии означает не только выбор деятельности, но и выбор круга общения, ценностей и образа жизни, этому кругу присущих, и, следовательно, оказывает решающее влияние на весь жизненный путь. Насколько свободным является этот выбор — сам человек, исходя из своих потребностей и мотивов, определяет свой жизненный путь, или все предопределено обстоятельствами — вопрос спорный [1]. Но, работая в определенной области, уже взрослый человек, поднявшийся на ту ступень онтогенеза, которую называют зрелостью или средним возрастом, сохраняет или меняет исходную мотивацию. Можно предположить, что в этом возрастном периоде, мотивацией, наиболее адекватной целям, заложенным в конкретной профессии, является мотивация лиц, достигших высокого уровня профессионального мастерства.

Профессия военного, как и любая другая, имеет свою специфику. Профессионализм офицера — это высокое педагогическое и ораторское мастерство, талант вкладывать душу в то, что ты делаешь; знание всех тонкостей и деталей своей профессии и бесконечный интерес к ней; это сложное психологическое образование, обусловленное фактором опасности как необходимой составной части выполнения служебного долга в любых условиях деятельности. По мнению специалистов, профессионализм в сфере опасных профессий, к которым относится и профессия офицера, есть состав-

ляющая человеческого бытия, представляющая собой совокупность личностных, мировоззренческих, деловых, профессиональных и нравственных качеств человека. Стержнем нравственности становится мораль подвижничества, при которой тенденция к самосохранению отходит на второй план. Офицер всегда должен быть лучше, чем он есть, чем он о себе думает, и каким его ожидают видеть.

Основой профессионализма офицера является, прежде всего, порядочность: подчиненные последуют за офицером, если он покажет, что каждый его шаг мотивируется чувством долга и уверенностью в правоте своего дела. Порядочность включает в себя и личное мужество, ответственность за принятие решения, организованность, самокритичность.

Доминирующим мотивом профессионала в экстремальной ситуации выступает совесть, а духовная жизнь представителя данной профессии состоит в том, что он призван совершить добро, превратив мужество в профессионализм, а опасность в совесть. Для специалиста в сфере опасных профессий путь к профессии офицера предполагает в качестве основной мотивации потребность в добровольном выборе своей судьбы, включающую стремление преодолеть себя, пойти на риск в интересах других. Совесть, свобода, жизнелюбие и воля — вот первые нравственные ступени восхождения военнослужащего к вершинам моральных ценностей — защитить чужую жизнь [5, 6, 8].

1 Теоретические предпосылки исследования

При изучении доминирующей мотивации как ядра личности необходимо, в первую очередь, остановиться на видах мотивов.

В классификации, разработанной А. Маслоу [7], потребности и мотивы образуют уровни — от базовых, обеспечивающих выживание человека, до смыслообразующих, обеспечивающих личностный рост:

– физиологические потребности;
– потребности безопасности и защиты;
– потребности в принадлежности и любви;
– потребности в уважении и самоуважении;
– потребность в самоактуализации.

Мотивационная система иерархически организована так, что потребности и мотивы более высокого уровня актуализируются и развиваются при удовлетворении потребностей и мотивов более низкого уровня.

В отечественной психологии наиболее известна типология, разработанная Л. И. Божович и ее сотрудниками [2], включающая три группы доминирующих мотивов:

– мотивы собственного благополучия, стремление к самоутверждению и личным достижениям, определяющие личную направленность;

– интересы общества и коллектива, определяющие коллективистическую направленность личности;

– стремление к познанию, интерес к процессу выполнения деятельности и ориентация на достигаемый результат, определяющие деловую направленность личности.

Классификация доминирующих мотивов, или мотивов надситуативного уровня, предложенная И. Ю. Кулагиной [4], содержит три вида мотивов:

– гедонистические мотивы, подчиненные принципу удовольствия;

– эгоцентрические мотивы, ориентирующие на достижение узколичных интересов;

– духовно-нравственные мотивы, создающие возможность, выйдя за рамки личных интересов, создавать и поддерживать сущностные связи с миром.

Если первый вид мотивации является примитивным, второй — узким, то третий — в наибольшей степени отражающим сущность человека, соответствующим известному положению В. Франкла о самотрансценденции человеческого существования: «Быть человеком — значит всегда быть направленным на что-то или на кого-то, отдаваться делу, которому человек себя посвятил, человеку, которого он любит, или Богу, которому он служит» [11, с. 51].

Остановимся на типологии мотивов, используемой в данном исследовании – типологии мотиваций, созданной в рамках системной психологии Б. Н. Рыжовым [9]. Системный анализ мотивации позволил установить два основных типа мотивации — биологический и социальный (рис. 1).

Биологический тип мотивации, подчиненный цели развития вида «человек», включает в себя четыре вида мотивов:

– репродуктивная мотивация, обеспечивающая биологическое размножение человека;

– охранительная мотивация, направленная на сохранение других членов сообщества, обеспечивающая выживание человеческого вида в целом;

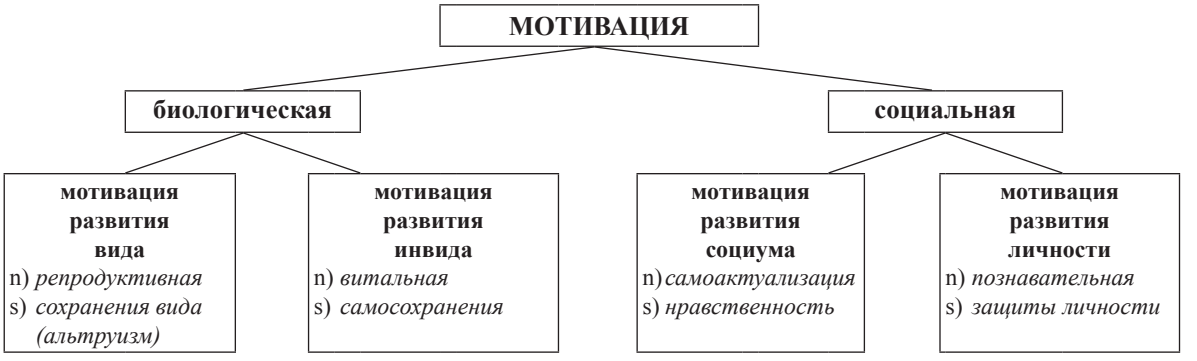

Рис. 1. Типология мотиваций, разработанная Б. Н. Рыжовым

– витальная мотивация, обеспечивающая нормальную жизнедеятельность человеческого организма и направленная на достижение необходимого баланса обменных процессов между организмом и средой обитания;

– мотивация самосохранения, направленная на достижение индивидуальной устойчивости человека и его организма во взаимоотношениях со средой.

Социальный тип мотивации, подчиненный цели развития генеральной социальной системы — цивилизации, включает в себя четыре вида мотивов:

– мотивация самоактуализации, стремление к репродукции своего «Я» за счет прямого или косвенного воздействия на других членов социума, проявляющееся на разных уровнях — от примитивного самоутверждения до раскрытия творческого потенциала личности;

– мотивация, актуализирующая нравственный потенциал личности в соответствии с усвоенными нормами морали, принятыми в данном обществе;

– познавательная мотивация, благодаря которой увеличивается объем знаний и умений, которыми владеет личность;

– мотивация, актуализирующая защитный потенциал личности, сохраняющий и повышающий ее устойчивость при внешних взаимодействиях.

Доминирование в индивидуальном мотивационном профиле определенных видов мотивации приводит к структурному своеобразию ядра личности. Различия мотивационных профилей могут быть не только индивидуальными, но и типологическими.

2 Организация исследования

Целью эмпирического исследования явилось выявление особенностей доминирующей мотивации военнослужащих, достигших высокого уровня профессионального мастерства.

Задачи исследования.

1) Определить соотношение биологической и социальной мотивации, присущей военнослужащим-профессионалам высокого уровня.

2. Представить системный профиль мотивации, характерный для офицеров спецназа.

3. Сопоставить мотивационные показатели военнослужащих и гражданских лиц того же возраста.

В исследовании приняли участие 60 военнослужащих — офицеров специальных подразделений и 60 представителей гражданских служб. Возраст респондентов — 25–45 лет (что соответствует периодам ранней зрелости и зрелости, согласно получившей широкое распространение периодизации развития личности, разработанной Э. Эриксоном). При проведении эмпирического исследования использовалась методика Б. Н. Рыжова — Тест системного профиля мотивации [10].

3 Результаты исследования

Изучение биологической и социальной мотивации показало, что у офицеров спецназа биологическая мотивация значимо выше, чем социальная (рис. 2). То есть у военнослужащих-профессионалов высокого уровня определяющей является ориентация на развитие вида «человек», что согласуется с высшими целями профессии офицера.

Предположение о том, что приоритет биологической мотивации отражает специфику профессиональной деятельности военнослужащих, подтверждает сравнение мотивационных показателей офицеров спецназа и гражданских лиц. У респондентов из гражданских служб биологическая мотивация по своей выраженности незначительно

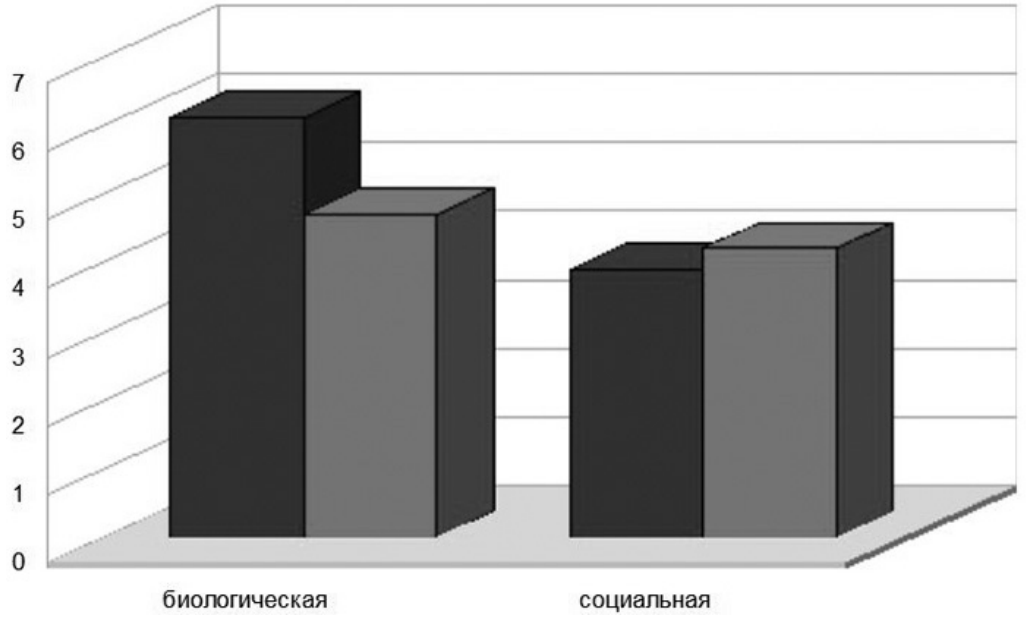

Рис. 2. Выраженность биологического и социального типов мотивации у военнослужащих и гражданских лиц:
■ — спец. наз., ■ — гражданские

превышает социальную (значимые различия отсутствуют), что свидетельствует о равной значимости целей развития вида «человек» и развития цивилизации.

Рассмотрим мотивационный профиль, присущий офицерам спецназа, в сравнении с мотивационным профилем гражданских лиц (рис. 3). В мотивационном профиле военнослужащих-профессионалов высокого уровня максимально выраженной является охранительная мотивация, направленная на сохранение других членов сообщества, или альтруизм. Именно этот вид биологической мотивации в наибольшей мере отвечает тем задачам защиты населения, которые ставятся перед военнослужащими.

В то же время лица, находящиеся на гражданской службе, в мотивационном профиле имеют противоположные по содержанию мотивы в качестве наиболее выраженных

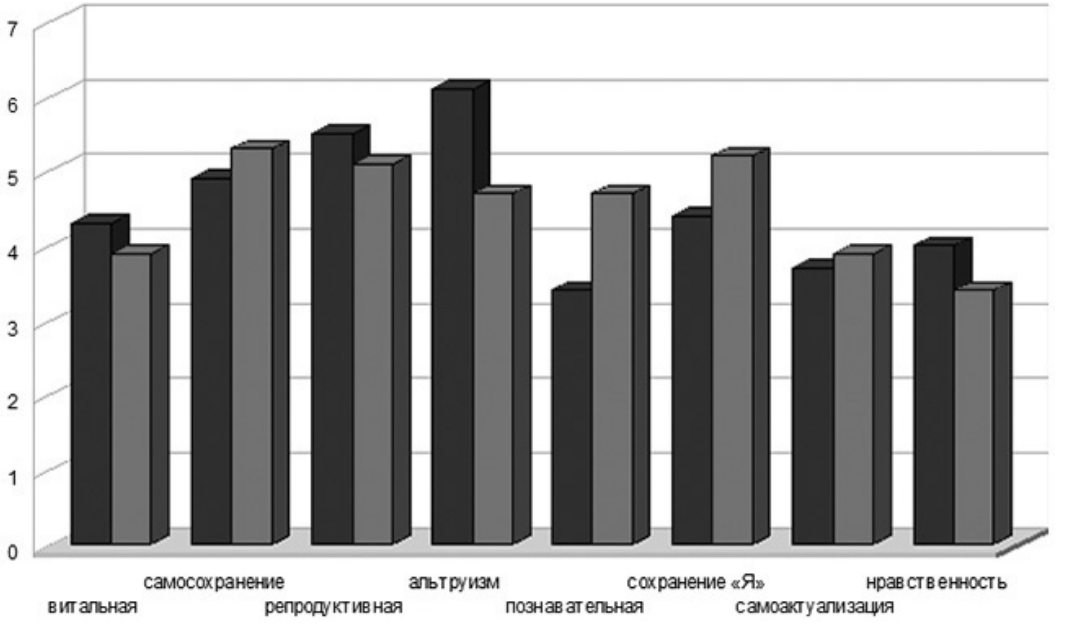

Рис. 3. Мотивационные профили военнослужащих и гражданских лиц:
■ — спец. наз., ■ — гражданские

мотивационных тенденций. Это мотивация самосохранения и мотивация сохранения «Я», актуализирующая защитный потенциал личности. Гражданские профессии, соответствующие им ценности и образ жизни, способствуют созданию ориентации на поддержание устойчивости как индивида (самосохранение — биологическая мотивация), так и личности (сохранение «Я» — социальная мотивация).

Сопоставим эти данные с результатами, полученными с помощью методики Б. Н. Рыжова, в московском кадетском корпусе юстиции и московской средней общеобразовательной школе [3]. У старших подростков, воспитанников кадетской школы-интерната, имеющей военно-патриотическую направленность, показатели альтруизма оказались значимо выше, чем у их сверстников из обычной средней школы. Таким образом, охранительная (альтруистическая) мотивация может начать интенсивно развиваться еще в старшем подростковом возрасте при ранней ориентации на военные профессии, и достигает высокого уровня развития у профессионалов – офицеров специальных подразделений.

Следует отметить, что и для военнослужащих, и для гражданских лиц характерна ярко выраженная репродуктивная мотивация. Это возрастная особенность: ранняя зрелость и зрелость — время продуктивности в сфере семейных отношений, рождения детей и заботы о них.

Установлены значимые различия в мотивационных показателях двух групп респондентов. Альтруизм значимо выше у офицеров спецназа, чем у гражданских лиц, в то время как у представителей гражданских профессий значимо выше, по сравнению с военнослужащими, мотивация сохранения «Я» и познавательная мотивация. Последнее также представляется закономерным: отсутствие экстремальных ситуаций создает большие возможности для спокойного и планомерного пополнения знаний в самых разных областях.

Заключение

У офицеров специальных подразделений, как профессионалов высокого уровня, наиболее ярко представлены мотивационные тенденции, характерные для военнослужащих в целом. Полученные при проведении эмпирического исследования данные свидетельствуют о том, что:

– у офицеров преобладает биологическая мотивация, подчиненная цели развития вида «человек», в то время как гражданским лицам в равной мере свойственны и биологическая, и социальная мотивация, подчиненная цели развития цивилизации;

– в мотивационном профиле офицеров максимально выражен альтруизм — мотивация, направленная на сохранение других членов сообщества, тогда как представители гражданских профессий ориентированы на самосохранение и защиту своего «Я».

Профессия военного накладывает отпечаток на ядро личности — мотивацию, и при высоком уровне профессионального мастерства проявляются те мотивационные тенденции, которые согласуются с распространенными литературными (начиная с былин) и житейскими представлениями о защитниках Родины.

Литература

1 **Дружинин В. Н**. Варианты жизни: Очерки экзистенциальной психологии. М.: ПЕР СЭ, СПб.: ИМАТОН, 2000.
2 Изучение мотивации поведения детей и подростков / под ред. Л. И. Божович, Л. В. Благонадежиной. М.: Педагогика, 1972.
3 **Кожинова О. В.** Мотивация воспитанников кадетского корпуса // Мотивация в современном мире. Материалы международной научно-практической конференции. М.: МГПУ, 2011.
4 **Кулагина И. Ю.** Проблемы доминирующей мотивации в контексте теории деятельности А. Н. Леонтьева // Московская психологическая школа. История и современность / под ред. В. В. Рубцова. М.: МГППУ, 2007. Т. 4.
5 **Маркова А. К.** Мотивация воинской деятельности: содержание и проблемы. М.: Воениздат, 1994.
6 **Маркова А.К.** Психология профессионализма. М.: РАГС, 2006.
7 **Маслоу А.** Мотивация и личность. СПб.: Питер, 2011.
8 Психология и педагогика профессиональной деятельности офицера: учеб. пособие. М.: ВУ, 1998.
9 **Рыжов Б. Н.** Системная психология. М.: МГПУ, 1999.
10 **Рыжов Б. Н.** Тест системного профиля мотивации. М.: МГПУ, 2009.
11 **Франкл В.** Человек в поисках смысла. М.: Прогресс, 1990.
12 **Эриксон Э.** Детство и общество. СПб.: Ленато, АСТ, 1996.

ПСИХОФИЗИОЛОГИЧЕСКИЕ ОСОБЕННОСТИ РАЗВИТИЯ ДЕТЕЙ С ОТДАЛЕННЫМИ ПОСЛЕДСТВИЯМИ АНТЕНАТАЛЬНОЙ ИНТОКСИКАЦИИ ГЕРОИНОМ*

Арзуманов Ю. Л.
МГПУ, ФГБУ «Национальный Научный Центр Наркологии» Министерства здравоохранения Российской Федерации, Москва

Васечкин В. Б., Абакумова А. А.
ФГБУ «Национальный Научный Центр Наркологии» Министерства здравоохранения Российской Федерации, Москва

Впервые проводился комплексный анализ и оценка особенностей состояния когнитивных, эмоциональных, поведенческих, психофизиологических и электрофизиологических показателей у детей старшего дошкольного и младшего школьного возраста (6–10) лет с последствиями пренатальной интоксикации героином. Показаны нарушения зрительного, слухового, пространственного восприятия, произвольных формы внимания, вербально-логических операций, конструктивных форм мышления, а также неустойчивость эмоционального состояния с преобладанием упрямства, возбудимости и агрессивности.
Ключевые слова: антенатальная героиновая интоксикация, нарушения высших психических функций, дети дошкольного и младшего школьного возраста.

PSYCHOPHYSIOLOGICAL FEATURES OF CHILDREN DEVELOPMENT WITH PRENATAL HEROIN INTOXICATION

Arzumanov Yu. L.
MCTTU, National Scientific Centre of Narcology of the Ministry of Health and Social Development of the Russian Federation, Moscow

Vasechkin V. B., Abakumova A. A.
National Scientific Centre of Narcology of the Ministry of Health and Social Development of the Russian Federation, Moscow

The comprehensive analysis and assessment of cognitive, emotional, behavioural, psycho-physiological and electro-physiological functions in senior pre-school and younger school (6–10 years) children with consequences of prenatal heroin intoxication compared to children without prenatal heroin intoxication was carried for the first time. It has been shown that higher mental functions disorders are manifested in violations of visual, acoustical, spatial perception, in different forms of mental activity, verbal and logical operations, constructive forms of thinking and also in instability of emotional condition with prevalence of obstinacy, excitability, aggressiveness, hostility and inconsistency of behavioural reactions.
Key words: prenatal heroin intoxication, higher mental functions disorders, pre-school and younger school children.

Введение

В научной литературе активно рассматриваются вопросы антенатального влияния героина на плод. Причем, по общебиологическому значению, возможным медицинским, психосоциальным последствиям данные исследования являются чрезвычайно актуальными и своевременными. Анализ наркотической ситуации в России за последние годы позволяет говорить о возможной серьезной угрозе здоровью населения страны. Растет злоупотребление психоактивных веществ с выраженными медико-социальными последствиями. Налицо увеличивающийся рост распространенности этих заболеваний.

По данным Раут Ч. П. и Стефен А. [6], среди всех наркозависимых лиц 25% это женщины детородного возраста, продолжающие прием наркотиков во время беременности. С момента первого описания негативного

* Работа выполнена при поддержке гранта РГНФ проект № 11-06-00619а.

эффекта наркотизации на беременную женщину накоплен большой материал, позволяющий выделить несколько аспектов наркотизации беременных. Это, в первую очередь, воздействие наркотиков на организм женщины и на процессы течения беременности и родов. Во-вторых, влияние наркотиков на развитие плода, проявляется в развитии врожденных пороков, замедлении темпов внутриутробного развития мозга и внутриутробной гибели. В-третьих, это влияние внутриутробной наркотизации на состояние ребенка после рождения, его жизнеспособность и адаптацию к внеутробной жизни.

Данное исследование посвящено оценке отдаленных последствий антенатальной интоксикации героином плода. Необходимость подобного подхода вызвана необходимостью выявления причин, приводящих к трудностям обучения у детей младшего школьного возраста и выработкой соответствующих коррекционных подходов, способных уменьшить вероятность «застревания» на временных неудачах обучения. Хорошо известно, что трудности обучения могут сами по себе явиться фактором риска, способствующим развитию у ребенка нервно-психических и психосоматических расстройств, вплоть до формирования различных форм девиантного поведения. Гипотеза исследования формулируется следующим образом: формирование психических функций в онтогенезе носит гетерохронный, неравномерный характер, обусловленный действием биологических и социальных факторов. Специфика их взаимодействия определяет особенности развития психических функций в норме и патологии.

1 Материалы и методы исследования

Объектом исследования явились дети старшего дошкольного и младшего школьного возраста (6–10) лет, в периоде обучения в средних общеобразовательных школах. Исследование проводилось на базе амбулаторного детско-подросткового реабилитационного отделения ГУЗ Наркологического диспансера ЮЗАО г. Москвы и Центра наркологии МЗ РФ. В исследовании были включены 128 детей (63 мальчиков и 65 девочек) с отягощенным анамнезом антенатальной интоксикацией героином матерью [1, 2]. Исследовались когнитивные функции, особенности поведения, эмоциональное состояние, различные варианты нарушений высших психических функций у детей с отдаленными последствиями эффектов антенатальной интоксикации героином.

Для подтверждения выдвинутой гипотезы были использованы следующие **методы исследования:** клинико-психологический, наблюдение за поведением пациента; анализ истории жизни (сбор анамнеза), исследование индивидуально-типологических и психологических особенностях личности, психодиагностический (комплекс психодиагностических и нейропсихологических методик, направленных на изучение познавательной деятельности, эмоциональных и поведенческих проявлений в детском возрасте), а также методы дифференциальной нейропсихологии; математико-статистический метод (обработка данных с помощью ПК с использованием пакета программ Excel 2007 фирмы Microsoft, Statistika 6.0. фирмы StatSoft).

Для изучения психологических особенностей детей, перенесших антенатальную интоксикацию героином, использовались методы:

- изучения познавательной деятельности ребенка (изучение восприятия цвета и формы);
- изучения восприятия пространства и величины, изучения зрительного восприятия («Узнавание перечеркнутых изображений», «Узнавание недорисованных изображений», «Понимание сюжетной картинки»);
- изучения слухового восприятия, внимания, мышления, памяти, речи («Запомни и расставь точки», «Проставь значки», «Найди 10 отличий») и эмоционально-личностной сферы («Оценочная шкала эмоционально-личностных проявлений ребенка», проективный тест «Рисунок человека»).

2 Результаты

Когнитивные функции у исследуемых детей старшего дошкольного и младшего школьного возраста характеризуются определенными типами нарушений: восприятия — зрительного и слухового (сужение поля восприятия, невозможностью объединять отдельные впечатления в целостные образы, наличие цветовой, предметной и слуховой агнозии, пространственных представлений, трудностью в понимании предлогов и слов, обозначающих пространственное взаиморасположение объектов); внимания (быстрая истощаемость, повышенная переключаемость, нарушение его концентрации); памяти — слухоречевой, зрительной (сужение объема памяти, снижение

продуктивности, слабое развитие процесса сохранения поступающей информации); речи (недостаточность автоматизированной, дезавтоматизированной, спонтанной, повторной и связной речи); мышления (затруднения в конструировании пространственно-временных связей и выявлении логических отношений, снижение операций пространственного анализа и синтеза, обобщения и абстрагирования).

Понимание смысла и значений как вербального, так и невербального материала у этих детей в младшем школьном возрасте с отдаленными последствиями эффектов антенатальной интоксикации героином затруднено, отмечаются также трудности в понимании смысла вербального и невербального материала. Отмечается несформированность таких компонентов психических процессов, как фонематический слух, объем слухового восприятия и вербальной памяти, имеются затруднения в формировании мышления — как на вербальном, так и на невербальном уровнях. Снижение зрительного восприятия и пространственного анализа и синтеза проявляются в основном при решении невербальных мыслительных задач. Это позволяет предположить, что именно фонематический слух, объем слухового восприятия и вербальной памяти играют приоритетную роль в развитии мыслительной деятельности на исследуемом возрастном этапе.

Для младших школьников с отдаленными последствиями эффектов антенатальной интоксикации героином с отклонениями в формировании мышления (парциальных отклонениях вербального мышления, невербального мышления и сочетанных отклонений вербального и невербального мышления) характерны специфические сочетания симптомов несформированности мышления, указывающие на заинтересованность различных отделов мозга. Нарушения высших психических функций у детей с отдаленными последствиями антенатальной интоксикации героином проявляются в несформированности вербально-гностических и вербально-мнестических процессов, в формировании синдрома несформированности зрительного и зрительно-пространственного восприятия и синдрома несформированности произвольных движений и действий; синдрома нарушения слухового восприятия и модально-специфической слухоречевой памяти; синдром нарушения эмоционально-поведенческой сферы. Скорее всего, наличие сложных нарушений высших психических функций у детей с отдаленными последствиями эффектов антенатальной интоксикации героином свидетельствует о диффузном характере поражения морфофункциональных систем мозга.

У детей основной группы были выявлены нарушения слухового восприятия в виде неспособности определить значение различных бытовых звуков и шумов, невозможности правильно оценить и воспроизвести относительно простые ритмические структуры, предъявляемые на слух, неспособность определить на слух количество звуков и силу удара, что могло свидетельствовать о наличии у них гностических слуховых расстройств.

Особенности внимания, слухоречевой и зрительной памяти у детей с последствиями антенатальной интоксикацией героином. Выявлено нарушение, как произвольных, так и непроизвольных форм внимания, их быстрая истощаемость, резкое сужение объема и нарушение их концентрации при различных видах психической деятельности. У детей основной группы выявлены нарушения слухоречевой и зрительной памяти в виде сужения ее объема, снижения продуктивности мнестической функции, слабого развития процесса сохранения поступающей информации, наличия ошибок при воспроизведении слухоречевого и зрительного материала, что может быть обусловлено низким уровнем регулятивного процесса, сужением объема внимания, непроизвольной переключаемостью и отсутствием контроля за качеством выполнения деятельности.

Особенности речевого развития детей с последствиями антенатальной интоксикацией героином. У детей основной группы отмечались речевые нарушения в виде трудностей в понимании предложно-падежных конструкций, наличия нарушений звукопроизношения, недостаточной сформированности фонематических процессов, связной речи, а также затруднений в конструировании пространственно-временных связей и выстраивании логических отношений. Следовательно, у детей основной группы страдают все формы устной речи, что сказывается на специфике их мышления, и, как следствие, на формировании категориальной структуры сознания.

Особенности мышления детей с последствиями антенатальной интоксикацией героином. У детей основной группы страдает оптико-пространственный анализ и синтез, нарушаются наглядно-образные, кон-

структивные формы мышления. Проявляются сложности в формировании вербально-логических операции, нарушается сама структура интеллектуальной деятельности, так как они испытывают трудности на стадиях предварительного контроля и анализа результатов деятельности.

Особенности эмоциональной сферы и поведения у детей с последствиями антенатальной интоксикацией героином. Для детей основной группы характерны изменения на уровне аффективной регуляции в виде снижения эмоционального контроля, что указывает на дезадаптацию в регуляции эмоциональной сферы. У 67% обследуемых эмоциональное состояние отличаются неустойчивостью, кратковременным преобладанием повышенного и пониженного фона настроения с преобладанием таких эмоциональных реакций как упрямство, возбудимость, обидчивость и враждебность. Кроме того, в их поведении отмечается импульсивность, снижение активного внимания, саморегуляции, непоследовательность поступков, неумение подчиняться правилам, что позволяет предположить, что эти дети могут стать источником конфликтов в межличностных отношениях (рис. 1).

Взаимосвязь основных показателей, характеризующих состояние эмоционально-поведенческой и когнитивной сфер детей старшего дошкольного возраста с последствиями антенатальной интоксикацией героином, показана на основании процедуры корреляционного анализа. Обнаружены специфические синдромы, отражающие дисфункциональность высших психических функций, в основе которых лежит диффузный характер поражения морфофункциональных систем мозга, характеризующийся повышенной возбудимостью, упрямством, нетерпеливостью, враждебностью и жестокостью в межличностном общении со сверстниками:

- синдром нарушения восприятия пространства и конструктивного мышления;
- синдром нарушения зрительного восприятия и модально-специфической зрительной памяти, который проявляется в виде невозможности объединить отдельные впечатления в целостные образы, неспособности дифференцировать схожие по внешнему виду объекты;
- синдром нарушения слухового восприятия и модально-специфической слухоречевой памяти, для которого характерны неспо-

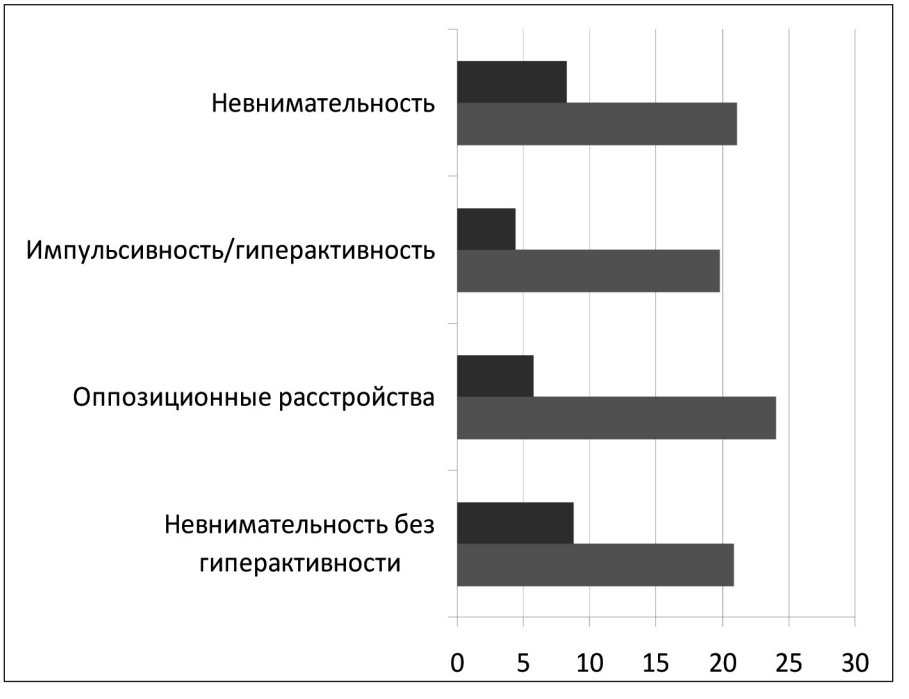

Рис. 1 Особенности поведения детей старшего дошкольного возраста с последствиями антенатальной интоксикацией героином: ось *x* — процент встречаемости исследуемых показателей среди детей основной группы и группы сравнения; ось *y* — показатели, характеризующие поведение детей»; ■ — группа сравнения, ■ — основная группа

собность ребенка правильно оценивать и воспроизводить относительно простые ритмические структуры, предъявляемые на слух, определять на слух количество звуков и силу удара, сужение объема слухоречевой памяти, снижение продуктивности мнестической функции;

- синдром нарушения устной речи и вербально-логического мышления, для которого характерны нарушение автоматизированной, дезавтоматизированной, повторной и связной речи, снижение операций анализа и синтеза, обобщения и абстрагирования, трудности конструирования пространственно-временных связей и выявления логических отношений.

Заключение

В работе показано, что расстройства высших психических функций у детей с последствиями антенатальной интоксикацией героином в возрасте 6–7 лет носят сложный системный характер и проявляются нарушениями зрительного, слухового, пространственного восприятия, произвольных формах внимания в различных видах психической деятельности, модально-специфической памяти (как зрительной, так и слухоречевой), всех форм устной речи, вербально-логических операций и конструктивных форм мышления, а также неустойчивостью эмоционального состояния с преобладанием реакций упрямства, возбудимости, агрессивности, враждебности в сфере межличностных контактов, непоследовательностью поведенческих реакций.

На основании систематизации данных о нарушениях когнитивных функций, эмоциональной сферы и поведения у детей 6–7 лет с наличием перинатальной гипоксии в анамнезе выделены и описаны комплексы симптомов (синдромы), отражающие дисфункциональность высших психических функций. Ведущее место среди них занимают синдромы: нарушения восприятия пространства и конструктивного мышления; нарушения зрительного восприятия и модально-специфической зрительной памяти; нарушения слухового восприятия и модально-специфической слухоречевой памяти; нарушения эмоционально-поведенческой сферы; нарушения развития устной речи и вербально-логического мышления.

На основании нейропсихологического анализа проведено соотнесение синдромов нарушения высших психических функций у детей с последствиями антенатальной интоксикацией героином поражения ЦНС и структур головного мозга. В результате чего определены участки корково-подкорковых структур, задействованные в реализации выявленных нарушений ВПФ: наружное коленчатое тело, первичные и вторичные поля затылочной коры (поля 17, 18, 19), височная область, в частности вторичные поля слуховой системы (поля 22, 42) как левого, так и правого полушария; зоны ТРО, третичные зоны коры теменно-затылочных отделов левого полушария (поля 37, 39, 40), конвекситальные отделы лобной коры, а также нижние отделы неспецифических структур (уровня продолговатого и среднего мозга). Полученные результаты свидетельствуют о диффузном характере поражения головного мозга в процессе его морфо-функцио- и хроногенеза, что согласуется с данными, полученными в работах Е. Д. Хомской [9], Л. С. Цветковой [7, 8], Н. К. Корсаковой, Ю. В. Микадзе [3, 4], Ю. В. Микадзе [5]. При этом можно сделать предположение, что наиболее чувствительными к воздействию являются затылочно-теменная, лобная и височная области коры головного мозга.

Таким образом, результаты, полученные в настоящем исследовании, позволяют расширить представления современной клинической психологии об особенностях психического развития детей с последствиями антенатальной интоксикацией героином, систематизировать данные о нарушениях высших психических функций и на основании этого выделить сочетания синдромов, наиболее часто встречающихся у детей с последствиями антенатальной интоксикацией героином и отражающих дисфункциональность корково-подкорковых структур в процессе индивидуального морфо-функцио- и хроногенеза мозга, что дает возможность выделить не только факторы риска формирования нарушений высших психических функций, но и разработать наиболее эффективные коррекционно-развивающие программы по преодолению отклонений в развитии психической деятельности у детей с наличием в анамнезе последствий антенатальной интоксикацией героином, и тем самым подготовить их к успешной социализации

Литература

1 **Арзуманов Ю. Л., Васечкин В. Б., Абакумова А. А.** Влияние антенатальной интоксикации героином на развитие плода и состояние новорожденных // Вопросы наркологии. 2011. № 5. С. 51–58.

2 **Арзуманов Ю. Л., Васечкин В. Б., Абакумова А. А.** Состояние здоровья новорожденных при антенатальной интоксикации героином // Совершенствование организации и оказания наркологической помощи населению. Мат-лы Всерос. научно-практ. конф. Москва, 20–21 октября 2011 г.: сб. тезисов. М., 2011. С. 16–17.

3 **Корсакова Н. К., Микадзе Ю. В**. Нейропсихологическая диагностика и коррекция младших школьников. М., 1994.

4 **Корсакова Н. К., Микадзе Ю. В., Балашова Е. Ю.** Неуспевающие дети: нейропсихологическая диагностика трудностей обучения у младших школьников. М., 1997.

5 **Микадзе Ю. В.** Нейропсихологический анализ формирования психических функций у детей // Международная конференция памяти А. Р. Лурии: сб. 1 / под ред. Е. Д. Хомской, Т. В. Ахутиной. М., 1998. С. 225–230.

6 **Раут Ч. П., Стефен А., Косовски Б.** Последствия воздействия наркотических веществ на развивающийся плод // Наркология: пер с англ. / Л. С. Фридман, Н. Ф. Флеминг, Д. С. Робертс, Хаиман С. Е. 2-е изд., испр. М.; СПб: Бином – Невский диалект, 2000.

7 **Цветкова Л. С.** Методика диагностического нейропсихологического обследования детей. М., 1999.

8 **Цветкова Л. С.** Нейропсихология счета, письма и чтения: нарушение и восстановление. М.; Воронеж, 2000.

9 **Хомская Е. Д.** Нейропсихология: учебник. 2-е изд-е. М.: УМК «Психология», 2002.

ПАТОГЕНЕТИЧЕСКИЕ МЕХАНИЗМЫ РАЗВИТИЯ ДЕПРЕССИВНЫХ РАССТРОЙСТВ

Коган Б. М.
МГПУ, Москва

Дроздов А. З.
МГПУ, ФГУ «Государственный научный центр социальной и судебной психиатрии им. В. П. Сербского», Москва

Статья посвящена анализу современных отечественных и зарубежных публикаций и изложению результатов собственных исследований, посвященных изучению патогенетических механизмов формирования депрессивных расстройств. Представлена оригинальная концепция нарушений в метаболизме нейромедиаторов при расстройствах аффективной сферы.
Ключевые слова: депрессия, расстройства личности, катехоламины, норадреналин.

PATHOGENETIC MECHANISMS IN THE DEVELOPMENT OF DEPRESSIVE DISORDERS

Kogan B. M.
MCTTU, Moscow

Drozdov A. Z.
MCTTU, Serbsky Institute for Social and Forensic Psychiatry, Moscow

The article is devoted to the present-day native and foreign publications analysis and the proper study results exposing pathogenetic mechanisms of depressive disorders development. The original neuromediator metabolism defect concept under affective sphere disorders is presented.
Key words: depression, personality disorders, catecholamins, noradrenaline.

Введение

Патология аффективной сферы наблюдается практически при всех видах психических заболеваний, соматические болезни также обычно сопровождаются расстройствами настроения. Однако существует особый класс психопатологических проявлений (аффективные расстройства), при которых нарушения аффективной сферы являются первичными и основными клиническими признаками заболевания. Еще одной особенностью этих явлений является практически полная обратимость психопатологической симптоматики и восстановление психических функций и личностных свойств после выздоровления. В отличие от иных форм психической патологии (шизофрения, эпилепсия), развитие чисто аффективной патологии не приводит к формированию негативной симптоматики (в том числе деменции) в ходе течения процесса.

Наиболее распространенной формой аффективных расстройств являются депрессии. В настоящее время проблема исследования этиологии, патогенеза депрессивных расстройств, поиска новых средств и методов лечения особенно актуальна вследствие постоянного роста заболеваемости и болезненности депрессиями во всем мире [3].

1 Роль нейромедиаторных систем в патогенезе аффективных расстройств

Патофизиологические основы большинства психических заболеваний ассоциируются с патологическим статусом медиаторных систем головного мозга, которые обеспечивают межклеточную передачу нервных импульсов и в значительной мере являются биологической основой интегративной деятельности нервной системы. Саму передачу информации между клетками в зонах химических синапсов осуществляют биологически активные вещества, называемые нейромедиаторами. Например, нарушения состояния дофаминовой и глутаминовой медиаторных систем переднего и среднего мозга являются основой патогенеза шизофрении [6, 9], сни-

жение активности дофаминовой нейромедиации в нигростриарной системе приводит к проявлению симптомов паркинсонизма, сначала двигательных, затем и психопатологических [12].

Особую роль в иерархии нейромедиаторных систем занимают моноаминергические структуры. Катехоламиновые (норадреналиновые) и индоламиновые (серотониновые) системы являются основными универсальными модулирующими и ингибирующими механизмами головного мозга, осуществляющими тотальный контроль информационных потоков на всех уровнях центральных нервных процессов [1, 7].

В настоящее время не вызывает серьезных возражений положение о том, что нарушения функционирования основных звеньев моноаминовых (катехоламиновых и серотниновых) нейромедиаторных систем занимают особое место в патогенезе аффективных психических заболеваний [1, 8, 10, 11]. Основной концепцией патогенеза аффективной патологии в настоящее время является положение о врожденной потенциальной недостаточности катехоламиновых и серотониновых систем («патологическая почва»), особенно в условиях повышенных стрессовых нагрузок. Угнетение моноаминовой медиации ведет к гиперактивности подконтрольных нейронных цепей с последующим истощением ресурсов других медиаторных систем с проявлением клинических симптомов депрессий [1, 2]. Считается, что имеется клиническая специфика преимущественного истощения либо норадреналиновой (астенические варианты депрессий) либо серотониновой (тревожно-депрессивные варианты), хотя это несколько упрощенная модель патогенеза.

Подтверждением концепции дефицита моноаминовой медиации является, например, тот факт, что все современные антидепрессивные медикаментозные средства являются веществами, стимулирующими катехоламиновую и серотониновую нейромедиацию. Группы ингибиторов моноаминоксидазы (основного фермента распада моноаминов), ингибиторов обратного захвата норадреналина и серотонина, прямых агонистов постсинаптических адренорецепторов являются эффективными антидепрессантами. Вместе с тем, в настоящее время имеется очень много противоречивых данных о метаболизме моноаминов при депрессиях, особенно в отношении норадреналиновой системы. Это связано, в том числе, с наличием центральных и периферических катехоаминовых систем и их реципрокными взаимоотношениями [1].

История исследования функционирования катехоламиновых систем при психических заболеваниях насчитывает почти сорок пять лет. Несмотря на большое количество работ и достигнутые успехи, у исследователей не снижается интерес к исследованию норадреналиновой системы при аффективных расстройствах (в первую очередь при депрессивных состояниях), о чем свидетельствует непрекращающийся поток публикаций [1, 7]. В частности, до сих пор не установлены достоверные причины изменения содержания катехоламинов в плазме крови и моче при депрессиях, мало известно о соотношении центральных и периферических пулов медиаторов и о состоянии ферментных систем их метаболизма, не решены вопросы относительно направленности изменений периферического метаболизма моноаминов (повышение, понижение или более сложный тип перестройки) при депрессивных расстройствах и т.п.

Не в последнюю очередь этими фактами обусловлены отсутствие единой универсальной концепции патогенеза депрессий и необходимость в связи с этим поиска новых биохимических параметров, нарушения которых могут лежать в основе процессов формирования и развития депрессивных расстройств. Не выявлены прогностические и диагностические особенности метаболизма катехоламинов, позволяющие не только предсказывать риск возникновения или прогредиентность имеющихся расстройств, но и подбирать адекватные терапевтические средства. Изучая динамические аспекты развития депрессивных состояний, большинство авторов признает, что формирование клинических признаков депрессивных реакций зависит от сочетания степени предрасположенности индивидуума к развитию аффективных нарушений и тяжести, продолжительности и субъективной значимости психотравмирующей ситуации, декомпенсирующей адаптационные возможности организма [1, 2, 4, 5]. Так, например, отмечая повышенную чувствительность к психогенным воздействиям лиц с расстройствами личности, многие авторы подчеркивают неразрывную связь преморбидных особенностей с развитием депрессивных расстройств и ставят правомерный вопрос о роли биологической

«почвы» в возникновении, формировании и клиническом оформлении депрессивных синдромов [1].

Однако, проблема динамики патологического процесса, приводящего к формированию депрессивного радикала ставит и в более широком смысле вопрос о преморбидных психопатологических проявлениях, определяющих риск развития депрессивного расстройства. Данные биологической психиатрии, полученные в последнее время, обозначили круг психопатологических явлений, патогенез которых несомненно включает общие звенья и механизмы, что сказывается на неразрывной сочетанности симптомов в рамках сложных клинических симптомокомплексов. В этот круг включаются определенные депрессивные синдромы, тревожно-фобические и обссесивно-компульсивные расстройства, панические расстройства, расстройства контроля импульса с патологией контроля ауто- и гетероагрессивного поведения, некоторые пограничные психические расстройства [1]. Патогенез перечисленных состояний в значительной мере связан с гипофункциональными особенностями катехол- и индоламиновой нейромедиации. Известно, что тревожные, обсессивно-компульсивные и депрессивные расстройства клинически тесным образом связаны, что дало повод ряду авторов рассматривать аффекты тревоги и тоски или навязчивые и меланхолические мысли в качестве идентичных клинических образований [1].

2 Результаты и обсуждение

Приведенные факты указывают, что могут существовать определенные временные стадии процесса становления аффективного расстройства. В ГНЦ социальной и судебной психиатрии им. В. П. Сербского в последние 15 лет был проведен комплекс клинико-биохимических исследований, в результате которых была сформулирована концепция двух стадий перестроек норадреналиновой нейромедиации в динамике развития депрессивных расстройств [1, 2]. В этих работах показаны некоторые механизмы, определяющие биологическую «почву» развития депрессивных психогенных нарушений у лиц с расстройствами личности и продемонстрированы динамические аспекты развития депрессий.

В качестве модели первой стадии развития депрессивной фазы были обследованы более 30 лиц с расстройствами личности тормозимого круга (гипостенические личности без выраженных депрессивных расстройств). Все больные находились на стационарной судебно-психиатрической экспертизе в Центре им. В. П. Сербского, что было связано с наличием существенных стрессовых нагрузок на данный контингент лиц. Периферический метаболизм катехоламинов в данной фазе развития депрессивного состояния отличается увеличением экскреции и содержания в крови норадреналина, дофамина, адреналина, а также их основных метаболитов. Подобный тип нарушений метаболизма катехоламинов нередко обнаруживается у больных с депрессиями [1]. Очевидно, что недостаточность моноаминовых механизмов отчетливо проявляется при увеличении нагрузок на эмоциональную сферу индивидуума и соответствует периодам неблагоприятных внешних воздействий на человека. Поначалу моноаминовые системы гомеостаза находятся в компенсированном состоянии, при котором усиление синтеза норадреналина восполняет повышенный расход нейромедиаторов, а биологические депо активных медиаторов содержат необходимые запасы медиаторных молекул.

Лиц с расстройствами личности, находящихся в стадии обострения психопатических особенностей, но не проявляющих признаков депрессивного расстройства, можно рассматривать как переходную стадию, в течение которой формируется депрессивный радикал, поскольку вероятность развития различных депрессивных синдромов у этих больных очень велика. Как уже указывалось, определение состояния основных этапов обмена катехоламинов у этих больных выявило много общего с результатами, полученными рядом авторов при изучении патогенеза депрессий [1]. Эта стадия патогенеза депрессии характеризуется функциональной недостаточностью центральных катехоламиновых систем и гиперактивностью периферической симпатоадреналовой системы, связанной с ослаблением тормозного и регуляторного контроля центральных норадреналиновых структур на большинство нейрональных систем мозга.

Выделение этой стадии носит несколько условный характер с клинической точки зрения. Симптомы ослабления потенциала центральных тормозных систем (катехоламиновой и серотониновой) исключительно разнообразны и не позволяют соотнести их с какой-либо одной нозологической формой психического

заболевания. Кроме того, эти симптомы могут проявляться у психически здоровых лиц на фоне, например, тяжелых соматических заболеваний либо длительных психотравмирующих ситуаций. Условно можно обозначить эту стадию патогенеза как «невротическая». Неспецифические клинические проявления, характерные для этого периода, определяют клиническую картину расстройств личности (в основном гипостенического круга), неврозов, различных психогенных реакций и включают элементы тревожно-фобического, обсессивно-компульсивного и астенического синдромов. При развитии следующей, декомпенсационной, стадии клинического расстройства обнаруживаются различной степени дефицитарные процессы норадреналиновой нейромедиации, соответствующие тяжести астенических проявлений.

В качестве одной из моделей данной стадии формирования депрессий были обследованы около 50 лиц с астено-депрессивными расстройствами. Астено-депрессивный синдром развивался у психопатических личностей в условиях пролонгированной субъективно-значимой психогенно травмирующей ситуации. Развитию депрессий предшествовало заострение облигатных личностных особенностей, занимающих затем большое место в структуре депрессивного синдрома. При постоянном воздействии субъективно неразрешимой психогении больные становились болезненно впечатлительными, капризными, раздражительными, слезливыми, нерешительными, мнительными, была выражена вегетативная лабильность.

Астенический радикал, независимо от типа психопатической почвы, определял клиническую картину депрессии, преобладание элемента истощения во всех ее психопатологических проявлениях с подавленностью психических функций. Сниженное тоскливое настроение, характеризующее этот вариант депрессии, носило маловыразительный характер. Печаль сопровождалась унынием, усталостью, чувством безысходности, беспомощности перед обстоятельствами. Отмечалась невозможность на чем-либо сосредоточиться в связи с концентрацией на узком круге доминирующих представлений, непосредственно связанных с психогенией. Психическая и физическая истощаемость, постоянное ощущение усталости, уныния находили отражение и в особенностях моторики этих больных, характеризующейся некоторой ограниченностью объема произвольных движений монотонностью, невыразительностью мимики и пантомимики.

Для испытуемых данной группы, по результатам психологического обследования (высокие шкалы MMPI — 2 и 7, низкая — 9), были характерны сниженная самооценка, неуверенность в себе, пессимистическая оценка собственных перспектив, самообвиняющие тенденции, снижение побудительной силы мотивов, сужение круга интересов, нарастающее безразличие и пассивность. У больных этой группы был выявлен дефицит катехоламинового метаболизма с резким снижением уровня самих катехоламинов (дофамина, норадреналина, адреналина) и их метаболитов в крови и, особенно, в моче, причем этот дефицит коррелировал со степенью выраженности депрессивной симптоматики. Очевидно, что истощение резервов катехоламинов в этой фазе носит тотальный характер и затрагивает как центральные, так и периферические норадреналиновые структуры. В ряде работ также был зафиксировано снижение экскреции катехоламинов при депрессиях, наши результаты подтверждают как эти данные, так и данные об увеличении экскреции катехоламинов при аффективных расстройствах (если учитывать двустадийность течения процесса).

Полученные результаты позволяет выделить две стадии патогенетических перестроек норадреналиновой нейромедиации при развитии депрессивного состояния. Первая стадия соответствует пока компенсированным аффективным проявлениям и в нашей модели представлена группой лиц с расстройствами личности гипостенического круга, находящихся в условиях действия сильного психогенного стресса. Эти лица представляют группу больных с высоким риском развития развернутого депрессивного расстройства [1]. Последующая, декомпенсированная стадия патогенеза депрессий соответствует клинической картине и метаболизму катехоламинов, присущим больным, включенным в группу с астено-депрессивными расстройствами. Эта фаза развития заболевания отличается низкой активностью норадреналиновых систем как в ЦНС, так и на периферии организма. Очевидно, что гиперактивность симпатоадреналовой системы у подобных больных привела к истощению депо катехоламиновых медиаторов, а недостаточность синтеза не позволяет нормализовать

состояние катехоламиновых механизмов, особенно в условиях неразрешимости психотравмирующей ситуации. Отличительными признаками метаболизма катехоламинов на этой стадии патогенеза депрессий является тотальный дефицит всех катехоламинов и их метаболитов в биологических жидкостях.

Заключение

Важно подчеркнуть, что глубокое декомпенсационное состояние не является непременным атрибутом течения патологического процесса. Как видно из наших данных, только при сочетании ряда неблагоприятных особенностей, присущих системам метаболизма катехоламинов, возможно формирование декомпенсированных форм депрессивных расстройств. К этим особенностям относятся низкая активность дофамин-β-гидроксилазы, определяющая, очевидно, недостаточность синтеза норадреналина, высокая скорость конъюгационных и моноаминоксидазных процессов, ускоряющих скорость необратимой инактивации норадреналина. Сочетание этих признаков имеется только в группе больных с наиболее выраженными астеническими проявлениями депрессий [1].

Следует упомянуть также о так называемой «донозологической» стадии аффективных расстройств, когда клинически очень трудно идентифицировать какие-либо психопатологические явления у конкретных индивидуумов. Однако они представляют собой группу особого риска развития аффективных нарушений, поскольку их неблагоприятный генетический фон («биохимическая почва») может в соответствующих условиях фенотипически проявиться в виде определенных клинических симптомов. Стадия в значительной степени условна, однако ее выделение необходимо для фиксации группы риска развития аффективных расстройств и попыток ее биохимической идентификации. В эту группу могут войти лица с определенными характерологическими особенностями, однако их состояние пока не позволяет говорить о признаках патологии аффекта.

Собственно, в выделении нескольких патогенетических стадий течения патологического процесса в приложении к аффективной психопатологии нет ничего нового. Динамический подход к изучению клинических проявлений психических расстройств давно используется психиатрами и нейрофизиологами. Так, еще Г. Селье в своем классическом исследовании выделил три стадии развития неспецифической стрессорной реакции — стадии тревоги, резистентности и истощения [4, 5]. Сформулированная концепция двух стадий метаболической картины обмена катехоламинов при аффективных нарушениях связывает динамический этап перестройки биохимических механизмов с клиническими состоянием больных. Без построения подобной концепции невозможно объяснить массу противоречивых данных о нарушениях метаболизма катехоламинов при депрессиях [1].

Литература

1 **Дмитриева Т. Б., Дроздов Ф. З., Коган Б. М.** Клиническая нейрохимия в психиатрии. М., 1998.
2 **Дмитриева Т. Б., Дроздов А. З., Коган Б. М.** Основные неспецифические системы, адаптирующие организм к острому и хроническому стрессу. Психиатрия чрезвычайных ситуаций: руководство. М., 2004. С. 8–41.
3 **Краснов В. Н.** Расстройства аффективного спектра. М., 2011.
4 **Селье Г.** Стресс без дистресса. М.: Прогресс, 1979.
5 **Селье Г.** На уровне целого организма. М.: Наука, 1972.
6 **Coyle JT**. NMDA Receptor and Schizophrenia: A Brief History. Schizophr Bull. 2012. 38(5): 920.
7 **Eisenhofer G., Kopin I. J. and Goldstein D. S.** Catecholamine Metabolism: A Contemporary View with Implications for Physiology and Medicine. Pharmacol Rev. 2004. 56: 331–349.
8 **Heninger G. R., Delgado P. L., Charney D. S**. The revised monoamine theory of depression: a modulatory role for monoamines, based on new findings from monoamine depletion experiments in humans // Pharmacopsychiatry. 1996. V. 29(1). P. 2–11.
9 **Laruelle M., Frankle W. G., Narendran R., Kegeles L. S., Abi-Dargham A**. Mechanism of action of antipsychotic drugs: from dopamine D(2) receptor antagonism to glutamate NMDA facilitation. Clin Ther. 2005. 27 Suppl A. S. 16–24.
10 **Leonard B. E.** The role of noradrenaline in depression: a review // J. Psychopharmacol. (Oxf). 1997. V. 11 (4 Suppl). P. S39–47.
11 **Leonard B. E**. Neurotransmitters in depression: noradrenaline and serotonin and their interactions // J. Clin Psychopharmacol. 1997. Suppl 1: 1S.
12 **Tritsch N. X., Sabatini B. L**. Dopaminergic modulation of synaptic transmission in cortex and striatum. Neuron. 2012. 76(1): 33–50.

ПРОБЛЕМЫ РАЗВИТИЯ СПОСОБНОСТИ К САМОРЕГУЛЯЦИИ И САМООРГАНИЗАЦИИ У СТАРШЕКЛАССНИКОВ

Кожинова О. В., Чибискова О. В.
МГПУ, Москва

В статье на примере учащихся кадетского корпуса рассматривается проблема самоорганизации и саморегуляции старшеклассников, оказывающая влияние на их учебную успеваемость. По результатам исследования составлены рекомендации по повышению учебной успеваемости учащихся.
Ключевые слова: старшеклассник, самоорганизация, саморегуляция, успеваемость, мотивация, тревожность, психическая работоспособность, системный подход.

THE PROBLEMS IN THE DEVELOPMENT OF ABILITY TO SELF-ORGANIZATION AND SELF-CONTROL IN SENIOR SCHOOL CHILDREN

Kozhinova O. V., Chibiskova O. V.
MCTTU, Moscow

In this article on the example of cadet school pupils the problem of the senior school children's self-organization and self-control influence on educational progress is considered. By results of the research recommendations on increasing of pupils' educational progress are made.
Keywords: senior adolscent, self-organization, self-control, educational progress, motivation, anxiety, psychic working capacity, systems approach.

Введение

Основной целью современных кадетских корпусов является не только воспитание подрастающего поколения в духе патриотизма, но и формирование интеллектуального, работоспособного, успешного специалиста. Образование и воспитание в современных кадетских корпусах способствуют формированию и развитию у старших подростков более четких представлений о мире профессий военного профиля, что чаще мотивирует их на выбор карьеры в профессиональной сфере, связанной с деятельностью силовых структур. Само содержание организационно-методического процесса в кадетском корпусе оказывает значительное влияние на психологическое развитие подростков, выражающееся в качественном своеобразии свойств личности кадет. Среди основных причин, детерминирующих эти особенности, выделяются наличие в учебно-воспитательном процессе элементов воинского воспитания и направленность на патриотическое воспитание, что отличает их от старшеклассников общеобразовательных школ.

Вместе с тем подросткам необходимо развитие определенного уровня самоорганизации [3] и способности к саморегуляции для того, чтобы качественно и своевременно выполнять поставленные задачи. В решении этих вопросов важную роль играют выявление основных проблем, мешающих образованию воспитанников кадетского корпуса и создание благоприятных условий для профессионального самоопределения кадет в пользу определённой военной специальности.

Целью настоящего исследования явилось выявление проблемной ступени обучения в кадетском корпусе и разработка рекомендаций для помощи в профессиональном самоопределении учащихся кадетского корпуса в пользу конкретной военной специальности.

1 Методы и методики исследования

Методологическую базу исследования составили положения теории деятельностного подхода (Леонтьев А. Н., Рубинштейн С. Л.), представления о специфике психического развития подростка и его ведущей деятельности (Божович Л. И., Выготский Л. С., Фельдштейн Д. И.), теории **развития личности** (Ананьев Б. Г., Асмолов А. Г.); **мотивационные концепции** (Левин К., Маслоу А., Хекхаузен Х.) и системный подход (Ломов Б. Ф., Романова Е. С., Рыжов Б. Н., Шадриков В. Д.).

В процессе эмпирического исследования по всей совокупности выборки было проведено диагностирование психологических осо-

бенностей воспитанников кадетского корпуса по следующим методам и методикам: мотивация поступления (вопросник), «Мотивация на успех», «Мотивация избегания неудач», «Направленность на знание», «Направленность на отметку» [5], «Профиль мотивации» [8], «Самооценка», «Тревожность», «Притязания» [4], «Опросник профессиональных предпочтений» [6], блок методик «Психическая работоспособность» [8]. На протяжении всего исследования проводились наблюдения, беседы, анализ документов, жалоб, с которыми воспитанники обращались к педагогам, медицинским работникам и родителям.

2 Результаты и обсуждение исследования

В исследовании были выделены трудности, с которыми сталкиваются воспитанники кадетского корпуса. Специально разработанная на основе наблюдений, бесед и анализа документов анкета, позволила выявить проблемы, которые, по мнению воспитанников, мешают успешности их обучения. Было выявлено, что на I ступени обучения основными являются проблемы адаптации к новым условиям (недостаток общения с родителями и друзьями отметили 75% кадет, чувство подавленности и снижение настроения — 69%), на II ступени обучения ситуация стабилизируется, количество жалоб уменьшается, и они касаются в основном быстрой утомляемости (60%).

В таблице 1 представлена шкала состояний, где указаны основные проблемы, мешающие учиться воспитанникам III ступени обучения, которая и оказалась самой трудной.

Как следует из таблицы, на III ступени обучения трудности в основном связаны с быстрой утомляемостью, нарушениями сна (80%), чрезмерными учебными и физическими нагрузками (78%), головными болями, слабостью (64%), чувством тревоги, напряжением и раздражительностью (58%). Все это свидетельствует о снижении общей работоспособности, что отмечают и сами подростки (54%). На IV ступени обучения, в выпускном классе кадеты уже приобретают навык справляться с трудностями, тем не менее, отмеченные ими проблемы касаются утомляемости и нехватки времени. Таким образом, опрос учащихся показывает, что наряду с общими проблемами, касающимися кадет всех курсов, особо отмечается несформированность саморегуляции и самоорганизации, вследствие чего наблюдается потеря работоспособности, что в свою очередь влияет на удовлетворённость учебной деятельностью. Подтверждением того, что III ступень обучения является критической в плане отношения к учебе и дальнейшему профессиональному выбору, служит оценка учащимися степени удовлетворённости образованием в кадетском корпусе, которая представлена на рис. 1.

Таблица 1

Шкала состояний кадет III ступени обучения

	Причины, мешающие учиться	%
1	Быстрая утомляемость, нарушение сна	80
2	Чрезмерные учебные и физические нагрузки	78
3	Головные боли, слабость	64
4	Чувство тревоги и напряжение, раздражительность	58
5	Понижение работоспособности	54
6	Взаимоотношения с педагогами	51
7	Недостаток общения с родителями и друзьями	42
8	Конфликтные ситуации	39
9	Дисциплина, необходимость выполнять приказы	35
10	Взаимоотношения с одноклассниками	33

На рисунке наглядно показано, что на III ступени образования 80% воспитанников

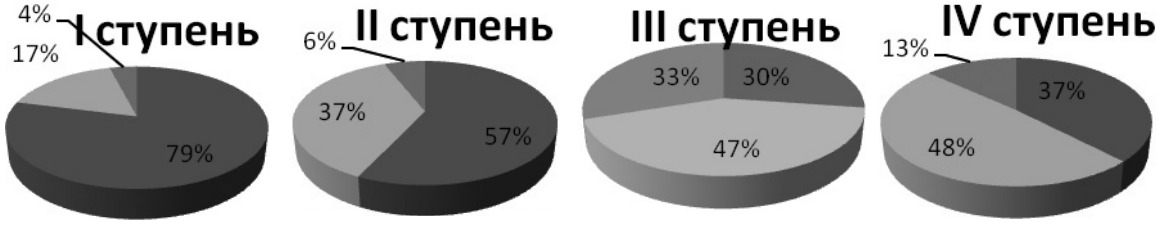

Рис. 1. Степень удовлетворенности кадет получаемым образованием на различных ступенях обучения, %:

— устраивает полностью, — не совсем устраивает, — не устраивает

указали на неудовлетворенность (33%) образованием или не полную удовлетворенность (47%), что характеризует их общее состояние и имеет немаловажное значение для мотивации обучения.

Наличие у воспитанников кадетского корпуса внутренней заинтересованности в познании и учении является одним из важнейших аспектов проблемы общеобразовательной подготовленности, а также интеллектуального и личностного развития. Анализ ответов на вопрос о мотивах поступления в кадетский корпус показал, что на I ступени обучения доминирующими являлись внешние мотивы, к которым можно отнести советы родителей (40%), привлекательность формы (28%), общение с друзьями (12%). Внутренние мотивы такие, как подготовка к получению профессии (12%), развитие интересов и способностей (8%), были выражены в меньшей степени. От I к IV ступени обучения удельный вес внутренних мотивов увеличивается, а внешних — уменьшается. На III ступени обучения внутренние мотивы такие, как подготовка к получению профессии (42%), развитие интересов и способностей (28%), становятся более значимыми, тогда как внешняя мотивация постепенно отступает на второй план. Формирование внутренней мотивации свидетельствует об активных процессах личностного и профессионального самоопределения, происходящих в этом возрасте, на фоне общего снижения работоспособности, которые требуют определенных интеллектуальных и эмоциональных затрат на анализ собственной личности и своей позиции. В целом опрос показывает, что большая часть воспитанников называют внутренние мотивы поступления в кадетский корпус. Можно констатировать, что интересы к обучению постепенно возрастают по мере социального взросления и становления личности воспитанников. Говоря о внутренней и внешней мотивации, мы подразумеваем понимание внутренне мотивированного поведения, совершаемого ради себя самого [9].

Объективные показатели успешности обучения оценивались на основе анализа успеваемости учащихся. Все основные предметы были условно отнесены к трём направлениям по принципу разделения данных дисциплин в кадетском корпусе: точные науки, социально-гуманитарный цикл и естественнонаучный. Таким образом, было выявлено, что имеется значительное понижение успеваемости по всем циклам дисциплин на III ступени обучения. Именно эта ступень характеризуется возросшими учебными и физическими нагрузками, спортивной и строевой подготовкой, добавлением профессиональной подготовки и так далее.

С целью выявления причин неуспеваемости были проведены исследования компонентов мотивационной сферы учащихся. В таблице 2 представлена степень выраженности направленности учебной мотивации кадет на приобретение знаний или на отметку на всех ступенях обучения.

У воспитанников III ступени обучения более выражена направленность на отметку (59%) уровни выраженности: высокий и средний — (31% и 28%) по сравнению с I и II ступенями обучения. Это объясняется понижением учебной успеваемости в результате возрастания учебной и физической нагрузки, быстрой утомляемостью и другими проблемами, мешающими учиться, отмеченными кадетами III ступени обучения, и тем, что у подростков становится не только ярко выраженная потребность в познании, но и в оценке своей личности [3].

Похожие тенденции прослеживаются в исследовании успеха и избегания неудач,

Таблица 2

Степень выраженности учебной мотивации воспитанников кадетского корпуса на всех ступенях обучения

Учебная мотивация	Уровень	Всего, %							
		I ступень		II ступень		III ступень		IV ступень	
Направленность на отметку	Низкий	41	10	49	2	59	–	63	–
	Средний		18		17		28		20
	Высокий		13		30		31		43
Направленность на приобретение знаний	Низкий	59	5	51	6	41	–	37	2
	Средний		24		23		13		18
	Высокий		30		21		28		17

Таблица 3

Мотивация на успех и мотивация избегания неудач на всех ступенях обучения в кадетском корпусе

Виды мотивации	Уровень	Всего, %							
		I ступень		II ступень		III ступень		IV ступень	
Направленность на достижение и успех	Направленность на достижение	58	41	54	34	41	19	46	18
	Мотивационный полюс не выражен		3		4		6		10
	Стремление к успеху		14		16		16		18
Направленность на избегание неудач (боязнь неудач)	Выражена боязнь неудачи	42	27	46	17	59	18	54	15
	Мотивационный полюс не выражен		5		10		13		17
	Ожидание неудач		10		19		28		22

результаты которого представлены в таблице 3. Данный вид мотивации также является существенным фактором, оказывающим влияние на процесс обучения и учебную успеваемость кадет, эти виды мотивации являются двумя основными мотивационными направленностями, влияющими на развитие мотивационной сферы воспитанников кадетского корпуса. От преобладания того или иного вида мотивационной направленности в учебной деятельности воспитанников зависит успешность кадет, так как мотивация на достижение успеха относится к позитивной мотивации. Учащихся с преобладанием мотивации на успех и потребности в достижениях отличают активность, уверенность в себе, ответственность, инициативность в процессе обучения, а также настойчивость в достижении цели, целеустремленность [7]. Мотивацию избегания неудач можно отнести к негативно направленной мотивации, так как она препятствует активности, продуктивности, конструктивности деятельности учащихся кадетского корпуса. Активность таких воспитанников скорее связана с потребностью избежать порицания, наказания, неудачи в процессе обучения, да и в любой деятельности вообще.

По таблице 3 можно проследить, что от первой к IV ступени обучения наблюдается постепенное снижение тенденции стремления к достижениям и повышение тенденции избегания неудач. На III ступени обучения в кадетском корпусе ожидание неудач и боязнь неудач составили в совокупности 59%, тогда как направленность на достижение и стремление к успеху несколько понизились (41%). Эти данные согласуются с понижением учебной успеваемости на данной ступени обучения, неудовлетворенностью и трудностями в обучении. В выпускном классе мотивация избегания неудач и ожидания неудач несколько понижается (54%), а направленность на достижения и стремление к успеху снова повышается (46%). Идея избегания и идея негативных ожиданий лежит в основании этой мотивации. Начиная дело, такие воспитанники кадетского корпуса заранее боятся возможной неудачи, отрицательной отметки и оценки их деятельности, думая о путях избегания неудачи, а не о способах достижения успеха. Эти воспитанники обычно отличаются повышенной тревожностью, слабой уверенностью в своих силах, стараются избегать ответственных и сложных учебных заданий. Сюда же можно отнести стремление либо к очень легким, либо к очень трудным делам, игнорирование информации о результатах, неадекватно завышенной или заниженной самооценки: свои успехи обычно не замечают, свои неудачи объясняют как подтверждение своей некомпетентности. Все это является негативными для учебной успешности кадет [7].

Результаты исследования типов доминирующей мотивации по тесту системного профиля мотивации, позволяющего выявить иерархию мотивов личности и приоритетный уровень системной организации мотивов, выявили общую тенденцию умеренной и сбалансированной выраженности типов мотивации. В таблице 4 показано соотношение потреб-

ностей (мотивационных тенденций) воспитанников кадетского корпуса.

Таблица 4

Мотивационный профиль воспитанников кадетского корпуса

Виды мотивации и типы потребностей	Ступени обучения			
	I	II	III	IV
1 Витальная	4,8	4,3	4,7	3,8
2 Репродуктивная	4,3	4,5	4,4	4,5
3 Самосохранение	4	3.9	4	4
4 Альтруизм	4.1	4,5	4,2	4,5
5 Познавательная	3.8	4	3,4	4
6 Самоуважение	3,6	3,8	3,5	4.2
7 Самоактуализация	3	3,5	3,4	4,3
8 Нравственность	4,7	4,8	4,7	5,2

Таблица показывает, что преобладающими являются социальные потребности, более всего — потребность в нравственности, которая преобладает у кадет на всех ступенях обучения, постепенно увеличиваясь с 4,5 на I ступени, до 5,2 на IV. В целом такие же тенденции выявлены в динамике самоактуализации. Кадеты в большинстве проявляют меньшую склонность к возможности реализации собственных способностей, индекс познавательной мотивации в среднем невысокий. Следует обратить особое внимание на мотивационный профиль воспитанников III ступени обучения, у которых наблюдается статистически достоверное снижение познавательной потребности — мотивация развития личности (3, 4), самоактуализации (3, 4), самоуважения (3,5), и отметить, что альтруизм становится значимой мотивационной тенденцией для воспитанников кадетского корпуса старших ступеней обучения. В данном контексте целесообразно сравнение мотивационного профиля воспитанников старших классов кадетского корпуса и учащихся общеобразовательной школы, представленное на рис. 2.

Как видно из рисунка, показатели старшеклассников общеобразовательной школы по познавательной мотивации, мотивации самореализации и нравственности значительно отличаются от показателей старшеклассников-кадет ($p < 0,01$). При этом, если познавательная мотивация и мотивация самореализации у школьников выше по сравнению с кадетами, то по показателям нравственности школьники значительно уступают данным кадет, что обусловлено особенностями обучения и воспитания последних. Вместе с тем, как у кадет, так и у школьников можно отметить общие тенденции гармоничного развития профиля мотивации, что выражается в стремлении

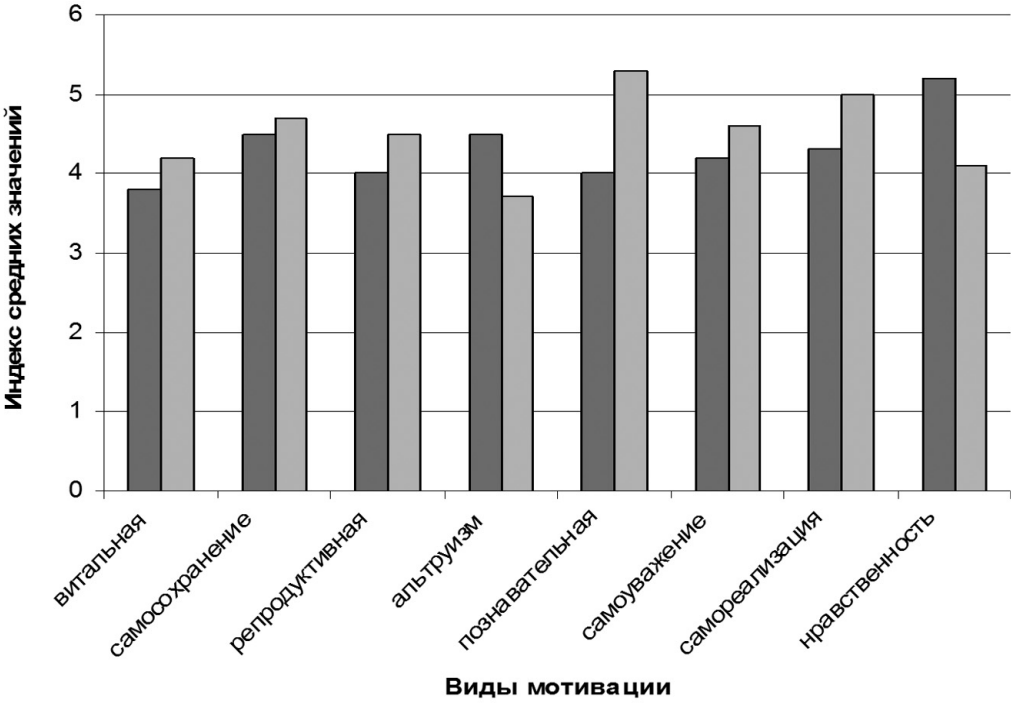

Рис. 2. Профиль мотивации старшеклассников-кадет и учащихся старших классов общеобразовательной школы:
■ — кадеты, □ — школьники

к порядку на уровне личности и социума, с одной стороны, и стремлении к развитию на уровне вида, личности и социума при выборе уровня регулируемых систем. У старшеклассников-кадет отмечены высокие показатели по шкалам нравственность, альтруизм, самосохранение, у старшеклассников общеобразовательной школы выявлены высокие показатели по шкалам самоуважения и самосохранения. Подобные результаты можно прокомментировать как стремление старшеклассников к самостоятельности, независимости, что соответствует требованиям их социальной ситуации развития.

Для определения взаимосвязи между компонентами мотивации и успеваемостью воспитанников кадетского корпуса были рассчитаны корреляционные связи [1] между мотивацией достижения и успеваемостью кадет, между направленностью на отметку и успеваемостью, между высоким уровнем направленности на знания и успеваемостью кадет.

В результате сравнения средних результатов установлено, что кадеты с низкой познавательной мотивационной тенденцией (при значении 3,3–3, 8) не стремятся к знаниям и имеют низкую успеваемость (средний балл от 3 до 3,5). Воспитанники, у которых познавательная мотивационная тенденция принимает значения 4–5,2, стремятся к знаниям, повышая свою успешность (средний балл 4–5), различия достоверны при $p < 0,01$, что в целом говорит о том, что возможности обучения в подростковом возрасте во многом определяются их умением оценить себя, свой потенциал, преодолеть состояние тревожности в трудных ситуациях, т. е. саморегуляцией и самоорганизацией.

Для определения возможностей кадет в плане саморегуляции были проведены следующие исследования: исследование самооценки, уровня притязаний и тревожности учащихся разных ступеней обучения. По всей выборке кадет наблюдается высокая и средняя самооценка. Стоит отметить, что на III ступени обучения преобладающим оказался средний уровень самооценки, составивший 41%, показатели низкой самооценки выявлены у 35% кадет. Не менее важными характеристиками для развития определенного уровня самоорганизации и способности к саморегуляции у кадет являются уровни притязаний и тревожности. Исследование уровня притязаний показало, что для большинства воспитанников характерен средний уровень. На III ступени обучения у воспитанников практически равными оказались показатели полярных уровней притязаний — низкого (40%) и высокого (39%), средний уровень притязаний составил 21%. Это свидетельствует о неоднородности психологических причин, вызывающих трудности в обучении на III ступени и о необходимости индивидуального подхода в обучении [2].

Рассмотрим следующую важную личностную особенность воспитанников кадетского корпуса — тревожность. В основном, по всей выборке исследуемых кадет преобладающим является средний уровень тревожности, однако на III ступени обучения выявлено наибольшее число высоко- и низкотревожных подростков, что также является одной из причин понижения успеваемости. Причиной повышенной тревожности у кадет может служить высокая значимость внешней оценки поступков, деятельности воспитанников-кадет.

Для более подробного изучения проблемы III ступени обучения в кадетском корпусе было проведено исследование психической работоспособности, где рассматривались показатели счетно-логической, мнемической и сложной логической деятельности кадет. Интегральный показатель психической работоспособности воспитанников кадетского корпуса, рассчитываемый из произведения коэффициентов объема, сложности и темпа деятельности показал, что и в этом случае III ступень обучения представляла наибольшие трудности для подростков — самый низкий показатель психической работоспособности (среднее значение 0,4). Воспитанники I ступени обучения показали средний уровень психической работоспособности относительно всей выборки испытуемых (среднее значение 0,6), наиболее высокий уровень психической работоспособности показали кадеты II ступени обучения (среднее значение 1,1) и IV ступени обучения (среднее значение показателя психической работоспособности 0,8). Полученные объективные результаты подтверждают субъективные мнения кадет о причинах их низкой успешности. Также было выявлено три типа психической работоспособности: версативный (характеризующийся разносторонностью способностей и интересов), ингенитивный (характеризующийся глубиной и сложностью решаемых задач) и уравновешенный тип (при

котором все способности выражены или не выражены в равной степени) [8].

Для проведения сравнительного анализа типов психической работоспособности и учебной успеваемости кадет по разным циклам дисциплин воспитанники были условно отнесены к группам по типам психической работоспособности. Выявлена прямая, выраженная взаимосвязь версативного типа с успеваемостью по предметам гуманитарного цикла (r = 0,79); обнаружена взаимосвязь с предметами естественного научного цикла и точными науками, которая принимает значения умеренной или слабой при r = 0,21 и r = 0,19. В группе кадет с ингенитивным типом психической работоспособности обнаружена сильная взаимосвязь с успеваемостью по предметам точных наук (r = 0,71), умеренная взаимосвязь с успеваемостью по предметам естественнонаучного цикла (r = 0,39) и с успеваемостью по предметам социально-гуманитарного цикла (r = 0,36). Кадеты с уравновешенным типом психической работоспособности практически в равной степени успевают или не успевают по всем предметам (средний суммарный балл колеблется от 4,5 до 3,3), в этом случае сильная взаимосвязь наблюдается при высоких баллах (r = 0,77) и умеренная (r = 0,39) или слабая (r = 0,19) при понижении успеваемости.

Для уточнения профессиональной направленности и соответствующего типа личности нами был проведен «Опросник профессиональных предпочтений», который показал, что особенностью воспитанников кадетского корпуса является преобладание социального выбора, т. е. большую часть воспитанников можно условно отнести к социальному типу личности. Выраженность социального типа личности среди кадет на I ступени обучения — 40%, на II — 51%, на III — 64% и на IV ступени — 57%. Этот тип характеризуется социальной активностью, предполагающей взаимодействие с людьми.

Данная теория основывается на заключении, что успех в профессиональной деятельности зависит от соответствия типа личности и типа профессиональной среды, так как поведение человека наряду с его личностными особенностями определяется окружением, в котором проявляется его активность. Стремление найти профессиональную среду, свойственную своему типу, обусловливается желанием полнее раскрыть свои способности, выразить ценностные ориентации [6], что открывает значительные возможности для дальнейшей психолого-педагогической работы по социализации и профессионализации кадет.

Заключение

Таким образом, в результате проведённого исследования можно утверждать, что:

– обнаруженные трудности (утомляемость, нехватка времени, неумение организовать рабочий день) на разных ступенях обучения обусловлены структурой мотивации, личностными качествами, психической работоспособностью кадет;

– III ступень обучения (9 классы) является наиболее проблемной в кадетском корпусе, характеризуется статистически достоверным снижением показателей успешности обучения, учебной мотивации, мотивации достижений, уровня притязаний;

– в этот период установлены статистически достоверное снижение познавательных потребностей, повышение уровня тревожности и мотивации избегания неудач, а также наименьший для всего периода обучения уровень психической работоспособности, что связано с возрастными особенностями подростков и спецификой организации процесса обучения в кадетском корпусе;

– разделение воспитанников на группы в соответствии с типами психической работоспособности (версативный, ингенитивный и уравновешенный) позволило установить значимые корреляционные связи между типом психической работоспособности и уровнем успеваемости по предметам разных циклов — социально-гуманитарному, естественному и точному;

– большую часть воспитанников можно условно отнести к социальному типу личности, который характеризуется социальной активностью, предполагающей взаимодействие с людьми, что следует учитывать при выборе конкретной военной специальности;

– установленные статистически значимые корреляционные связи между психологическими особенностями личности, психической работоспособностью и успеваемостью учащихся позволяют выделить в качестве факторов повышения психической работоспособности психологические особенности кадет, связанные с развитием саморегуляции

и самоконтроля и разработать рекомендации обеспечивающие профилактику снижения успеваемости на III ступени обучения.

Рекомендации

Полученные в ходе настоящего исследования результаты позволяют предложить ряд рекомендаций.

1. Трудности, обнаруженные на III ступени обучения, указывают на целесообразность психологического обследования воспитанников кадетского корпуса по методикам, определяющим психологические особенности, которые являются факторами, влияющими на успеваемость воспитанников кадетского корпуса.

2. Необходимо организовать систему мероприятий по повышению учебной и познавательной мотивации подростков, воспитанников кадетского корпуса, для формирования стремления к знаниям и достижению успеха в выполняемой деятельности. Следует поощрять нравственные потребности кадет, которые выражаются в альтруистической направленности и ценностях морали.

3. Рекомендуется реализация индивидуального подхода к учащимся с учетом типа психической работоспособности и типа профессиональной направленности кадет, что отвечает требованиям современного образования, базирующегося на личностно-ориентированной концепции.

4. Преподаватель должен обладать навыками построения взаимоотношений с учащимися на основании знания их индивидуально-психологических особенностей. Для формирования объективного отношения к учащимся кадетского корпуса педагогам-психологам следует вести консультативную работу среди педагогического коллектива (учителей и воспитателей), направленную на разъяснение особенностей взаимодействия с учащимися, условно отнесенными к определенному типу психической работоспособности и профессиональной направленности.

5. Учитывая, что в процессе обучения в кадетском корпусе формируются специфические способности, необходимые для успешности в профессиональной деятельности, для профессионального самоопределения воспитанников кадетского корпуса в пользу конкретной военной специальности, рекомендуется знакомить подростков-кадет с профессиограммами разных видов деятельности. Каждая профессиограмма содержит перечень тех способностей, которые обеспечивают успешность выполнения профессиональной деятельности и могут подойти человеку с определенным типом личности [6].

Литература

1 **Абушкин А. Б., Романов С. А.** Экспериментальная психология / под общ. ред. Е. С. Романовой. СПб.: Лидер, 2007.
2 **Асмолов А. Г.** Психология личности: Принципы общепсихологического анализа. М.: Смысл, 2001.
3 **Божович Л. И**. Проблемы формирования личности: избранные психологические труды // под ред. Д. И. Фельдштейна. М.: Московский психолого-социальный институт; Воронеж: НПО «МОДОК», 2001.
4 **Дубровина И. В., Дандарова Ж. К., Игумнов С. А.** и др. Психология подростка: полное руководство для психологов, педагогов и родителей / под ред. А. А. Реана. СПб.: Прайм-Еврознак; М: Олма-Пресс, 2003.
5 **Ильин Е. П.** Мотивация и мотивы. СПб.: Питер, 2003.
6 **Романова Е.С.** 147 популярных профессий. Психологический анализ и профессиограммы. М.: Аспект Пресс, 2011.
7 **Романова Е.С**. Психодиагностика: учеб. пособие. СПб.: Питер, 2009.
8 **Рыжов Б. Н**. Системные основания психологии // Системная психология и социология. 2010. № 1. С. 5–42.
9 **Хекхаузен Х**. Мотивация и деятельность. СПб.: Питер; М: Смысл, 2003.

ВЛИЯНИЕ СЕМЬИ НА ФОРМИРОВАНИЕ У ДЕТЕЙ ДОШКОЛЬНОГО ВОЗРАСТА НРАВСТВЕННЫХ И ЭСТЕТИЧЕСКИХ ЧУВСТВ

Львова С. В.
МГПУ, Москва

Неделькович Е. Г.
ГБОУ СОШ № 1114, Москва

В статье рассматривается вопрос о влиянии семьи на формирование нравственных и эстетических чувств у детей дошкольного возраста в процессе семейного воспитания.
Ключевые слова: семья, нравственные чувства, эстетические чувства, мотивация, нравственные ценности.

FAMILY INFLUENCE ON THE MORAL AND ESTHETIC FEELINGS FORMATION IN PRE-SCHOOL CHILDREN

Lvova S. V.
MCTTU, Moscow

Nedelkovich E. G.
School №1114, Moscow

In this article the question of family influence on a moral formation and esthetic feelings formation in children of preschool age during the family upbringing is considered.
Key words: family, moral feelings, aesthetic feelings, motivation, moral values.

Введение

Психологические исследования по формированию нравственных чувств и развитию умений видеть прекрасное имеют непосредственное отношение к практике дошкольного развития, осуществляемого в процессе экологического образования и воспитания дошкольников. В соответствие с системным подходом в психологии [9] экологическое развитие, как и развитие нравственности, включает несколько компонентов, важными из которых представляются следующие: биологическая и социальная составляющие мотивации, ценностные ориентации личности.

Нравственные чувства являются одной из составляющих нравственной основы личности, формирующиеся в условиях того нравственного пространства, в котором живёт человек. В него входят: отношения и общение в коллективе; отношения и общение на улице; общение с товарищами; отношение к себе; отношение к природе, к внешнему миру; отношение к общественным требованиям; отношения в семье [5]. Эстетические чувства в психологии характеризуются как эмоциональное отношение человека к прекрасному или безобразному в окружающих явлениях, предметах, в жизни людей, в природе и в искусстве [4]. Основой для возникновения эстетических чувств является способность человека воспринимать явления окружающей действительности, руководствуясь не только моральными нормами, но и принципами прекрасного. Эту способность человек приобрел в процессе общественного развития, общественной практики. Хотя эстетические чувства являются специфическими, отличными от нравственных, они непосредственно связаны с последними, часто влияют на их формирование и играют в общественной жизни и деятельности людей роль, подобную той, что исполняют нравственные чувства.

Исчерпывающий анализ и возможные механизмы генезиса, а также важность развития нравственных чувств отмечал Иммануил Кант в своей работе «Критика чистого разума» еще в XVIII в. [3]. В психологии проблеме формирования нравственных и эстетических чувств посвящены исследования таких авторов, как: С. Н. Николаева [7], Т. В. Христовская [12], Л. С. Игнаткина [2], А. В. Запорожец [1], А. П. Усова [11], Е. И. Корзакова [7],

И. А. Хайдурова [7], А. И. Васильева [7] и др. В большинстве исследований авторы пришли к выводу, что именно способность ребенка видеть красоту, умение сопереживать и является основой формирования нравственного, ответственного, бережного отношения к окружающей среде. И начинать формирование такого отношения человека к природе необходимо с самого раннего возраста.

Как отмечают Ж. Л. Новикова и В. Н. Сахарова [8] особую роль семьи в формировании нравственного отношения к природе и умения дошкольников видеть красоту окружающего мира. В данном вопросе, однако, возникает ряд проблем, связанных с тем, что знания большинства взрослых людей об экологических проблемах крайне ограничены, а их поведение носит антиэкологический характер. Во-первых, родители не могут удовлетворить любознательность детей в вопросах природы даже на уровне дошкольников. К примеру, родители не знают названий многих растений, видов деревьев, насекомых, животных, их роль в природе. Во-вторых, общее отношение взрослых носит явно потребительский характер. Яркие тому примеры приводит в своих работах Н. А. Рыжова [10]. До сих пор, утверждает автор, родители, объясняя детям необходимость охраны природы, нередко приводят такие аргументы: речку нужно беречь, потому что в ней мы купаемся, ловим рыбу. Природа дает нам ягоды, грибы, поэтому мы должны ее беречь. В-третьих, поведение взрослых в природе носит антиэкологичный характер: отдыхая с детьми на природе, взрослые рвут цветы, ломают ветки, оставляют мусор и т.п.

С целью выяснения особенностей современного уровня представлений у детей о природе, об отношении к ней, а значит и о том, сформированы ли у них нравственные и эстетические чувства, а также о роли в этом их родителей, живущих в современной урбанизированной среде, было проведено пилотное исследование.

1 Методы и методики исследования

На базе дошкольных структурных подразделений ГБОУ средней общеобразовательной школы № 1114 г. Москвы было проведено исследование на выявление отношения к природе детей старшего дошкольного возраста и их родителей. В эксперименте приняли участие 106 детей (средний возраст 5 лет) и 114 родителей этих детей (в некоторых семьях желание заполнить анкеты изъявили не только мамы, но и папы).

Схема исследования (авторская) включала в себя рисунок «Мое отношение к природе», с последующей беседой с ребенком, содержащей четыре вопроса: «Что такое природа?», «Что ты изобразил?» «Есть ли ты на рисунке и что ты делаешь?» и «Какое настроение у твоего рисунка?». При анализе рисунков выявлялись три основных компонента: эмоциональный — умение сопереживать природе, содержательный — общий кругозор ребенка, а также действенный компонент, включен ли человек в рисунок, т. е. сформировано ли у детей представление о взаимосвязях человека и природы. Методика проводилась с каждым ребенком индивидуально.

С целью контроля адекватности выбранного нами теста была проведена образовательная деятельность с использованием приема «Запрещающие знаки: чего нельзя делать в природе», предложенным Н. А. Рыжовой [10]. Детям необходимо было подумать и нарисовать, чего нельзя делать в природе. В конце образовательной деятельности с детьми также проводилась беседа: что ты изобразил, есть ли ты на рисунке и что ты делаешь?

Параллельно, с родителями этих детей было проведено анкетирование: предожен опросник из 7 открытых вопросов, предполагающих развернутые ответы. Опросник содержал нравственно-эстетический и природоохранный, экологический компонент. Подбор вопросов был оптимальным и касался того, как родители взаимодействуют с детьми касательно природы и отношения к ней. Ключевыми вопросами анкеты были: «Часто ли Вы гуляете с детьми в парке, в лесу, отдыхаете на природе?» «Обращаете ли внимание ребенка на красоту окружающего мира: отмечаете во время прогулок пение птиц, шум ручья в лесу и другие проявления прекрасного в природе?», «Обращаете ли Вы во время прогулок внимание ребенка на состояние окружающей среды (чистота мест прогулок, поломанные ветви деревьев, сорванные цветы и т.д.)? «Часто ли Вы говорите с ребенком об охране природы?» «Как Вы считаете, почему нужно беречь природу?», «Предпринимаете ли Вы какие-либо действия, чтобы помочь природе?»

Анализ результатов анкеты проводился в соответствии с тремя критериями знаний о природе и об отношении к ней: формальный уровень, глубокое представление, утилитарное

отношение к природе. Исходя из результатов проведенного исследования, была поставлена цель: определить, какие ценностные ориентации преобладают у родителей, в частности, на каком месте находится такая ценность как красота природы и искусства (переживание прекрасного в природе и искусстве), а также влияние ценностных ориентаций родителей на формирование нравственных качеств личности детей. Задачи исследования: выявление ценностных ориентаций родителей; выявление духовно-нравственных качеств личности дошкольника и соотнесение полученных результатов.

Для выявления ценностных ориентаций родителей использовалась методика «Ценностные ориентации» М. Рокича. Диагностика состояния духовно-нравственных качеств личности дошкольника проводилась по методике Н. С. Маляковой «Состояние духовно-нравственных качеств личности» [10].

2 Результаты исследования

Результаты проведенного исследования показали, что 23% детей имеют высокий уровень знаний о природе и бережном отношении к ней. Дети осознают самоценность природы, понимают, что беречь ее нужно не только и не столько потому, что это необходимо человеку, а потому, что она живая, в ней все взаимосвязано, и она, несмотря на кажущееся могущество человека, живет по своим законам. Рисунки этих детей, содержательные, яркие, на многих из них присутствует человек (чаще всего, это сам ребенок, который помогает тем или иным образом природе). Дети эмоционально и развернуто отвечали на вопросы беседы. В ответах отчетливо прослеживается сопереживание природе и тому, что с ней происходит: «Природу нужно беречь, потому, что она живая, и ей нельзя делать больно, с природой нужно дружить и заботиться о ней », «Природу нужно беречь, потому что рыбы умрут без воды, а птицы — без деревьев и воздуха». «Я всегда поливаю цветы с бабушкой на даче, когда долго нет дождя, ведь им без воды плохо!». Можно утверждать о достаточно высоком уровне сформированности нравственных и эстетических чувств у этих детей.

Около половины респондентов (45% детей) показали средний уровень знаний о природе и бережном отношении к ней, а также о связи человека и природы. Ответы этих детей звучат так: «Природу нужно беречь, чтобы мы могли жить». «Природа — это красиво, а человеку нравится красивое». По некоторым ответам можно сделать вывод, что у детей совсем не сформированы элементарные экологические понятия и взаимосвязи, не говоря уже о бережном отношении к природе, а значит и сформированности нравственных и эстетических чувств по отношению к ней. Ответы детей звучали так: «Я поливаю деревья зимой», или: «Я, когда ловлю бабочку, не убиваю ее, я поиграю с ней и выпускаю!» (Ребенок не знает, что после того, как бабочка побывала в руках, она никогда больше уже не взлетит). Очевидно, что у этих детей знания о природе и взаимосвязи человек — природа поверхностны. Рисунки этих детей уже менее содержательны, не всегда в них присутствует человек или сам ребенок, эмоциональный компонент в них, а также в ответах на вопросы беседы, крайне слабо выражен.

У 38% из числа принимавших в исследовании детей — низкий уровень знаний о природе и об отношении к ней. Часто в ответах выявлялись только общие представления о том, как нужно относиться к природе: «Природу нужно любить», «Нужно бережно относиться к природе» , на последующий вопрос, что это значит? как дети это понимают? ответа ребята не дают. В ответах этих детей практически не выражен эмоциональный компонент, их рисунки и ответы на вопросы беседы не содержат знаний о природе, только на некоторых рисунках присутствует человек. Таким образом, видно, что знания подавляющего количества детей о природе и об отношении к ней крайне ограничены, а значит, нравственные и эстетические чувства у дошкольников сформированы недостаточно.

Анализируя результаты образовательной деятельности «Запрещающие знаки: чего нельзя делать в природе», можно сделать вывод: дети практически также рисовали и отвечали на вопросы беседы, как и в предыдущей методике. Рисунки детей, показавших высокий уровень, были осмысленными и содержательными: дети четко и ясно объясняли, чего нельзя делать в природе и почему. На рисунках — «знаках» присутствует человек, часто это сам ребенок, который тем или иным образом помогает природе. Чаще всего ребята рисовали и проговаривали в беседе, что «нельзя в лесу жечь костры, потому что может быть пожар», «Нельзя оставлять после себя

мусор в лесу или в парке — это засоряет природу, и она может заболеть».

Дети, показавшие средний уровень знаний о природе и отношения к ней, достаточно поверхностно отображали это и в данном случае. Человек практически не присутствует на рисунках ребят, в некоторых случаях дети спрашивали: «А как это — рисовать природу?» (Даня). После объяснения ребенок нарисовал такой же рисунок, как и в первой методике, только перечеркнул его. Очевидно, что мальчик просто не знает, чего нельзя делать в природе, а знания о многообразии природы у него отсутствуют.

У ребят, показавших низкий уровень в методике на выявление отношения к природе, в образовательной деятельности «Запрещающие знаки: чего нельзя делать в природе», знания о природе и бережном отношении к ней также крайне ограничены. Чаще всего, рисунки этих детей несодержательные, однотипные: цветы, деревья, трава. Человека или самого ребенка на рисунках нет. На вопрос: «Что ты нарисовал и почему?» дети отвечали односложно: «Это природа», «Нельзя причинять природе вред», в некоторых случая ребята просто пожимали плечами. Таким образом, в образовательной деятельности и в рисуночной методике дети показали практически одни и те же знания о природе, об отношении к ней и о взаимосвязи человек – природа. Разработанная рисуночная методика на выявление знаний детей о природе и об отношении к ней позволяет получить достаточно верные результаты.

По результатам анкетирования взрослых глубокое представление о природе, значимости бережного отношения к природе и экологичном поведении в ней сформировано у 25% родителей. Ответы взрослых на вопросы анкеты в большинстве случаев были следующими: на вопрос «Часто ли Вы гуляете с ребенком в лесу, в парке, отдыхаете на природе?» большинство родителей отвечали — «Часто». «Обращаете ли внимание детей на красоту окружающего мира: отмечаете во время прогулок пение птиц, шум ручья в лесу и другие проявления прекрасного в природе» — ответы родителей положительные. Необходимо отметить, что это родители детей, имеющих высокий уровень знаний о природе. Именно эти родители считают, что говорить с ребенком о красоте и многообразии природы необходимо. Приведем для примера их ответы: «Так ребенок учится природу любить и беречь», «Ребенок учится видеть прекрасное, он так развивается». Результаты анкеты показали, что эти родители говорят с ребенком о необходимости охраны природы, так как природа самоценна, предпринимают посильные действия, чтобы помочь природе — экономят электроэнергию и воду, приобретают экологически чистые товары, участвуют в субботниках и акциях, сажают с детьми деревья и кустарники. Такие родители считают свое поведение в природе экологически грамотным.

Формальный уровень представлений о самоценности природы и ее значимости для человека выявлен у 46% родителей. На вопросы анкеты: «Часто ли Вы говорите с ребенком об охране природы?» родители отвечали — «По мере необходимости», «В зависимости от ситуации» — «Редко». Эта группа родителей почти не обращает внимания детей на красоту природы, нечасто отмечает во время прогулок с детьми состояние мест прогулок, поломанные ветви деревьев и тд. На вопрос: «Как Вы считаете, почему нужно беречь природу?» — ответы взрослых звучали так: «Людям свойственно жить в красоте», «Без природы человек не сможет существовать». Большинство этих родителей считают свое поведение в природе экологически грамотным, а также отмечает, что стараются не наносить вреда природе. В данном случае также прослеживается взаимосвязь: дети этих родителей имеют средний уровень сформированности нравственных и эстетических чувств.

Результаты анкетирования показали, что у 29% родителей преобладает утилитарное отношение к природе. Здесь также важнейшим акцентом является то, что это родители детей, имеющих низкий уровень развития нравственных и эстетических чувств. Исходя из ответов на вопросы анкеты, такие родители редко или, по мере возможности, гуляют с детьми на природе, не видят острой необходимости говорить с детьми о природе и необходимости ее охраны. На вопрос: «Почему необходимо беречь природу?» преобладают ответы — «Чтобы человек мог комфортно жить». На вопрос: «Предпринимаете ли какие-либо действия, чтобы помочь природе?» ответы многих родителей, несмотря на предложенные варианты об экономии электроэнергии и воды, участии в субботниках, акциях, и т.д., были следующими — «У нас нет на это времени, мы не задумываемся над этим». Со стороны родителей даже были проигнорированы некоторые вопросы,

например такие, как: «Обращаете ли Вы внимание ребенка на красоту окружающего мира во время прогулок?» и «Считаете ли свое поведение во время прогулок, отдыха на природе экологически грамотным?». Это указывает на преобладание потребительского отношения к природе и антиэкологичное мировоззрение в целом, где для человека главное — удовлетворение собственных потребностей.

Таким образом, выявленные результаты позволяют высказать предположение о взаимосвязи, которая существует между тем отношением к природе, которое преобладает у родителей и тем отношением к природе, которое закладывается в настоящее время у их детей. У детей, родители которых имеют потребительское, антиэкологичное отношение к природе, знания о природе поверхностны, в их рисунках отсутствует эмоциональный, содержательный и действенный компонент. Это позволяет нам сделать вывод, что родители этих ребят не способствуют формированию посредством природы эстетических и нравственных чувств у своих детей.

При сопоставлении данных, полученных в результате проведенных исследований с детьми и родителями, можно утверждать, что у детей тех родителей, которые имеют формальное отношение к природе, уровень развития нравственных и эстетических чувств, а также знаний о природе и бережном к ней отношении, средний. Можно сделать вывод, что родители не придают особого значения беседам с детьми о самоценности природы, не говоря уже о формировании в детях нравственного отношения к природе, умению видеть ее красоту и любить ее. Таким же образом прослеживается параллель между родителями, проявляющими осознанно-правильное, гуманное отношение к природе и их детьми, которые имеют высокий уровень знаний о природе, отмечают ее самоценность, способны установить взаимосвязь человек – природа. Очевидно, что эти родители часто говорят со своими детьми о природе, ее красоте и необходимости бережного к ней отношения, т. е. всячески способствуют формированию у детей нравственных и эстетических чувств посредством природы.

Итак, проанализировав результаты нашего исследования, можно сделать вывод: ежедневного взаимодействия родителей и детей в вопросах природы и экологичного отношения к ней крайне мало. Для того чтобы вырос уровень знаний детей о природе, а также уровень развития нравственных и эстетических чувств у дошкольников, необходим формирующий эксперимент, который включает в себя не только работу с детьми, но и с родителями.

Результаты исследования по методике М. Рокича «Ценностные ориентации», целью которого являлось определение состояния нравственных ценностей родителей, преобладающими выявлены семейные ценности: семейно-бытовая, эстетическая, этическая, ценности дела, самоутверждений, профессионально-творческая, саморегуляции, интеллектуальная, альтруистическая, принятия других, общественная, гедонистическая. По методике Н. С. Маляковой «Состояние духовно-нравственных качеств личности дошкольника» [6] из 100% испытуемых у 30% доминирует высокий уровень нравственности, у 70% преобладает средний уровень нравственности. В связи с полученными данными был соотнесен уровень развития духовно-нравственной основы детей и состояние ценностных ориентаций родителей.

В семьях, где главенствующую роль занимают семейно-бытовые ориентации (работа, здоровье, друзья, любовь, семья); эстетические ценности (красота природы и искусства (переживание прекрасного в природе и искусстве); этическая (чуткость, воспитанность), ценности дела (аккуратность, исполнительность, образованность, эффективность в делах); и самоутверждение (высокие запросы, смелость, твёрдая воля, независимость), дети отличаются высоким уровнем нравственности. У них преобладают такие качества как: трудолюбие, уважение к старшим, готовность прийти на помощь. В эту группу входят 30% семей.

В семьях, где преобладают профессионально-творческая, общественная, гедонистическая, альтруистическая, ценности саморегуляции, принятие других, интеллектуальная ориентация (образование, познание, приобщение к культуре, развитие), семейно-бытовая, самоутверждение, профессионально-творческая (интересная работа, образование, творчество, развитие) — дети входят в группу со средним уровнем нравственности. У детей в этих семьях доминируют такие качества как: дружелюбие, творческая направленность, физическая активность, коллективизм. Эти семьи составляют 70% от общего количества исследуемых.

Таким образом, можно утверждать, что в семьях, которые входят в первую группу, высокий уровень нравственности объясняется тем, что родители больше времени уделяют детям, отсюда и высокий уровень трудолюбия, уважение к старшим и готовность придти на помощь. В семьях, которые входят во вторую группу, у детей средний уровень нравственности, так кпк на первом месте у родителей общественная, профессионально-творческая, интеллектуальная деятельность и саморазвитие, следовательно, внимание детям уделяется в меньшем количестве.

Заключение

Проведенное исследование позволило выявить взаимосвязь отношения к природе детей старшего дошкольного возраста и их родителей, оценить общий уровень знаний детей о природе, связи — природа и уровень сформированности глубокого, осознанно правильного отношения к природе и понимания необходимости ее охраны у родителей этих детей.

Полученные данные показывают, что осознанно правильное отношение, а значит, нравственные и эстетические чувства, сформированы у 23% детей и у 25% их. Формальное отношение к природе преобладает у 46% родителей и 49% их детей. Нравственные и эстетические чувства у таких детей сформированы недостаточно. Потребительский, утилитарный подход и, соответственно, антиэкологическое мировоззрение, у 38% детей и 29% их родителей. Данные результаты позволяют сделать вывод о несформированности у детей нравственных и эстетических чувств и необходимости проведения более углубленной работы, направленной на формирование нравственных и эстетических чувств у детей, а также работу с родителями по экологическому просвещению.

Также были выявлены ценностные ориентации родителей и детей и прослежена взаимосвязь между ними, которая показала, что в семьях, которые входят в первую группу (70%) семей, высокий уровень нравственности объясняется тем, что родители больше времени уделяют детям. В семьях, которые входят во вторую группу (30%), у детей средний уровень нравственности, так как на первом месте у родителей общественная, профессионально-творческая, интеллектуальная деятельность и саморазвитие, следовательно, внимание детям уделяется в меньшем количестве.

Литература

1 **Запорожец А. В**. Избранные психологические труды: в 2 т. М., 1986.
2 **Игнаткина Л. С**. Формирование у дошкольников представлений о росте и развитии животных: дис. …канд. пед наук. М., 1988.
3 **Кант И.** Критика чистого разума М., 2012.
4 **Крылов А. А.** Психология М., 2009.
5 **Кукушкин В. С.** Теория и методика воспитательной работы: учеб. пособие. Ростов н/Д.: 2003.
6 **Малякова Н. С.** Диагностика состояния духовно-нравственных качеств личности дошкольника // Классный руководитель. 2005. № 5. С. 30–31.
7 **Николаева С. Н.** Теория и методика экологического образования детей. М., 2009.
8 **Новикова Ж. Л., Сахарова В. Н.** Воспитание ребенка-дошкольника в мире природы. М., 2005.
9 **Рыжов Б. Н**.Системные основания психологии // Системная психология и социология. 2010. Т. 1. № 1.
10 **Рыжова Н. А.** Экологическое образование в детском саду. М., 2001.
11 **Усова А. П**. Обучение в детском саду. М. 1970.
12 **Христовская Т. В.** Представление дошкольников о росте и развитии живых существ // Умственное воспитание детей дошкольного возраста / под ред. Н. Н. Поддъякова, Ф. А. Сохина. М., 1988.

КОМПЕНСАТОРНЫЙ ПОТЕНЦИАЛ ПРИ НОРМАЛЬНОМ И ПАТОЛОГИЧЕСКОМ СТАРЕНИИ

Захарова И. А.
РНИМУ им. Н. И. Пирогова, Москва

Статья представляет собой обзор современных и исторически сложившихся взглядов на возможность компенсации в позднем возрасте. Освещены вопросы сопоставления понятий «нормального» и «патологического» старения в контексте реализации компенсаторного потенциала, в том числе при осуществлении когнитивного функционирования. Теоретический обзор позволяет осуществить постановку проблемы для дальнейших исследований в сферах геронтологии и гериатрии.
Ключевые слова: старение, поздний возраст, компенсация, адаптация, потенциал, геронтология, гериатрия.

COMPENSATORY POTENTIAL IN NORMAL AND PATHOLOGICAL AGING

Zakharova I. A.
Pirogov Russian National Research Medical University, Moscow

This article is an overview of modern and historical views on the possibility of compensation in later life. There are questions of compassion of normal and pathological aging in the context of compensatory potential, including mechanisms of cognitive functioning. The theoretical review allows making the problem setting for future researches in sphere of gerontology and geriatrics.
Key words: aging, later life, compensation, adaptation, potential, gerontology, geriatrics.

Введение

Дискуссионным является вопрос целесообразности работы с лицами пожилого возраста, а также наличие мишеней воздействия с целью улучшения когнитивного функционирования и предотвращения патологических форм психики в позднем возрасте. Теоретический обзор сведений по вопросам компенсации и адаптации в позднем возрасте позволит описать постановку проблемы для дальнейших эмпирических исследований.

1 Понятие о нормальном и патологическом старении

В зарубежной литературе [14, 16, 17] большое внимание уделяется разработке критериев для разведения понятий нормального и патологического старения. Важным вопросом представляется соотношение двух вариантов старения.

Спорным является правомерность употребления понятия «нормального» старения, как такового, поскольку на определенном этапе жизненного пути пожилой человек является носителем достаточного спектра заболеваний. Прежде всего, к таковым относится гипертоническая болезнь, которая является фактором предрасположенности развития деменции сосудистого генеза. В некоторых источниках [5, 14] старение представлено в виде оси континуума, где на одном полюсе находится нормальный вариант, а на другом — патологический. При том, между данными полюсами есть варианты старения, которые заслуживают определенного внимания и не относятся к нормальному функционированию. Таковым можно считать умеренное когнитивное нарушение (MCI). Изменения памяти, характерные для умеренного когнитивного снижения считаются патологическими, а не вариантом нормального снижения функции. Таким образом, носители MCI признаны группой риска для возникновения деменции различного этиопатогенеза. Согласно данным исследований, в течение 4-х лет 40% людей, страдающих MCI, приобретают диагноз DAT (деменция альцгеймеровского типа), а через 9,5 лет эта цифра возрастает до 80%.

В отечественной литературе [2, 5, 7] большинством принято разводить нормальное и патологическое старение, представлять их не на одной оси, а как разные и противоположные варианты развития психики в позднем возрасте. Нормальное биологическое старение характеризуется определенным темпом и последовательностью возрастных изменений, соответствующих биологическим, адаптационно-регуляторным возможностям челове-

ческой популяции. Патологическое старение характеризуется более ранним развитием возрастных изменений или бóльшей их выраженностью в тот или иной период жизни человека. Преждевременному старению способствуют перенесенные заболевания, неблагоприятные факторы окружающей среды, которые могут воздействовать на разные звенья цепи возрастных изменений, ускорять или усиливать их обычный ход. На клиническом уровне патологическое старение сопровождается развитием разнообразных клинических синдромов аффективного, ипохондрического спектра. В общей картине психопатологии позднего возраста деменции занимают центральное место.

Важным постулатом является представление о сходстве в количественных мозговых изменениях, происходящих при нормальном и патологическом старении. Это выражается в виде уменьшения массы мозга, атрофии нервных клеток, сглаживании извилин, расширении мозговых желудочков. Наряду с количественными сходствами ярко представлены различия в качественных изменениях мозговой структуры и организации выполнения функций. В патологии отражаются особенные и специфические изменения мозговой ткани. Обобщение данных литературных источников в контексте сравнительного нейропсихологического анализа состояния высших психических функций указывают на ряд различий, существующих при нормальном и патологическом старении.

Отмечается, что при нормальном старении первично страдает функционирование первого блока мозга, что выражается в смещении баланса нейродинамических параметров психической активности в сторону преобладания тормозных процессов. Это проявляется в замедлении темпа психической деятельности, трудностях в формировании новых навыков, латентности на начальных этапах выполнения различных действий, сужении объема психической активности при выполнении действий, требующих одновременного удержания в памяти и выполнении различных программ. При патологическом старении данные признаки сочетаются с глобальными изменениями в мнестико-интеллектуальной сфере. И наряду с патологическим функционированием первого блока мозга отмечается дисфункция со стороны третьего блока мозга.

На основании вышеизложенного можно говорить еще об одном различии при данных вариантах старения. При нормальном — возможна произвольная ауторегуляция деятельности, что обеспечивает возможность изменения стратегий поведения, направленность на компенсацию и преодоление дефицитарности. При нормальном старении возможно активное использование внешних и внутренних средств компенсации. К ним относятся использование наглядных опор, перевод действия во внешний план с поэтапным выполнением программы, смена стратегии симультанного целостного решения задач на сукцессивную, нередко с включением речевой регуляции. На данном этапе онтогенеза интеллект в большей мере направлен на саморегуляцию психической активности, нежели на познание мира. При патологическом старении компенсация наблюдается лишь на определенных этапах. В большей мере можно говорить о невозможности регуляции собственной деятельности из-за глобальных поражений интеллекта и первичной дисфункции третьего блока мозга, когда дефект может не осознаваться пациентом. При нормальном старении допустимо предположение об изменении функциональной иерархии мозговых структур, где лобные доли получают большую приоритетность, чтобы осуществлять компенсаторную регуляцию. Следует отметить также высокую специфичность синдромов нарушения высших психических функций при патологическом старении по сравнению с нормальным. Если при нормальном старении можно неизменно говорить о дефицитарности первого блока мозга, то при патологическом варианте заинтересованность трех блоков мозга является вариабельной. Так, например, для болезни Альцгеймера характерно наличие нейропсихологических симптомов, связанных с дисфункцией глубинных субкортикальных структур при относительной сохранности лобных долей. Для сенильной деменции, наоборот, наиболее выражены нарушения, идущие от лобных долей в сочетании с субкортикальными расстройствами. Сосудистые деменции характеризуются массивными субкортикальными симптомами при наличии фрагментарной кортикальной симптоматики.

Таким образом, можно говорить о трех основных различиях в протекании нормального и патологического старения. Во-первых, при нормальном старении первично поражается первый блок мозга, а при патологическом — третий блок, что позволяет сказать о различных координатах нарушения. Снизу-вверх в норме и сверху-вниз при патологии. Во-вторых: патологическое старение харак-

терно широкой вариативностью синдромов, в то время как нормальное старение протекает по одной схеме. И в-третьих: при нормальном старении возможна компенсация дефекта, основанная на сохранности саморегуляции и контроля, которая невозможна при патологическом старении в связи с дисфункцией третьего блока мозга. Далее будет рассмотрен вопрос компенсации в рамках геронтологии и гериатрии, как основополагающий фактор для адаптации людей позднего возраста.

2 Проблема понимания компенсации в геронтопсихологии и гериатрии

Существует некоторое содержательное смещение, касательно предмета и объекта геронтопсихологии и геронтопсихиатрии. Определенные механизмы, существующие на пересечении дисциплин, в конечном счете остаются незатронутыми. В рамках геронтологии рассматривается в основном физиологическая и социальная картины старения. Процессы психологической компенсации обсуждаются в срезе семейной, микросоциальной и межгрупповой ситуаций. Вместе с тем, регуляции функционирования высших психических функций не уделено должного внимания.

Существуют лишь некоторые исследования в данной области. Так, Н. Б. Николюкина ссылается на П. Балтеса, который отмечает, что интеллектуальная сфера пожилого человека поддерживается посредством механизма избирательной оптимизации и компенсации [5]. Процесс избирательной оптимизации с компенсацией обладает тремя свойствами. Во-первых, адаптация к условиям биологического и социального старения с их возрастающим ограничением пластичности. Во-вторых, непрерывные изменения специализированных форм адаптации есть общая черта всего прижизненного развития. В-третьих, индивидуальные избирательные компенсаторные условия, направленные на преодоление растущих с возрастом трудностей для сохранения полноценной жизни. Понятие «компенсация» считается слишком узким, поскольку в позднем возрасте следует говорить о целом ряде стратегий улучшения деятельности. Прежде всего, это селекция как выбор и акцентирование внимания на более успешных сферах жизни. Следующая стратегия — оптимизация, а именно, уделение большего количества времени тренировке для поддержания навыка на необходимом уровне. И наконец, последняя стратегия — компенсация, т. е. использование особых стратегий деятельности, позволяющих за счет более сохранных звеньев регулировать более пострадавшие.

В рамках гериатрии и геронтопсихиатрии процессу психологической компенсации не уделяется должного внимания, поскольку данный процесс является слишком недоступным для психики позднего возраста. Таким образом, в рамках геронтопсихологии процесс психологической компенсации рассматривается больше в социальном аспекте, а в геронтопсихиатрии — механизмы адаптации и компенсации остаются мало затронутыми. Возникает проблема создания в рамках геронтопсихологии и гериатрии общего методологического аппарата, позволяющего оперировать общими понятиями, и ставить совместные цели для данных смежных дисциплин.

3 Компенсаторный потенциал при нормальном старении

Основные исследования в сфере геронтологии позволяют выявить два основных подхода к пониманию старости [5]. Первый подход — концепция «элиминирования» старости определяет старость, как болезнь, ненормальность, ориентируется при этом лишь на деструктивные процессы. Второй подход — концепция «нормальной» природы старения основывается на признании ее универсальности. Старение рассматривается как естественный и необратимый процесс. При этом в рамках данного подхода существует три разнонаправленные линии. Приверженцы одной говорят о старении, как необратимом процессе распада, нарастающей дезадаптации и дезинтеграции. Считается, что в данном возрасте нет никаких новообразований, с ходом времени все функции подлежат распаду. Приверженцы другой линии говорят о неоднозначности процесса старения. Вместе с утратой определенного ряда функций отмечается появление новых, ранее не отмечаемых возможностей. Так, О. Е. Сурнина говорит в своей работе о снижении памяти, которое основано на трудностях извлечения следов из долговременной памяти при сохранности возможности утилизации информации [11]. В данном возрасте адаптационные возможности усложняются, приобретают новый, интегративный уровень функционирования. В рамках третьей линии разрабатывалось мнение, согласно которому все изменения позднего возраста носят адаптационный характер.

В пользу данного положения свидетельствуют описанные в зарубежной литературе изменения. Так, S. J. Ackerman говорит об уникальных особенностях человеческого мозга, направленных на достижение адаптационного результата. Во-первых, согласно исследованиям автора, мозг продолжает расти и развиваться на протяжении всей жизни. Это развитие происходит в двух направлениях: текущие изменения в сигнальных путях, а также добавление новых клеток мозга. Во-вторых, развитие мозга в зрелом и позднем возрасте, как в детстве, ориентируется в значительной степени на внешние стимулы, а не по спецификации в сами клетки мозга [14]. То есть, в позднем возрасте развитие мозга идет по линии не натурального, а социального развития и опосредуется социальными стимулами. В норме в человеке заложены все ресурсы, чтобы без трудностей пережить данный период жизни [6]. Данной позиции придерживается также Т. П. Денисова, которая приводит много примеров перестройки функций и появления новых форм приспособительного реагирования [3]. Например, функция память носит иной, систематизированный вид с опорой на логические связи, появляется новообразование в виде мудрости, происходит мобилизация внутренних сил. Таким образом, процесс старения сам по себе является адаптационным для данного жизненного периода. В рамках данного подхода в психологической школе Б. Г. Ананьева был введен термин реституциализации как комплекса процессов восстановления, направленных на замедление старения и являющегося новообразованием позднего возраста [5].

В контексте представленных подходов определенные новообразования позднего возраста рассматриваются по-разному. Например, С. К. Максимова отмечает, что чувство одиночества, свойственное для позднего возраста, является основным фактором дезадаптации на данном этапе онтогенеза [5]. В противовес данной позиции Л. Н. Молчанова в своей диссертационной работе указывает, что возникающее чувство одиночества и депрессия могут выступать как компенсаторные проявления, позволяющие пожилому человеку сосредоточиться на сохранении собственной целостности [9].

Говоря о позднем возрасте и понятии компенсации, нельзя не отметить основные взгляды Л. И. Анцыферовой, которая говорила о правомерности выделения двух основных стратегий старения. Это сохранение себя как личности и сохранение себя как индивида [1]. Сохранение себя как личности подразумевает поддержание прежних социальных связей и установление новых, т. е. активное участие в социуме. Сохранение себя как индивида направлено на отстранение от социума и поддержание внутреннего комфорта и стабильности. На определенном этапе онтогенеза человек выбирает для себя одну из этих стратегий. Разумеется, понятие «выбора» является условным, поскольку определяется теми условиями социального окружения и позицией человека по отношению к своему месту в обществе, а также детерминируется целым рядом аспектов, таких как: особенности личности, мотивация, система взглядов и убеждений. Если пожилому человеку свойственна стратегия сохранения себя как личности, то он поддерживает социальные связи, включен в определенную структуру общества, его мотивационно-личностная сфера постоянно задействована, и таким образом, у него происходит старение по нормальному типу. Если же человек выбирает для себя стратегию сохранения себя как индивида, то у него постепенно утрачиваются социальные связи, нарушаются функции регуляции и контроля. Со временем утрата значимых глубоких социальных связей ведет не только к снижению поведенческого контроля, но также к истощению чувствительности и заострению личностных черт. Их стратегия адаптации движется по замкнутому контуру, а мотивационно-личностная сфера постепенно деградирует и приобретает одновершинную структуру. Соответственно, люди, выбравшие первую стратегию, имеют больше возможностей для компенсации, тем те, которые выбрали стратегию сохранения себя как индивида. Это связано с отстранением от социума и, следовательно, перестройкой мотивационной сферы с изоляцией и ограничением своих возможностей. Фиксированность на определенных сферах жизни не позволяет гибко приспосабливаться к новым ситуациям.

В подтверждение и развитие указанной гипотезы Л. И. Анцыферовой позднее были представлены данные диссертаций. Так, Л. Н. Молчанова в работе, посвященной социально-психологической детерминации особенностей мотивационно-эмоциональной сферы пожилых людей, проводила сравнение психологических особенностей двух групп пожилых людей, проживающих в семьях, и лиц, исключенных из богатой социальной среды, проживающих в домах-интернатах [9]. Сравнивались две выборки лиц позднего возраста: люди, про-

живающие в семьях, и люди, находящиеся в домах-интернатах. Отмечается, что пожилой человек тем более успешен в позднем возрасте, чем в бóльшее количество социально-ролевых систем он включен. У пожилых людей, проживающих в домах-интернатах выше показатели не только по шкалам депрессии и субдепрессии, но также у них отмечаются большие трудности в адаптации, поскольку они проживают в социально обедненной среде и постепенно утрачивают ранее свойственные для них роли: «Мать», «Дочь», «Хозяйка».

В зарубежной литературе также имеются данные, подтверждающие значимость социальной включенности для адекватного функционирования человека. S. Ackerman в своей работе приводит данные исследования, проводимого еще в 60-е годы XX века. Исследования проводились на крысах. Одна группа крыс жила в среде, обогащенной различными стимулами, другая группа — в обедненной среде. Отмечается, что замеры массы головного мозга и количества нейронов свидетельствуют о благоприятном воздействии средового опосредования на морфофункциональную зрелость мозга. Автор книги экстрапорирует полученные данные и на человеческую популяцию [14].

Проблемой адаптации в позднем возрасте занималась С. С. Чернякова [13]. Данная работа посвящена выявлению закономерностей изменения адаптационных особенностей по мере взросления и старения (от 45 до 90 лет). Авторами указывается большое количество работ, направленных на раскрытие механизмов когнитивных изменений позднего возраста на фоне отсутствия работ, посвященных изменениям эмоционально-личностной сферы. В работе подчеркивается феномен порочного круга, по которому закрепляется мотивационно-личностный дефицит в периоде инволюции. Нарастающее количество соматических трудностей, стрессовых факторов, колебаний настроения, социальных затруднений и утрачивание прежних социальных связей приводит к возникновению социальной дезадаптации, которая сама по себе закрепляет и утяжеляет проявление всех вышеперечисленных феноменов. Большой пласт выводов посвящен сравнению адаптационных возможностей по половому признаку. Для женщин в большей мере характерна интегральная реакция адаптации, в то время как для мужчин более сложно адекватно реагировать на новые требования среды. Большие ресурсы женской части населения обуславливаются в основном выраженными феноменами гибкости, социальной подвижности и коммуникабельности, в то время как для мужчин характерна жесткость социальных связей и ригидность взглядов, затрудняющих адаптацию. Эффективная возможность компенсации зависит также от ряда таких факторов, как уровень образования, возраст выхода на пенсию, наличие активной жизненной позиции, эмоциональная уравновешенность и многое другое [14].

В работе, посвященной исследованию психического благополучия в пожилом и старческом возрасте, Ю. Б. Дубовик приводит ряд факторов, способствующих высокому уровню благополучия и адаптации в позднем возрасте [4]. Выявлено, что в группе людей старческого и пожилого возраста, обладающих высоким уровнем психологического благополучия по сравнению с людьми с низкими показателями психологического благополучия, достоверно выше средние значения показателей динамичности, эмоциональной реактивности, выносливости, активности и конфликтности в ценностной сфере. Таким образом, полученные данные еще раз подтверждают мысль о том, что в позднем возрасте для адаптации и адекватного психологического функционирования ключевым фактором является возможность психики динамично и гибко отвечать на действия окружающей среды. Однако автором данной работы также указывается на важную роль такого фактора, как «конфликтность в ценностной сфере», а именно, говорится о разрыве между потребностью в достижении внутренне значимых ценностных объектов и возможностью такого достижения в реальной жизни. То есть конфликт между реальным и идеальным состоянием пожилого человека стимулирует перестройку мотивационной сферы, подключая резервные источники организма и психики. Также в работе отмечается, что с возрастом увеличивается количество связей между показателями психологического функционирования и свойствами темперамента. Данный факт подтверждает предположение о нарастании связей между компонентами психологического благополучия и индивидными характеристиками в позднем возрасте. Чем старше становится человек, тем в меньшей степени его психическое благополучие зависит от социокультурных факторов, но в большей мере зависит от свойств темперамента, которые являются вариантом

динамического реагирования и набором динамических характеристик.

Данные взгляды противоречат концепциям Л. И. Анцыферовой, Л. Н. Молчановой, которые в своих трудах говорят непосредственно о социальной включенности человека как основной из детерминант психического благополучия [1, 9]. Возникает вопрос: какая модель поведения в позднем возрасте — сохранения себя как индивида, нацеленная на поддержание своего биологического статуса, или же сохранения себя как личности, заключающаяся в поддержании и расширении социальных связей, является адаптивной в позднем возрасте. Таким образом, авторами по-разному видится возможность компенсации в позднем возрасте в норме, однако ее возможность не исключается, а рядом авторов считается ведущей в возрасте инволюции.

4 Компенсаторный потенциал при патологическом старении

В отличие от исследований, проводимых применительно к понятию нормального старения, при патологическом старении адаптационные и компенсаторные ресурсы практически не рассматриваются, поскольку считаются недоступными.

В 1988 г. В. М. Блейхер описал компенсаторные возможности позднего возраста при развитии психопатологического процесса и выделил четыре основных условия компенсации когнитивного дефекта [2]. Первое условие — нерезкая выраженность слабоумия. В. М. Блейхер отмечает, что наряду с минус-симптомами в позднем возрасте большую роль в формировании синдрома играют плюс-симптомы, которые и являются компенсаторным потенциалом. Они выполняют роль «восполнения, сокрытия или актуального использования оставшихся возможностей». Компенсация дефекта возможна за счет упорядочивания деятельности на новой основе, например при атеросклеротическом ослабоумливании возможна компенсация снижения функции запоминания посредством введения определенных мнемотехник. Однако данная возможность отмечается исключительно на ранних этапах дементного процесса. Второе условие — обусловленный патогенетическими механизмами и стереотипом развития заболевания тип течения деменции. Так, например, компенсация возможна на определенном этапе развития деменции при травматическом слабоумии и исключается при болезни Пика и сенильно-атрофической патологии. Третье условие компенсации (при наличии первых двух условий) — взаимоотношения с окружающей средой, социально обусловленные возможности реадаптации больных, компенсаторная деятельность сохранившихся элементов интеллекта, стимулирование психической активности. В привычной жизни пожилого человека дефект меньше виден, нежели в иной социальной среде, поскольку страдающий индивид имеет определенный репертуар навыков, позволяющий ему справляться с жизненными трудностями. Необычная окружающая среда способствует заострению и бóльшей прогредиентности ослабоумливающего процесса. Четвертое условие — преморбидные свойства интеллекта. Деменция значительно позже становится явной у людей с более высоким интеллектом и уровнем образования [2].

Перейдем к обзору современных взглядов на проблему компенсации и адаптации. Исходя из данных, приведенных в работе С. С. Черняковой, можно сделать предположения о том, что в норме существует больше возможностей для компенсации по сравнению с группой патологии, поскольку задействовано больше гибких звеньев в осуществлении реагирования на новые требования среды [13]. Это обусловлено большей сохранностью динамического компонента функционирования на базовом тоническом уровне, а также наличием гибких социальных связей. В то время как в группе патологии данные звенья редуцируются. Т. А. Кузнецова в своей диссертации предоставляет некоторые сведения об особенностях социальной адаптации у лиц с сосудистой деменцией и у страдающих деменцией альцгеймеровского типа. Один из главных постулатов, на который ориентируется автор, заключается в следующем. В литературе показана тесная взаимосвязь между поведенческими нарушениями, когнитивным снижением, ухудшением социальной компетентности и трудностями повседневного функционирования. У пожилых людей есть огромный запас «пластичности», адаптационных способностей, которые не были востребованы социальной средой в течение жизни [8]. Основным положением является попытка установления причинно-следственных связей между когнитивными трудностями позднего возраста и нарушениями адаптивного функционирования в социуме.

Таким образом, заявляется не только влияние когнитивного дефицита на трудности адаптации, но также возможность использования возникающих трудностей в социальном функционировании как одного из диагностических критериев, позволяющих на ранних этапах выявить начальные проявления ослабоумливающих процессов. В рамках исследования были обследованы пожилые люди, разделенные на три группы: условно здоровые (без выраженных соматических и психических нарушений), люди, страдающие сосудистой деменцией, а также пожилые с деменцией альцгеймеровского типа. Выводы позволяют говорить о наличии прямой связи между выраженностью когнитивного дефицита и способностью к успешному повседневному функционированию. То есть, чем выраженнее дефицит, тем больше повседневных социальных затруднений.

Авторы указывают на необходимость сравнения данных субъективного и объективного исследований, поскольку такой показатель, как критичность к себе и состоянию своего здоровья является немаловажным. Пожилые люди, страдающие сосудистой деменцией, в большей мере склонны объективно оценивать свои затруднения, в то время как больные деменцией альцгеймеровского типа недооценивают выраженность своего дефекта. В данном случае данные внутренней и внешней оценки не совпадают, что еще раз подтверждает гипотезу о наличии прямолинейной связи между когнитивным дефицитом и наличием социальных затруднений.

В диссертационной работе А. П. Сиденковой, посвященной созданию психосоциальной модели поздних деменций, также косвенно затрагиваются факторы, влияющие на успешность адаптации в позднем возрасте. В данной работе идет рассмотрение не только тех проблем, которые испытывает человек, страдающий дементными расстройствами, но целый комплекс психосоциальных закономерностей в диаде «больной – ухаживающий». Отмечается увеличение дезадаптации по мере нарастания дефекта. Неблагоприятным фактором является излишняя эмоциональная вовлеченность родственника, ухаживающего за больным. Считается, что некоторую долю дементных проявлений возможно сгладить только при комплексном биопсихосоциальном подходе стороннего медицинского, психологического и ухаживающего персонала [10].

5 Компенсация когнитивного дефицита при нормальном и патологическом старении

Отмечается ряд особенностей функционирования психики в позднем возрасте по сравнению с выборками более молодых людей. В данном параграфе описываются основные трудности пожилых людей в осуществлении психических когнитивных функций, таких как восприятие, внимание, память, мышление, речь и возможности их компенсации. Последние исследования, проводимые Н. К. Корсаковой, Е. Ю. Балашовой, И. Ф. Рощиной, выявили трудности зрительно-пространственного гнозиса, лежащие в основе оптико-конструктивных затруднений [6]. Варианты компенсации при данных трудностях в норме рассматриваются с точки зрения реорганизация зрительного поля. При дементных проявлениях возникают не только трудности оптико-пространственного звена, выражающиеся в большом количестве аграфических нарушений, трудностях зрительной памяти счетных операций, но также в специфических нарушениях восприятия. Для деменций свойственны псевдоагнозии. И хотя они не считаются истинными нарушениями гнозиса, выражаются в трудности обобщающей функции восприятия. При опознавании предметов пациенты выхватывают из целостного образа отдельные элементы, не могут соединить их в единый образ. Затрудняется восприятие зашумленных и наложенных изображений, так как отдельные части путаются, смешиваются с фоном. Пациенты фиксируются на каком-то отдельном элементе композиции и строят свои догадки согласно этому. При патологическом старении подобные дефекты не поддаются коррекции, поскольку имеют сложную схему нарушения. Гностическая функция не страдает сама по себе, она страдает вторично по отношению к более сложному опосредующему звену. Исследования времени простой реакции и реакции выбора показывают увеличение вариативности в группах пожилых людей. По мнению Э. Д. Смита, в процессе старения поле внимания суживается и «затуманивается». Периферия внимания практически совсем ослабевает, поэтому то, что находится в центре внимания у пожилых людей, все меньше связывается с другими впечатлениями, мыслями и ощущениями, становится самодавлеющим и замкнутым [7].

Считается, что динамические возможности более всего подвержены изменениям позднего возраста, что выражается в общем преобладании процессов тормозимости по сравнению с процессами активации. Причиной тому являются биологические факторы, выражающиеся в количественных изменениях массы мозга, сглаживания области желудочков, замедлении процессов синаптической передачи. Отмечается, что снижение скорости переработки информации может коррегироваться мобилизацией всех внутренних сил и появлением мудрости. Таким образом, нехватка энергетического потенциала сглаживается активной работой кристаллизованного интеллекта, лежащего в основе такого новообразования, как мудрость. При патологическом старении можно говорить о выраженных нарушениях внимания, что проявляется в общем падении психической активности, инертности, ригидности, трудностях переключения, невозможности активного целенаправленного внимания. Характерны персеверации, в том числе системные, которые определяются нейрофизиологическими особенностями центральной нервной системы. Патологическая инертность раздражительного процесса и слабость активного торможения приводит к невозможности останавливать свою деятельность и менять ее в зависимости от вновь поставленных задач. Изменения динамического компонента деятельности является общим для нормального и патологического старения, однако различается в глобальности и силе проявления. Отмечается, что компенсация в случаях патологии возможна лишь на определенных этапах течения сосудистой деменции, поскольку оно носит флюктуирующий характер с возможностью смены этапов компенсации и декомпенсации. В норме проблемы внимания компенсируются появлением мудрости, возможностью отвлекаться от посторонних стимулов и акцентировать внимание на значимых объектах.

Выявляются неоднозначные нарушения памяти при нормальном старении. При исследовании группы лиц от 50 до 85 лет значительное снижение мнестической функции характерно для начального периода старения (от 50 до 65 лет). Показатели группы лиц от 65 до 75 лет приближаются к среднему показателю нормы. Полученные данные свидетельствуют о компенсаторных возможностях позднего возраста, которые в новой ситуации развития какое-то время являются недоступными, непривычными. Лица более старшего возраста (после 65) ориентируются на установление определенных связей, логических цепочек, которые облегчают воспроизведение. В возрасте инволюции опосредование становится значимым способом регуляции активности и помогает преодолеть возникающий когнитивный дефицит. Люди позднего возраста пользуются богатым спектром приспособительных механизмов: от сугубо внутренних — проговаривание, опосредование, установление связей, до чисто внешних — написание пометок, ведение дневниковых записей. Исследования доказали, что процесс узнавания, а также долговременная память находятся на том же уровне, что и в зрелости.

Однако происходит больший акцент на избирательности и логичности в установлении связей. Пожилой человек лучше запоминает актуальные для него данные, подкрепленные и опосредованные иными стимулами. Это происходит из-за того, что меняется ситуация развития. Человеку уже не нужно запоминать большие объемы разнородной и часто не связанной между собой информации, как это необходимо в подростковом или юношеском возрасте. В позднем возрасте происходит смена локуса внимания, и память приобретает иной вид. Таким образом, с возрастом отмечается расхождение двух уровней психической активности. Натуральная когнитивная деятельность выявляет тенденции к снижению, в то время как опосредование улучшает деятельность и постепенно становится самостоятельной компенсаторной формой активности. Из мнестических проблем при патологическом старении выявляются ослабление памяти на текущие события и события недавнего прошлого, а также амнестическая дезориентировка. Больные часто указывают более ранний год и возраст, часто называют девичью фамилию, а помещение больницы воспринимают, как местность, где жили в молодости. Таким образом, возникает определенный сдвиг ситуации в прошлое. Считается, что причиной данного феномена является патологическое оживление прошлого опыта и искаженное восприятие настоящего [2]. Отмечается относительная сохранность памяти на аффективно заряженные, значимые события.

Характерным феноменом нарушения памяти является фиксационная амнезия, т. е. невозможность запоминать новые знания. Даже после многократных повторений имени и фамилии экспериментатора, большинству больных невозможно дальнейшее произведе-

ние этой информации. Нарушена как механическая, так и ассоциативная память, отмечаются трудности смыслового опосредования, или же они носят субъективный, значимый для пациента характер. Таким образом, в позднем возрасте при деменциях трудности компенсации основаны на дезорганизации логического, опосредующего компонента памяти, который является ведущим при нормальном старении.

С возрастом также отмечается снижение правильных ответов по методикам на интеллект. Модель «стареющего интеллекта» представлена угнетением подвижного интеллекта (абстрактное мышление, пространственное мышление, математические способности) при практически полностью сохранном кристаллизованном интеллекте (понятийное мышление, словарный запас, логика). Однако показатели по тестам интеллекта могут быть в отдельных случаях даже выше, нежели у молодых людей, что связано с опытом и длительной тренировкой, а также расширением общего запаса знаний. В патологических случаях отмечается снижение процессов обобщения и отвлечения. Для больных становится невозможным актуализация значимых признаков и отделение их от второстепенных. Суждения поверхностны, примитивны. Интеллект распадается «от простого к сложному». Сначала идет утрата более сложных интеллектуальных актов, затем утрачиваются и более примитивные, генетические ее формы. Относительно компенсации мыслительных функций можно сказать, что в норме появляется мудрость, как когнитивное новообразование, основанное на кристаллизованном интеллекте. Как отмечалось выше, мудрость является не только изолированным новообразованием мышления, ведущим к компенсации мыслительного снижения. Появление мудрости позволяет сглаживать трудности, возникающие в позднем возрасте в сфере внимания и памяти. Мудрость, как способность отвлекаться от несущественных деталей и благодаря этому находить более стратегические эффекты, обозначает А. Т Терехин [12]. В случаях патологии авторами не отмечается возможность компенсации, поскольку страдают все стороны мыслительной деятельности, ее динамический, операциональный и мотивационный компоненты.

Отмечаются изменения речи. С возрастом уменьшается вариативность использования грамматических оборотов речи для описания важных жизненных событий. Беглость речи по сравнению с группой более молодых испытуемых не менялась, однако возникало большее количество ошибок построения предложений, а фразы приобретали более упрощенный вид. Отмечались трудности импрессивной устной речи, которые связаны с более медленным темпом обработки поступающей информации. В письменной речи различий не выявлено, что свидетельствует в пользу того, что механизмы понимания устной речи с возрастом не меняются. Претерпевает изменение только скорость обработки информации. То есть, нарушения речи в норме основаны преимущественно на трудностях динамического компонента. Однако пожилые люди компенсируют данные особенности речи, вводя наиболее привычные и продуманные обороты. Часто речь, если и является несколько медленной, кажется со стороны более содержательной и конструктивной. Расстройства речи при патологическом старении выражаются, прежде всего, в отсутствии смыслового ее компонента. Часто, в начале заболевания, больные стремятся к активному говорению, мимика их живая, модуляции голоса сохранны. Однако их речь носит монологический характер, не направлена на собеседника, и не имеет цели передать какую-либо значимую информацию. Отмечается оскуднение словарного запаса при общей сохранности экспрессии и живости речи. Таким образом, первичными в нарушении речи в данных случаях являются операциональный и мотивационный компоненты, не поддающиеся коррекции.

Следует отметить исследования связи образования и предрасположенности к развитию деменции, о наличии которой утверждают в своем исследовании K. Brayne, P. Ince, K. Keage. Ее обусловленность объясняется ими двумя основными гипотезами. Согласно первой — наличие образования свидетельствует о высоком социально-экономическом положении, а значит о возможности бороться с различными неблагоприятными действиями среды. Согласно второй — более образованные люди могут функционально компенсировать нейропатологические нагрузки. Однако, вне зависимости от выбранной гипотезы, полученные данные свидетельствуют о том, что образование ослабевает риск деменции, но вовсе не смягчает его [11]. В позднем возрасте описывается следующая цепочка изменений. Сначала видоизменяется биологическая подсистема. Меняется скорость передачи импульсов, а, следовательно, замедляются все психические процессы. Затем меняется качество когнитивных функций. Этот уровень авторы

называют биосоциальным. И практически сохранным и константным остается социальный уровень личности. Изменениям мало подвержены интересы, ценности, убеждения и взгляды. Можно говорить, что такой логике подчинены изменения, происходящие в норме. Сначала меняется динамический компонент, затем операциональный, мотивационный изменяется незначительно. Благодаря этому возможна компенсация, основанная на сохранности мотивационно-личностного звена. При патологическом старении происходит дезорганизация всех компонентов деятельности, в том числе и мотивационного. Как показано Т. П. Денисовой, для реализации компенсаторных возможностей в позднем возрасте необходимо осознание своего дефекта и желание нормального функционирования [3]. Только в этом случае происходит перестройка психической деятельности, нацеленная на достижение адаптивного результата. В случаях патологии нарушается критичность к своему дефекту, деятельность утрачивает общий интегративный смысл, пропадает возможность целеполагания и достижения адекватного результата.

Таким образом, в рамках исследования позднего возраста авторами не отмечается возможность компенсации при патологическом старении. В данном параграфе представлены некоторые особенности новообразований позднего возраста и возможностей компенсации и адаптации возникающих когнитивных трудностей. Однако задачей настоящего исследования является выявление и обозначение общих закономерностей адаптационного функционирования психики в позднем возрасте.

Заключение

Теоретический обзор исследований по данному вопросу показывает наличие большого количества противоречий, что свидетельствуют о малой изученности и дискуссионном аспекте вопроса. Геронтология и гериатрия занимаются смежными вопросами и имеют единый объект исследования, однако зачастую ряд рассматриваемых вопросов остается открытым и рассмотривается в других междисциплинарных исследованиях. К таковым относится и вопрос компенсаторного потенциала в позднем возрасте. Несмотря на противоречивость данных, существуют сведения, описывающие возможность компенсации как в норме, так и при патологическом функционировании психики. Подобные замечания делают возможным дальнейшие практические и эмпирические исследования данного вопроса.

Литература

1 **Анцыферова Л. И.** Развитие личности и проблемы геронтопсихологии / Ин-т психологии РАН. М., 2004.
2 **Блейхер В. М.** Клиника приобретенного слабоумия. Киев, 1988.
3 **Денисова Т. К.** Этюды гериатрии (врачу и пациенту). Саратов, 2010.
4 **Дубовик Ю. Б.** Исследование психологического благополучия в пожилом и старческом возрасте // Психологические исследования. 2011. № 1 (15).
5 **Елютина М. Э.** Дихотомия геронтологической ситуации в современной России: эксклюзия-инклюзия. Саратов, 2006.
6 **Корсакова Н. К., Балашова Е. Ю., Рощина И. Ф.** Экспресс- методика оценки когнитивных функций при старении // Психологические исследования. 2009. № 3 (5).
7 **Краснова О. В., Лидерс А. Г.** Психология старости и старения. Хрестоматия. М., 2003.
8 **Кузнецова Т. А.** Медико-психологические факторы приспособительного поведения у лиц пожилого возраста с начальными проявлениями синдрома деменции: дис. ... канд. психол. наук. СПб., 2002.
9 **Молчанова Л. Н.** Социально-психологическая детерминация особенностей мотивационно-эмоциональной сферы пожилых людей: дис. … канд. психол. наук. Ярославль, 2005.
10 **Сиденкова А. П.** Психосоциальная модель поздних деменций: дис. … док. мед. наук. Томск, 2010.
11 **Сурнина О. Е.** Геронтология (медико-биологический и психологический аспекты). Екатеринбург, 2009.
12 **Терехин А. Т. и др.** Онтогенетическая эволюция и инволюция когнитивной деятельности: нейросетевой подход // Теория развития: дифференционно-интеграционная парадигма: сб. / сост. Н. И. Чуприкова. М., 2009.
13 **Чернякова С. С.** Адаптационные возможности лиц старшей возрастной группы: дис. … канд. психол. наук. СПб., 2003.
14 **Ackerman S. J.** The Brain in Adult and Normal Aging. The Dana Guide. 2007.
15 **Brayne K., Ince P., Keage K. etc.** Education, the brain and dementia: neuroprotection or compensation // Oxford Journals. 2010.
16 **Byrne G., Neville Ch.** Community Mental Health for Older People. 2009.
17 **Flashman L. A., Oxman T., Wishart E., Saykin A.** Normal aging and Dementia. 2011.

ПРОФИЛАКТИКА АЛКОГОЛЬНОЙ, НАРКОТИЧЕСКОЙ И НЕХИМИЧЕСКИХ ВИДОВ ЗАВИСИМОСТИ СРЕДСТВАМИ ДИСТАНЦИОННОГО КОНСУЛЬТИРОВАНИЯ

Иванцов О. В.
МГПУ, Москва

Фадеева Е. В.
ФГБУ «Национальный Научный Центр Наркологии» Министерства здравоохранения Российской Федерации, Москва

Статья посвящена анализу обращений абонентов на детский телефон доверия по вопросам употребления наркотических и психоактивных веществ (ПАВ) и нехимических зависимостей, рассматриваются структура и методы работы с абонентами по проблемам зависимостей. Представлены практические рекомендации сотрудникам служб дистанционного консультирования по работе с абонентами, обратившимися по вопросам зависимости от ПАВ.
Ключевые слова: профилактика болезней зависимости, зависимость от психоактивных веществ, детский телефон доверия, дистанционное консультирование, наркотическая зависимость, алкогольная зависимость, Интернет-зависимость.

ALCOHOL, DRUG AND NON-CHEMICAL ADDICTION PREVENTION BY MEANS OF DISTANCE COUNSELLING

Ivantsov O. V.
MCTTU, Moscow

Fadeeva E. V.
National Scientific Centre of Narcology of the Ministry of Health and Social Development of the Russian Federation, Moscow

This article covers the analyze of the subscribers calls to a child telephone helpline on the issues of the use of narcotic and psychoactive substances and non-chemical dependencies. The structure and methods of work with subscribers on dependencies are shown. It provides practical advice for employees of the distance counseling services working with the addressed subscribers with addiction to the psychoactive substances.
Keywords: addictive diseases prevention, addiction to psychoactive substances, child telephone helpline, distance consultation, drug addiction, alcohol addiction, Internet addiction.

Введение

Актуальность проблемы профилактики алкогольной, наркотической и нехимических видов зависимости средствами дистанционного консультирования обусловлена тем, что большинство абонентов, обращающихся в службу «Детский телефон доверия» Центра экстренной психологической помощи ГБОУ ВПО МГППУ (далее «Детский телефон доверия»), находящихся на ранней стадии зависимости в силу различных причин не готовы обратиться за очной помощью в специализированные организации. Однако благодаря основным принципам работы службы «Детский телефон доверия» — анонимность, конфиденциальность, толерантность и профессиональная помощь абоненту, они готовы обращаться дистанционно.

Цель исследования состояла в анализе запросов абонентов «Детского телефона доверия» по вопросам зависимости, в классификации типа запросов в соответствии с проблематикой обращений для составления общих рекомендаций абонентам, повышении эффективности первичной антиалкогольной и антинаркотической профилактики средствами дистанционного консультирования.

1 Проблематика обращений по поводу зависимости от алкоголя

Проблема употребления алкоголя является одной из наиболее частых причин обращений в службу «Детский телефон доверия» (среди

обращений по поводу зависимостей). Абонент может находиться в состоянии алкогольного опьянения или быть озабоченным проблемой злоупотребления спиртными напитками. Кроме того, часто встречаются обращения третьих лиц (родственники, друзья, знакомые), которые желают получить эмоциональную поддержку или информацию об алкогольных проблемах их близких [8].

Для зависимых лиц характерны следующие личностные особенности, заслуживающие внимания в плане возможной психологической помощи при телефонном консультировании:

– сниженная переносимость затруднений;
– комплекс неполноценности;
– незрелость, инфантильность;
– относительная интеллектуальная недостаточность.

Девушки (женщины) по проблеме алкогольной зависимости обращаются за помощью реже, в определении проблемы женщины часто проявляют уклончивость. Если они ищут помощи, их следует похвалить за обращение в службу.

Наиболее часто обращаются дети и подростки в связи с поведением родителей, находящимися в состоянии алкогольного опьянения. В этом случае основными методами работы консультанта являются эмпатическая поддержка и доверительный диалог. В случае агрессивных действий родителей следует убедиться, что дети находятся в безопасности. Если подросток убежал из дома в знак протеста против семейной ситуации, следует выяснить имеющиеся у него возможности получения помощи среди друзей или близких. Можно информировать абонента о существующих структурах, например полиции, центрах социально-психологической помощи, приютах, где он мог бы найти, по крайней мере, временную помощь, даже если члены семьи не желают этого. Справиться с этой проблемой собственными силами детям или подросткам крайне сложно.

Абоненты, обратившиеся в службу «Телефон доверия» в состоянии алкогольного опьянения, отличаются агрессивностью и манипулятивным отношением к консультанту. Длительные рассуждения, как правило, не приносят результата, нравоучения являются бесполезными, лишь поощряя абонента к агрессивности. Необходимо использовать активное слушание, не вступать в спор или что-либо доказывать. Не следует высказывать пренебрежения или обвинять. Стоит предложить ту помощь, которую консультант считает целесообразной, а в случае отказа или убеждения, что абонент находится в безопасности, завершить разговор.

В телефонном консультировании при связанных с алкогольной зависимостью обращениях возможно эффективное использование подходов и опыта групп «Анонимных алкоголиков». Практика показала, что их принципы позволяют работать не только с зависимыми, но и с их окружением (родственники, друзья). В основе деятельности «Анонимных алкоголиков» лежат 12 шагов, которые представляют собой программу реорганизации потребностей и системы ценностей личности. Они имеют свою логику осуществления и последовательность реализации во времени. Ее невозможно применить полностью в беседе из-за специфики телефонного консультирования. Полезно использовать некоторые из 12 шагов (один или несколько), если они становятся созвучными контексту телефонной беседы.

2 Проблематика зависимости от наркотических и психоактивных веществ

Обращения на «Телефон доверия» в связи с употреблением наркотических и психоактивных веществ (токсические, ингалянты, грибы) являются частыми как от зависимых, так и от их родственников или друзей.

Причины обращений:

– абонент находится в состоянии опьянения;
– испытывает абстиненцию (похмелье);
– ищет помощи в связи с возникающей или возникшей наркотической зависимостью;
– обращаются родственники или друзья, озабоченные аддиктивным поведением близких.

Для прояснения ситуации с наличием физической и психической зависимости от ПАВ необходимо обратить внимание на следующие высказывания абонента, отражающие те или иные ее проявления: «Друзей… их нет… были. Я не помню, когда последний раз бывал у родителей» — сужение и распад социальных и эмоциональных связей; «Кроме того, где его достать, меня ничего не интересует» — сужение и стереотипность поведения, ориентированного на аддикцию; «Я не могу отказаться уколоться вновь» — сильное желание или неодолимое влечение; «Еще два месяца назад я мог соскочить с иглы» — нарушение способности

контролировать употребление (начало, окончание и дозу); «Когда-то были только колеса, а теперь все, что попадает под руку» — повышение толерантности; «Тогда мне очень плохо, всего трясет» — наличие абстиненции; «Уже некоторое время меня ломает без наркотика» — вещество употребляется, чтобы предотвратить абстиненцию; «Я продолжаю... У меня нет выхода» — устойчивое употребление, несмотря на осознание нанесения себе явного вреда. Присутствие нескольких подобных высказываний достаточно для уверенности, что беседа ведется с человеком, страдающим от химической зависимости.

В процессе консультирования такие абоненты, как правило, непоследовательны, нечетко излагают факты, расплывчато формулируют мысли и оказываются совершенно не способными к описанию чувств. Эту реальность следует принять, ни в коем случае не подсказывая или, тем более, не навязывая свое мнение. Безответственность таких абонентов приводит к тому, что они легко соглашаются с утверждениями консультанта. Так могут возникнуть совместные заблуждения.

В подавляющем большинстве слова этих людей далеки от правды. Ложь является основой отношений абонента, препятствующих установлению доверительных отношений. Даже если они действительно ищут помощи, сообщаемые ими сведения отличаются крайней недостоверностью. Поэтому консультанту не стоит тратить время на сличение сообщаемых фактов с действительностью — расследование обязательно натолкнется на непреодолимые противоречия и будет непродуктивным. Много и долго лгавшему призывы к искренности покажутся непонятными и наивными.

Использование аккуратных и тактичных «подразумеваний» позволит определить актуальные трудности в жизни абонента и их связь с болезненной зависимостью от наркотиков. Нередко беседа бывает уклончивой из-за боязни санкций, которые могут последовать со стороны окружения или общества. Например, если подросток считает себя «предателем», важно разубедить его в этом заблуждении. Сославшись на анонимность и конфиденциальность, следует, в основном, сосредоточиться на мыслях и чувствах собеседника. Позитивные изменения возникают не после детальной инвентаризации фактов злоупотребления, а в силу работы с личностью абонента. Довольно большое число звонящих сталкивались по поводу наркотических проблем с правоохранительными органами, но эта информация не столь существенна для консультанта.

Абоненты как правило:

1) отрицают свое пристрастие в настоящее время, признавая его в прошлом;
2) говорят об отдельных эпизодах приема наркотиков и токсических средств, приводя внешне понятные объяснения и представляя их чем-то обыденным;
3) сообщают об употреблении «безобидных» препаратов (болеутоляющих, снотворных и т.д.);
4) часто создают своеобразный «туман» из жалоб на телесное недомогание, детально описывая различные болезненные признаки. Нередко абоненты склонны, наоборот, преувеличивать выраженность наркотической зависимости. Например, собеседник не желает призыва на воинскую службу или ему импонирует образ «наркомана» в глазах значимого окружения. Но получить описание реального состояния дел крайне трудно или невозможно. Используя тактику «подразумеваний», стоит исследовать скрытые мотивы, а также, какие чувства это вызывает.

Кроме того, в процессе консультирования отмечается почти постоянное использование различных механизмов психологической защиты. Абоненты могут вытеснять обстоятельства наркотизации и, особенно, чувства, связанные с приемом наркотиков. Они обращаются к рационализации своего поведения для приемлемого толкования наркотической зависимости, например, ссылаясь на «тяжелую жизнь», неблагоприятные внешние обстоятельства. Склонность к проецированию, приписыванию наркотической зависимости значительному числу сверстников или знакомых уменьшает или освобождает от чувства вины за собственное поведение. Защита приводит к тому, что негативизм и сопротивление не только оказываются неизменными спутниками консультативного процесса, но и ярко проявляются в вербальной агрессии.

Во время консультирования не следует жалеть времени на создание доверительных отношений. Расположение абонента необходимо для того, чтобы выяснить его системы поддержки и личностные ресурсы, которые помогут справиться с зависимостью. Выяснению помогает обсуждение увлечений собеседника. Сославшись на недостаточную информированность, что и в самом деле не является редкостью для взрослых консультантов, сле-

дует расспросить о современных музыкальных группах, привычках, одежде молодежи и т.д., под чьим влиянием формировались интересы и увлечения, что они дают абоненту или, почему оказались заброшенными. Как правило, они не являются стойкими или продуктивными, но пренебрежение или недоверие консультанта снижает эффективность беседы. Проявленный же интерес к тому, что обычно осуждается, позволяет получить первые искренние, полные или конструктивные ответы. Часто абоненты охотно и адекватно говорят на экзистенциальные темы. В исследование можно включить выяснение отношений со сверстниками, положения в группе (лидер, преследуемый изгой, независимый одиночка и т.д.) и причин выбора приятелей. При необходимости затрагиваются отношения с родителями и внутрисемейные проблемы, наличие конфликтов и их причины. Суждения абонента об основных чертах характера членов семьи нередко бывают весьма точными. Когда он (она) характеризует мать или отца, жену или мужа, желательно, чтобы это было проиллюстрировано конкретными примерами. Представляют интерес наиболее тяжелые события в прошлой жизни и реакция абонента на них, особенно наличие суицидальных тенденций и того, каким образом они осуществлялись. Определенная ограниченность личности приводит к затруднениям в характеристике психотравмирующих ситуаций, что обусловливает необходимость косвенных уточняющих вопросов со стороны консультанта.

Абонент с зависимостью обычно использует специфический жаргон. У подростков он сочетается с подростковым сленгом. Отношение к этому в службах телефонной помощи должно быть однозначным: жаргоном и сленгом следует владеть и учитывать их вариативность. Употребление его в консультировании ограничивается отражением фраз собеседника для установления начального взаимопонимания. При этом консультанту в одной и той же фразе полезно употреблять жаргонное слово или выражение вместе с эквивалентом из нормативной лексики («кайф» — эйфория в опьянении, «ломка» — похмелье и т.д.). Эффективным бывает перевод жаргонных слов в описание действий с использованием вопросов с открытым концом. Но сам по себе жаргон — отнюдь не «золотой ключик» консультанта, и инициировать переход на жаргон, поощрять собеседника и, тем более, щеголять жаргонными словечками — серьезные ошибки консультирования.

Распознание состояния опьянения необходимо, чтобы определиться в ходе консультации и построить тактику действий. Сегодня употребляется широкий спектр наркотических и психоактивных препаратов, и все они вызывают измененные состояния сознания. Не следует вновь и вновь стремиться к выяснению используемого абонентом средства — намного важнее уверенность, что беседа ведется с опьяневшим человеком. Необходимо обращать внимание на следующие характеристики поведения, речи или эмоций абонента (таблица 1).

Таблица 1

Характеристики поведения, речи и эмоций абонента, находящегося в состоянии алкогольного и наркотического опьянения

Речь	Эмоции	Поведение
Болтливость — ускорение мышления и быстрая речь	Чрезмерные раздражительность, злоба, грубость	Причудливое переплетение реальности и вымысла
Смазанность, нечеткость речи	Благодушие	Сексуальная расторможенность
Наплывы случайных ассоциаций, грез, фантазий, воспоминаний	Эмоциональные неустойчивость и лабильность	Агрессивные поступки
Затрудненное осмысление вопросов	Подозрительность в отношении к окружающим	Переоценка своих способностей
Замедленные неточные ответы	Страх или паника	Потеря чувства реальности (времени и ситуации)
	Неадекватный смех (безудержный и беззаботный)	Бестолковость, суетливость и надоедливость
	Описания неприятных ощущений в теле («прилив», «ползание мурашек», «волосы встают дыбом»)	Непродуктивность, фамильярность, бесцеремонность, развязность и циничность

Если по некоторым из приведенных признаков или признанию собеседника вероятен факт опьянения, то, убедившись в отсутствии непосредственной опасности для жизни, необходимо завершить беседу, предложив обратиться в другое время.

В дистанционном консультировании обычно используется один или несколько «шагов» как эффективный консультативный прием, чтобы изменить ригидную и узконаправленную мотивацию абонента и внести первые позитивные перемены в стереотипы его поведения. Учитывая тяжелое течение наркотической зависимости, не следует ожидать от телефонной консультации слишком многого. Однако, помня, что ее целью является первая психологическая помощь, первый шаг, конечно, должен быть сделан.

При направлении абонента в специализированные службы/центры необходима уверенность в том, что там, куда направляется абонент, оказывается эффективная помощь, эта уверенность — не гарантия помощи конкретному собеседнику, а обоснование ответственности за направление в специализированные службы [1, 2, 9].

3 Проблематика игровой зависимости

Игровая зависимость (лудомания, игромания, гэмблинг-зависимость) — патологическая склонность к азартным играм, заключающаяся в частых повторных эпизодах участия в азартных играх, которые доминируют в жизни человека и ведут к снижению социальных, профессиональных, материальных и семейных ценностей. Игровая зависимость является нехимической формой зависимости, характеризуется психологической привязанностью к азартным играм. При дистанционном консультировании абонентов с зависимостью от азартных игр следует рассматривать игровую зависимость как форму саморазрушающего поведения и способствовать возникновению осознания этого у абонента. Стимулируя его работу над эмоциональными переживаниями в настоящем, важно обеспечивать его навыками вербализации своего психоэмоционального состояния, обусловленного игровой зависимостью. Следует принимать во внимание мощность психологической защиты (отрицания, вытеснения, регрессии), которая, безусловно, встретится в беседе. При завершении беседы необходимо подчеркнуть, что возможные позитивные результаты телефонной беседы являются только началом в длительном пути совладания с игровой зависимостью и требуют от абонента дальнейших усилий и настойчивости [7].

4 Проблематика интернет-зависимости (компьютерная зависимость)

Характер интернет-зависимости иной, чем при химических зависимостях, физиологический компонент зависимости полностью отсутствует, а психологический — проявляется очень ярко [3, 4, 6]. Распознание интернет-зависимости при дистанционном консультировании проводится с использованием приемов активного выслушивания. Консультативная беседа касается выяснения следующих обстоятельств:

1) наличие у абонента потребности во все большем времени работы на компьютере для достижения удовлетворения;
2) снижения эффективности работы на компьютере за аналогичный промежуток времени;
3) наличия следующих признаков (двух или более), возникающих при прекращении или значительном уменьшении времени работы на компьютере:
   – речедвигательного беспокойства (суетливости);
   – тревожности;
   – сниженного настроения, чувства опустошенности;
   – навязчивых мыслей о компьютере;
   – активных действий, предпринимаемых для возобновления работы на компьютере (среди которых — конфликты в семье, на учебе/работе и т.п.);
   – уменьшения или исчезновения вышеперечисленных признаков при возобновлении работы на компьютере;
4) наличие непреодолимого желания и/или безуспешных попыток прекратить или контролировать работу на компьютере;
5) большого количества времени, посвящаемого деятельности, имеющей отношение к обеспечению работы на компьютере (поиск/покупка литературы, программ и т.п.);
6) прекращения, сокращения или видоизменения актуальных ранее видов социальной деятельности;
7) продолжение работы на компьютере, несмотря на явные психологические проблемы (нарушение сна, семейные труд-

ности, сниженная успеваемость, опоздания на учебу/работу и т.п.).

В случае предположения интернет-зависимости абоненту рекомендуется очная индивидуальная и/или групповая форма психологической работы с акцентом на работе с образами и эмоциями, поскольку зависимые лица, как правило, испытывают значительные затруднения в эмоциональном плане. Однако учитывая определенные трудности в осуществлении межличностных взаимодействий и социальной адаптации у лиц, страдающих интернет-зависимостью, при коррекционной работе предпочтительнее использовать групповую форму работы.

5 Результаты исследования

Консультантами службы «Детский телефон доверия» за 2011–2012 учебный год было принято 24504 звонка, из которых согласно классификатору обращений, разработанному службой «Детский телефон доверия», 160 обращений по проблемам зависимости (0,65%) (таблица 2).

В процессе психологического консультирования по проблеме зависимости учитывались такие факторы, как вид зависимости, инициатор обращения, социальный статус абонента.

Поступившие в службу «Детский телефон доверия» обращения по проблеме зависимости согласно классификатору были разделены на следующие группы (в % от общего количества обращений):

– наркотическая зависимость — 36 (0,15%);
– информационный запрос по проблеме зависимости — 34 (0,14%);
– алкогольная зависимость — 31 (0,13%);
– интернет-зависимость — 21 (0,09%);
– никотиновая зависимость — 11 (0,04%);
– зависимость от ПАВ — 10 (0,04%);
– запрос юридического характера по проблеме зависимости — 3 (0,01%);
– токсикомания — 1 (0,00%);
– другое — 13 (0,05%).

По инициатору обращений: 121 звонок, от общего числа обратившихся по проблеме зависимости, был принят от девушек (женщин), 39 звонков было принято от юношей (мужчин). Из них 75 звонков было принято от родителей и близких друзей, беспокоящихся о зависимом поведении ребенка, 51 звонок — от других взрослых и 32 звонка от самих детей (до 18 лет).

Таблица 2

Статистика обращений на «Детский телефон доверия» по проблеме зависимости

	Кол-во	%	Пол			Инициатор обращения				
			мужчины	женщины	не указано	ребенок	родители, близкие, друзья	учитель	другие взрослые	нет данных
Поступило в службу, всего	24504	100	8596	8249	7659	11406	1897	54	3801	7346
1 Психологическая зависимость от партнера	10	0,04	1	9	0	3	4	0	3	0
2 Алкогольная аддикция	31	0,13	5	26	0	6	10	0	15	0
3 Наркотическая аддикция	36	0,15	14	22	0	5	20	0	10	1
4 Токсикомания	1	0,00	0	1	0	1	0	0	0	0
5 Табакокурение	11	0,04	3	8	0	5	4	0	2	0
6 Игровые аддикции	10	0,04	2	8	0	3	5	1	1	0
7 Компьютерная аддикция	21	0,09	5	16	0	2	18	0	1	0
8 Информационный запрос по проблеме	34	0,14	8	26	0	4	13	0	17	0
9 Запрос юридического характера	3	0,01	0	3	0	1	1	0	1	0
10 Другое	3	0,01	1	2	0	2	0	0	1	0
Всего	160	0,65	39	121	0	32	75	1	51	1

6 Практические рекомендации для специалистов, работающих в сфере дистанционного консультирования по работе с абонентами, обращающимися по проблеме с зависимостями от наркотических и психоактивных веществ, а также нехимических видов зависимости

При консультировании абонентов с зависимостями следует напомнить об анонимности обращения, похвалить абонента за то, что он решился позвонить, что хочет помочь себе или своим близким. Дистанционное консультирование с абонентом может быть организовано для формирования ответственного выбора с учетом интересов близких людей, исследования альтернатив, оценки текущего поведения и прогноза будущего. Принятие абонентом решения отказаться от приема наркотиков/алкоголя не дает гарантии, что он это сделает. Необходима установка на последовательный выход из состояния наркотизации/алкоголизации с опорой на план, который абонент разработает вместе с психологом и согласится его выполнить.

Для специалистов служб телефонного консультирования важно подтолкнуть абонента к осознанию проблемы его зависимости, сформировать или усилить мотивацию отказа от употребления ПАВ, а также направить абонента в специализированные службы. Без принятия абонентом решения о необходимости изменить образ жизни, рекомендации специалиста не будут востребованы. Оценка собственного поведения как неэффективного только тогда станет возможной, когда абонент осознает, что его зависимое поведение изменило все сферы его жизнедеятельности, отношения со значимыми людьми. При обращении абонентов с зависимостями на «Детский телефон доверия» необходимо учитывать, что в большинстве случаев люди не хотят признавать себя зависимыми, и, как правило, не считают себя физически или умственно отличающимися от окружающих.

Таким образом, при дистанционном психологическом консультировании людей, имеющих опыт зависимого поведения, выделяются следующие этапы:

– установление доверительных отношений;
– обеспечение комфортного состояния;
– всестороннее исследование проблемы в сотрудничестве с абонентом;
– поиск резервов личности;
– планирование выхода из ситуации;
– оказание помощи в реализации плана;
– психофизическая регуляция, обеспечивающая прилив сил;
– мотивирование абонента на продолжение работы.

Заключение

Возможности дистанционного консультирования весьма широки, в частности, средствами телефонного консультирования возможно оказание первичной психологической помощи абонентам с различными видами химических и нехимических зависимостей. Телефонное консультирование имеет свои особенности, так что вполне возможно, что консультация окажется единичной. Поскольку в случае зависимости абонента от наркотических и психоактивных веществ, ему требуется более глубокая психологическая проработка причин аддиктивного поведения и лечебная помощь, целесообразно предоставить информацию о необходимости очного консультирования, а также проинформировать абонента об организациях, предоставляющих специализированную наркологическую помощь.

Литература

1. Большая медицинская энциклопедия. Алкоголизм. 3-е изд. М.: Советская энциклопедия, 1974. Т. 1. С. 244–279.
2. **Братусь Б. С., Сидоров П. И.** Психология, клиника и профилактика раннего алкоголизма. М.: Изд-во МГУ, 1984.
3. **Выгонский С. И.** Обратная сторона Интернета. Психология работы с компьютером и сетью. Ростов н/Д: Феникс, 2010.
4. Интернет-зависимость: психологическая природа и динамика развития / сост. и ред. А. Е. Войскунский. М.: Акрополь, 2009.
5. Клинические и организационные вопросы наркологии / под ред. Е. А. Кошкиной. М.: Гениус Медиа, 2011.
6. **Кузнецова Ю. М., Чудова Н. В.** Психология жителей Интернета. Изд. 2-е, испр. М.: ЛКИ, 2011.
7. **Мельник Э. В.** О природе болезней зависимости (алкоголизм, наркомания, «компьютеромания» и другие). Одесса: Черноморье, 1998.
8. **Моховиков А. Н.** Телефонное консультирование М.: Смысл, 2001.
9. Наркология: национальное руководство / под ред. Н. Н. Иванца, И. П. Анохиной, М. И. Винниковой. М.: ГЭОТАР - Медиа, 2008.
10. **Шабанов П. Д., Калишевич С. Ю.** Биология алкоголизма. СПб., 1998.

ИССЛЕДОВАНИЕ СОЦИОКУЛЬТУРНОЙ ОБУСЛОВЛЕННОСТИ ЯЗЫКОВОЙ КОМПЕТЕНЦИИ У СТАРШИХ ДОШКОЛЬНИКОВ[1]

Чернов Д. Н.
РНИМУ им. Н. И. Пирогова, Москва

Излагаются результаты исследования социокультурной обусловленности становления языковой компетенции у старших дошкольников. Методологической основой работы стало предположение о том, что детско-родительская общность, развивающаяся как коллективный субъект, играет системообразующую, опосредующую и компенсаторную роль во взаимосвязи языковой компетенции ребенка и биосоциокультурных факторов его жизнедеятельности. Обсуждается значение полученных результатов для построения адекватной для становления языковой компетенции модели социокультурной ситуации развития ребенка.
Ключевые слова: коллективный субъект «родитель – ребенок», речь, социокультурная обусловленность развития ребенка, язык, языковая компетенция.

THE RESEARCH OF SOCIOCULTURAL CONDITIONALITY OF LANGUAGE COMPETENCE IN SENIOR PRESCHOOLERS

Chernov D. N.
Pirogov Russian National Research Medical University, Moscow

Results of research of the sociocultural conditionality of formation of the language competence in senior preschoolers are stated. The assumption that a child-parental generality, developing as the collective subject, plays system forming, mediating and compensating role in interrelation of the child language competence and biosociocultural factors of its vital activity became a methodological basis of research. Value of the received results for construction of model of sociocultural situation of the child development which are valid for formation of its language competence is discussed.
Key words: collective subject «parent – child», speech, sociocultural conditionality of child development, language, language competence.

Введение

Речь и язык играют важнейшую роль в становлении личности ребенка. В настоящее время вопрос о развитии речеязыковых способностей успешно решается в рамках компетентностного подхода. Важнейшей задачей психологии и педагогики является выявление условий становления ключевых компетенций, одна из которых — языковая компетенция. Под языковой компетенцией понимается владение нормами языка и способность адекватно использовать их в ходе реальной речевой деятельности [2].

Анализ существующих подходов к изучению условий речевого развития ребенка [9], показал, что при констатации очевидной роли социальной среды в развитии речеязыковых способностей, на данный момент не предложено методологически обоснованной модели социокультурной обусловленности становления языковой компетенции ребенка. Модель позволила бы: 1) выстраивать субъектные условия для повышения качества взаимоотношений ребенка и социального окружения и формирования осознанного отношения социума к языковому воспитанию ребенка, 2) улучшить качество воспитательной и педагогической работы с детьми, актуализируя субъектные характеристики ребенка для целей обучения языку. Предлагаем решение этой проблемы с позиций субъектно-деятельностного подхода (С. Л. Рубинштейн, К. А. Абульханова, А. В. Брушлинский). Ориентируясь на концепцию коллективного субъекта А. Л. Журавлева [5], можно предложить психолого-антропологическую модель социокультурной ситуации развития ребенка, ядро которой образует динамическая структура со-переживаний – со-отношений ребенка как развивающегося субъекта и ближайшего социокультурного окружения, которые вместе составляют различные детско-взрослые общности (в первую очередь, детско-родительскую и детско-педа-

[1] Исследование выполнено при финансовой поддержке РГНФ проекта проведения научных исследований «Модель социокультурной обусловленности речевого развития в онтогенезе», проект №12-06-00237а.

гогическую), стремящиеся к достижению уровня коллективного субъекта [11]. Исходя из этих воззрений, мы предполагаем, что коллективный субъект «родитель – ребенок» выполняет системообразующую функцию по отношению к особенностям индивидуальности ребенка и условиям социокультурной ситуации его развития. Благодаря активному диадическому субъект-субъектному взаимодействию, влияния различных биосоциокультурных особенностей на формирование языковой компетенции ребенка могут быть потенциально скомпенсированы (для негативных влияний) или усилены (для положительных влияний). Такой подход к проблеме позволяет преодолеть принцип непосредственности в изучении детерминации развития речи ребенка со стороны биосоциокультурных условий его жизнедеятельности.

Исследование проводилось на детях старшего дошкольного возраста. Именно в этом возрасте роль отношений в рамках детско-родительской общности в развитии знаний, навыков и умений (в том числе, и языковой компетенции), необходимых для систематического обучения ребенка в школе, может быть критичной.

1 Методика

Для оценки уровня языковой компетенции использовался Гейдельбергский тест речевого развития (далее — Гт) (авторы — Х. Гримм и Х. Шелер), адаптированный и стандартизованный на российской популяции Н. Б. Михайловой в ИП РАН, позволяющий изучить уровень речелингвистической (усвоение системы языковых правил) и речепрагматической (овладение системой правил общения) компетенции (табл. 1) [7].

Итоговая оценка вычисляется как среднее арифметическое по субтестовым оценкам.

Была разработана проективная методика «Мы вместе с ребенком», предназначенная для диагностики сформированности коллективного субъекта «родитель – ребенок» (далее — Кс). Родителям предлагались незаконченные предложения, которые необходимо было завершить фразами, выражающими представления родителя о его взаимоотношениях с ребенком. Фиксировались три параметра, раскрывающие понятие «коллективный субъект» по А. Л. Журавлеву: 1) степень взаимосвязи/взаимозависимости субъектов; 2) интенсивность и широта сфер совместной активности; 3) степень рефлексивного отношения субъектов к совместной деятельности [5]. Путем контент-анализа в высказываниях выделялись словесные показатели параметров. Каждое соответствующее слово/словосочетание оценивалось в один балл. Подсчитывались три показателя, которые указывают на степень сформированности коллективного субъекта «родитель – ребенок» [10].

Таблица 1

Структура Гейдельбергского теста

Раздел теста	Субтесты	Сферы операций
Структура предложений	Понимание грамматических структур (ГС)	Предложение
	Непосредственное запоминание и повторение грамматических структур (ИС)	
Морфологические структуры	Образование множественного числа существительных (МЧ)	Морфема
	Образование однокоренных слов (СО)	
	Образование степеней сравнения имен прилагательных (СП)	
Значение предложений	Коррекция семантически неверных предложений (КС)	Фраза
	Конструирование предложений (КП)	
Значение слов	Нахождение слов по аналогии (НС)	Слово
	Классификация понятий по общим признакам (КлП)	
Интерактивное значение	Вариация названий (наименование одного и того же лица в зависимости от контекста межличностного общения) (ВН)	Высказывание / речевой акт
	Установление взаимосвязи вербальной и невербальной эмоционально окрашенной информации (ВНИ)	
	Кодирование информации с учетом специфических ролевых признаков (КИ)	
Обобщающая ступень	Запоминание и пересказ текста (рассказа) (ЗР)	Текст

Для оценки общей направленности активности родителей использовалась методика «Направленность личности» В. Смекала – М. Кучера (далее — НЛ), определяющая выраженность личностной (на себя), деловой (на задачу) и коллективистской (на взаимодействие) направленностей человека [8]. Для диагностики склонности родителя к рефлексивному отношению к действительности использовался опросник диагностики рефлексивности (далее — ДР) [6].

Особенности родительских отношений оценивались при помощи теста-опросника родительских отношений (далее — ОРО) А. Я. Варги и В. В. Столина, который позволяет оценить выраженность стилей семейного воспитания: принятие – отвержение, симбиоз, кооперация, авторитарная гиперсоциализация и «маленький неудачник» [3]. Кроме того, матери заполняли опросник «Анализ семейных взаимоотношений» (далее — АСВ), состоящий из 20 шкал и позволяющий выявить типы воспитания: потворствующая и доминирующая гиперпротекция, повышенная моральная ответственность, эмоциональное отвержение, жестокое обращение и гипопротекция [12].

Специфика переживания межличностных отношений ребенка исследовалась при помощи методики «Фильм-тест» Р. Жиля (далее — ФТ). Методика состоит из 13 шкал: отношение к 1) матери, 2) отцу, 3) обоим родителям как чете, 4) братьям и сестрам, 5) бабушке, дедушке и другим родственникам, 6) другу, 7) воспитателю; 8) любознательность; 9) стремление к доминированию; 10) стремление к общению в больших группах детей; 11) конфликтность, агрессивность; 12) реакция на фрустрацию (социальная адекватность поведения); 13) стремление к уединению, отгороженность [4]. Методика позволяет изучить специфику отношений не только с семейным окружением, но и референтными сверстниками и взрослыми. Детьми выполнялась методика «Кинетический рисунок семьи» Р. Бернса и С. Кауфмана (далее — КРС). Вычислялись количественные показатели симптомокомплексов: благоприятная семейная ситуация, тревожность, конфликтность в семье, чувство неполноценности, враждебность в семейной ситуации [1].

Для оценки специфики социокультурной ситуации развития детей и с целью собрать данные об их раннем психическом и речевом развитии была разработана специальная анкета (далее — РА). Вопросы были объединены в блоки: 1) биологические и физиологические особенности развития ребенка; 2) социоэкономический статус семьи; 3) особенности речеязыковой среды, создаваемой родителями; 4) конфигурация семьи; 5) история речеязыкового развития ребенка; 6) социокультурные условия развития ребенка; 7) особенности субъектной активности ребенка в сфере общения и овладения речью и языком.

Анализ проводился с помощью статистического пакета Statistica 9.0. Для проверки распределений переменных на соответствие нормальному закону использовался критерий Колмогорова – Смирнова. Для установления взаимосвязи между переменными применялся корреляционный анализ. Использовались: ранговая корреляция r_s — Спирмена, рангово-бисериальная корреляция, линейная корреляция r_{xy} — Пирсона (для установления взаимосвязи между двумя количественными переменными, количественной и дихотомической переменными, двумя переменными с распределениями, соответствующими нормальной форме соотв.). Поскольку все перечисленные разновидности корреляционного анализа позволяют установить линейные связи между двумя переменными, далее они будут обозначаться как «простые корреляции». Использовалась частная корреляция r_{xy-z} для установления связи между двумя переменными при постоянной величине третьей переменной. С целью выявления структуры взаимосвязи переменных использовался факторный анализ; вычислялись факторные оценки по выявленным факторам.

Исследованы 106 детей (48 девочек и 58 мальчиков) в возрасте 5 лет 6 мес. – 6 лет 7 мес. ($\overline{x}$ = 6,02, S = 0,29) и их матери в возрасте 25–43 лет ($\overline{x}$ = 35,05, S = 5,34). Все дети не посещают школу.

2 Результаты и их обсуждение

Для получения обобщенного представления об особенностях детско-родительских отношений в семьях, воспитывающих старших дошкольников, был проведен факторный анализ по данным методик АСВ, ОРО, ФТ, КРС, ДР и Кс. В соответствии с критерием отбора Р. Кеттелла выделяются 5 факторов, объясняющих 59,6% всех оценок (табл. 2).

Фактор 1 — «Коллективный субъект “родитель – ребенок” на фоне потворствующей гиперпротекции»: выражен в случае, если мать считает воспитание ребенка центральным делом жизни, стремится к удовлетворению потребнос-

тей ребенка, предъявляя к нему минимальные требования, чередуя чрезмерность/минимальность запретов в сочетании с минимальностью санкций; мать склонна к расширению сферы родительских чувств, предпочтению в ребенке детских качеств, решать проблемы супружеских отношений за счет ребенка (методика АСВ). При этом мать стремится к установлению кооперативных, зачастую, симбиотических отношений с ребенком (методика ОРО), для нее характерны: высокий уровень рефлексивности (методика ДР), коллективистская направленность личности (методика НЛ), взаимосвязь/взаимозависимость с ребенком, высокая интенсивность и расширение сфер совместной с ребенком активности и рефлексивное отношение к совместной жизнедеятельности (методика Кс). Речь идет о сформированном коллективном субъекте «родитель – ребенок»: при наличии взаимосвязи/взаимозависимости между субъектами и рефлексивном отношении субъектов к деятельности, наблюдается тенденция к увеличению интенсивности и расширению сфер совместной активности, — «генеральный» по А. Л. Журавлеву признак развитого коллективного субъекта [5]. При этом ребенок положительно относится к матери, отцу, родителям как чете, значимым взрослым, любознателен, общителен, умеренно конфликтен, стремится к доминированию в отношениях, социально адекватен (методика ФТ), воспринимает семейную ситуацию как благоприятную (методика КРС).

Фактор 2 — «Коллективный предсубъект “родитель – ребенок” с рефлексивным отношением матери к ребенку»: мать стремится к максимальному удовлетворению потребностей ребенка, предпочитает в нем мужские качества (методика АСВ), характеризуется высокой степенью эмоционального принятия ребенка (методика ОРО), деловой направленностью личности (методика НЛ), взаимосвязью/взаимозависимостью с ребенком и рефлексивным отношением родителя к совместной жизнедеятельности (методика Кс). Отсутствие в структуре фактора выраженности интенсивности и расширения сфер совместной с ребенком активности позволяет говорить о начальной стадии формирования коллективного субъекта — предсубъектной стадии по А. Л. Журавлеву [там же]. При этом ребенок положительно относится к родителям и ближайшему социальному окружению, общителен (методика ФТ) и воспринимает семейную ситуацию как благоприятную (методика КРС).

Фактор 3 — «Авторитарная гиперсоциализация»: мать переходит от потворствованию потребностям ребенка к их игнорированию, предъявляет к нему недостаточно требований, строгость санкций сменяется их недостаточностью, т. е. стиль воспитания неустойчив, мать испытывает воспитательную неуверенность; при этом она склонна к расширению сферы родительских чувств, которые отличаются неразвитостью, предпочитает в ребенке детские качества, проецируя на него собственные нежелательные качества, склонна решать проблемы супружеских отношений за счет ребенка (методика АСВ). Отношения с ребенком характеризуются симбиозом и стремлением к авторитарной гиперсоциализации (методика ОРО). Для матери характерна направленность личности «на себя» (методика НЛ). При этом ребенок положительно относится к друзьям (методика ФТ), но в семейной ситуации испытывает чувство неполноценности (методика КРС).

Фактор 4 — «Маленький неудачник»: мать уделяет ребенку мало времени, чередуя чрезмерность и минимальность требований в сочетании с чрезмерностью запретов, предпочитает в ребенке детские качества, имеет преувеличенные представления о «хрупкости» ребенка (методика АСВ), склонна относиться к нему как к «маленькому неудачнику» (методика ОРО). При этом ребенок положительно относится к бабушке/дедушке (методика ФТ), испытывает в семейной ситуации чувство неполноценности (методика КРС).

Фактор 5 — «Коллективный предсубъект “родитель – ребенок” на фоне авторитарной гиперсоциализации»: мать уделяет ребенку достаточно времени, но испытывает воспитательную неуверенность, стиль воспитания неустойчив, что выражается в чередовании чрезмерности/недостаточности санкций (методика АСВ). При этом мать характеризуется высокой степенью эмоционального принятия ребенка, стремлением к симбиотическим отношениям при склонности к авторитарному гиперсоциализирующему отношению к ребенку и отношению к нему как «маленькому неудачнику» (методика ОРО). Для матери характерны: деловая направленность личности (НЛ), взаимосвязь/взаимозависимость с ребенком и тенденция к рефлексивному отношению к совместной с ребенком жизнедеятельности (методика Кс). При этом ребенок положительно относится к бабушке/дедушке и сибсам (методика ФТ).

Таблица 2

Факторная структура данных

Переменные	Факторы				
	1	2	3	4	5
АСВ Гиперпротекция	0,70	0,07	-0,10	0,08	0,41
АСВ Гипопротекция	-0,03	0,02	0,16	0,71	-0,22
АСВ Потворствование	0,82	0,25	0,26	-0,04	-0,12
АСВ Игнорирование потребностей	-0,12	0,11	0,69	0,08	-0,12
АСВ Чрезмерность обязанностей	-0,52	-0,13	-0,19	0,26	0,11
АСВ Недостаточность обязанностей	0,27	-0,04	0,57	0,38	-0,20
АСВ Чрезмерность запретов	0,40	0,10	0,11	0,53	0,10
АСВ Недостаточность запретов	0,74	0,16	0,11	0,03	-0,01
АСВ Строгость санкций	-0,42	-0,18	0,22	0,06	0,56
АСВ Минимальность санкций	0,40	0,15	0,54	-0,13	0,47
АСВ Неустойчивость стиля воспитания	0,10	0,13	0,80	-0,01	0,32
АСВ Расширение сферы родительских чувств	0,53	-0,07	0,60	-0,36	0,11
АСВ Предпочтение детских качеств	0,23	0,00	0,57	0,29	-0,19
АСВ Воспитательная неуверенность	0,10	-0,19	0,56	0,03	0,45
АСВ Фобия утраты ребенка	0,15	0,07	-0,08	0,76	0,09
АСВ Неразвитость родительских чувств	-0,28	-0,12	0,68	-0,29	-0,12
АСВ Проекция на ребенка нежелаемых качеств	-0,03	-0,10	0,26	0,00	-0,25
АСВ Конфл. между супругами в сфере воспитания	0,23	0,17	0,39	-0,20	-0,12
АСВ Предпочтение в ребенке мужских качеств	0,12	-0,28	0,13	-0,23	-0,66
АСВ Предпочтение в ребенке женских качеств	-0,07	0,31	-0,34	-0,26	0,13
ОРО Принятие – отвержение	-0,07	0,22	-0,02	0,02	0,90
ОРО Кооперация	0,41	-0,04	0,10	-0,68	0,06
ОРО Симбиоз	0,59	-0,04	0,27	-0,36	0,35
ОРО Авторитарная гиперсоциализация	0,04	0,18	0,30	-0,31	0,75
ОРО «Маленький неудачник»	-0,20	0,08	-0,11	0,48	0,45
ДР Рефлексивность	0,80	0,08	0,01	-0,12	-0,08
НЛ на себя	-0,53	-0,40	0,27	0,09	-0,15
НЛ на коллектив	0,79	0,08	-0,02	-0,01	-0,23
НЛ на задачу	-0,45	0,34	-0,27	-0,10	0,46
Кс Взаимосвязь	0,60	0,36	-0,03	0,07	0,35
Кс Активность	0,76	0,17	0,09	0,07	-0,24
Кс Рефлексивность	0,66	0,45	-0,05	0,04	0,41
ФТ Отношение к матери	0,36	0,47	0,15	-0,47	0,02
ФТ Отношение к отцу	0,29	0,78	-0,01	-0,08	0,00
ФТ Отношение к родителям как к чете	0,24	0,81	0,06	0,04	0,09
ФТ Отношение к сибсам	-0,20	0,55	0,05	0,19	0,21
ФТ Отношение к бабушке/дедушке	-0,03	0,81	0,12	0,21	0,20
ФТ Отношение к другу	0,07	0,59	0,31	0,01	0,01
ФТ Отношение к значимому взрослому	0,50	0,47	0,16	-0,04	0,03
ФТ Любознательность	0,52	-0,11	0,15	-0,49	-0,11
ФТ Доминирование	0,08	-0,58	-0,11	-0,22	-0,01
ФТ Общительность	0,55	0,21	-0,12	-0,27	-0,12
ФТ Конфликтность	0,22	-0,62	0,09	0,19	-0,15
ФТ Социальная адекватность	0,87	0,05	0,06	-0,01	-0,07
ФТ Стремление к уединению	0,02	-0,05	0,08	0,02	-0,02
КРС Благоприятная семейная ситуация	0,73	0,53	0,07	0,04	-0,07
КРС Тревожность	-0,42	-0,69	0,01	-0,08	-0,17
КРС Конфликтность в семье	-0,44	-0,75	0,11	-0,06	-0,18
КРС Чувство неполноценности	-0,48	-0,58	0,23	0,16	0,03
КРС Враждебность в семейной ситуации	-0,49	-0,67	0,12	0,20	-0,15

Примечание. Граничное значение корреляции переменной с собственным значением фактора для $n = 106 – r = |0,20|$.

Далее изучались взаимосвязи индивидуальных факторных оценок выявленных факторов и характеристик языковой компетенции. Наиболее ярко выражены положительные связи индивидуальных оценок по фактору «Коллективный субъект “родитель – ребенок” на фоне потворствующей гиперпротекции» с итоговой оценкой по Гт и характеристиками языковой компетенции в сферах: морфологии (субтесты МЧ, СО, СП), понимания значения предложений (субтесты КС, КП) и слов (субтест НС), интерактивного значения предложений (субтест ВНИ) и оперирования целостным текстом (субтест ЗР). Во всех случаях — $p \leq 0{,}001$. Таким образом, сформированность детско-родительской общности по типу коллективного субъекта в сочетании со стилем воспитания ребенка «потворствующая гиперпротекция» положительно обуславливает развитие у ребенка сфер, главным образом, речелингвистической компетенции (грамматика, морфология, понимание значений предложений и слов, оперирование целостным текстом).

Наконец, изучалось опосредующее влияние отношений внутри детско-родительской общности по типу коллективного субъекта на взаимосвязь данных РА и Гт. Был сделан ряд допущений. Результаты позволяют считать, что при изучении социокультурной обусловленности языковой компетенции старшего дошкольника необходимо учитывать выраженность в структуре отношений в рамках детско-родительской общности фактора «Коллективный субъект “родитель – ребенок” на фоне потворствующей гиперпротекции». Через призму этого малого социума и целесообразно рассматривать связь языковой компетенции ребенка с многообразием биосоциокультурных условий его развития. В соответствии с этим допущением, вычислялись простые корреляции между характеристиками РА и характеристиками языковой компетенции, но, параллельно подсчитывались частные корреляции r_{xy-z} между теми же характеристиками при устранении вариации связанного фактора «Коллективный субъект “родитель – ребенок” на фоне потворствующей гиперпротекции». Далее сравнивались корреляционные паттерны и уровни значимости, полученные при вычислении этих двух видов корреляций. Предполагалось, что если различий в паттернах не будет обнаружено, это означает, что различные биосоциокультурные условия развития ребенка вносят определенный вклад в вариативность его оценок языковой компетенции без существенного опосредования со стороны субъектных особенностей взаимодействия ребенка и родителя. Если же паттерны будут значительно изменяться, это означает, что субъектные характеристики детско-родительских отношений вносят существенный вклад в опосредование биосоциокультурных условий становления языковой компетенции детей. Несомненно, можно получить значительное кол-во взаимосвязей характеристик языковой компетенции с факторами биологического, физиологического, психического и социального развития ребенка. Однако без выявления управляющих этими взаимосвязями характеристик нельзя рассчитывать на адекватное построение коррекционно-профилактической работы с детьми. Если в качестве опосредующих эти влияния предположить особенности детско-родительских отношений по типу коллективного субъекта, и доказать результативность этого опосредования для становления языковой компетенции ребенка, то будут получены экспериментально подкрепленные основания для психологической работы с детско-родительской общностью с целью построения эффективной для становления языковой компетенции старшего дошкольника социокультурной ситуации его развития. Поэтому далее рассматриваются только существенные различия в паттернах взаимосвязей между данными РА и Гт, полученные при вычислении обычных и частных корреляций.

Биологические и физиологические особенности развития ребенка. При подсчете простых корреляций обнаруживается связь пола с итоговой оценкой по Гт ($p \leq 0{,}005$) и субтестами МЧ, СО, КС (во всех случаях $p \leq 0{,}001$), ВН ($p \leq 0{,}005$) и ЗР ($p \leq 0{,}01$). Девочки имеют результаты выше, чем мальчики. При устранении опосредующего влияния фактора все указанные связи становятся незначимыми, но значимыми становятся отрицательные связи с субтестами НС ($p \leq 0{,}05$) и ВНИ ($p \leq 0{,}05$). То есть в рамках детско-родительской общности, формируемой по типу коллективного субъекта, матерью создаются благоприятные условия для развития у девочек языковой компетенции. Обнаружено, что сроки, когда ребенок начал ходить, отрицательно статистически значимо

связаны с итоговой оценкой по Гт ($p \leq 0{,}01$) и оценками по субтестам СП ($p \leq 0{,}005$), НС и ЗР (в обоих случаях $p \leq 0{,}05$), но в случае подсчета частной корреляции. При вычислении простых корреляций эти связи становятся незначимыми. Можно считать, что выстраивая взаимоотношения с ребенком по типу коллективного субъекта, мать тем самым преодолевает влияние связи, вероятно, биологического порядка, лучшего качества речи ребенка при раннем моторном развитии. Тем самым дети, которые отставали в моторном развитии в раннем онтогенезе, на момент тестирования могут и не иметь низких оценок языковой компетенции.

Социоэкономический статус семьи. При простых корреляциях обнаружены отрицательные связи возраста матери с результатами выполнения ребенком морфологических субтестов (МЧ, $p \leq 0{,}01$; СО, СП, в обоих случаях $p \leq 0{,}05$), субтеста на понимание значения слов (НС, $p \leq 0{,}05$), субтестов ВН ($p \leq 0{,}005$) и ЗР ($p \leq 0{,}05$). При вычислении частных корреляций все отрицательные связи становятся незначимыми. При подсчете частных корреляций обнаружена положительная связь образовательного статуса матери и результатов выполнения ребенком Гт в общем и субтестов КП, ВН, КИ, ВНИ, ЗР (во всех случаях $p \leq 0{,}001$), КС, НС (в обоих случаях $p \leq 0{,}005$) — в частности. При подсчете простых корреляций значимыми остаются связи образовательного статуса матери с оценками ребенка по субтестам КП ($p \leq 0{,}05$), ВНИ, КИ (в обоих случаях $p \leq 0{,}001$). Можно полагать, что именно молодым матерям легче совместно с ребенком создавать детско-родительскую общность по типу коллективного субъекта, что компенсирует возможный недостаток опыта молодой матери по созданию положительно влияющих на становление языковой компетенции ребенка ситуаций общения с ним. При этом роль образовательного статуса матери в языковом воспитании ребенка уменьшается. Поскольку супружеская пара, как правило, примерно одного возраста и имеет сходный образовательный статус, аналогичная по смыслу компенсация наблюдается и для связи возраста и уровня образования отца с оценками языковой компетенции ребенка. При подсчете частных корреляций обнаружена, главным образом, положительная связь возраста отца с итоговой оценкой ребенка по ГТ ($p \leq 0{,}01$) и оценками по субтестам МЧ ($p \leq 0{,}01$), НС, ЗР (в обоих случаях $p \leq 0{,}05$) и КлП ($p \leq 0{,}001$). То есть чем старше отец, тем лучше у его ребенка, в основном, способности к пониманию значений слов и оперированию целостным текстом. При подсчете простых корреляций значимыми оказываются лишь связи возраста отца с оценками ребенка по субтестам КлП, и становится значимой связь с субтестом КИ (в обоих случаях $p \leq 0{,}05$). При подсчете частных корреляций наблюдаются прямые связи образовательного статуса отца с результатами ребенка по итоговой оценке и субтестам КП, НС (в обоих случаях $p \leq 0{,}001$), ЗР ($p \leq 0{,}01$) и сфере речепрагматической компетенции (ВН, КИ, в обоих случаях $p \leq 0{,}05$; ВНИ, $p \leq 0{,}001$). При вычислении простых корреляций значимыми остаются связи уровня образования отца с оценками по субтестам КП ($p \leq 0{,}001$), ВНИ ($p \leq 0{,}005$) и КИ ($p \leq 0{,}01$), и возникают отрицательные связи с субтестами МЧ ($p \leq 0{,}001$) и СО ($p \leq 0{,}05$). При устранении посредством частной корреляции опосредующего влияния указанного фактора наблюдаются лишь одна положительная корреляция признака «мать-домохозяйка» с результатами выполнения детьми субтеста ВНИ ($p \leq 0{,}01$). При подсчете простых корреляций кол-во положительных связей данного признака с оценками ребенка по Гт возрастает: наблюдаются связи с итоговой оценкой по Гт и субтестами СП, КП, НС (во всех случаях $p \leq 0{,}05$) и ВНИ ($p \leq 0{,}005$). То есть матери-домохозяйки, в силу наличия свободного времени для занятий с ребенком, в большей мере, чем работающие матери, имеют возможности для создания детско-родительской общности по типу коллективного субъекта, что положительно сказывается на становлении языковой компетенции ребенка.

Особенности речеязыковой среды, создаваемой родителями. При вычислении частных корреляций наблюдаются слабые, но статистические значимые корреляции признака «кол-во книг в доме» и оценок ребенка по субтестам ИС, СО, СП и НС (во всех случаях $p \leq 0{,}05$). При вычислении простых корреляций, за исключением связи с оценками по субтесту ИС, все они становятся незначимыми. Можно указать на тенденцию: при усилиях матери по созданию отношений в рамках детско-родительской общности по типу коллективного субъекта, важными для становления языковой компетенции ребенка

становятся не объективные, а субъективные показатели обогащенной речевой среды — качество контактов с ребенком, а не количество книг в доме. При подсчете частных корреляций обнаружена связь между временем, которое уделяет для общения с ребенком мать в среднем в день, и оценками ребенка по Гт в общем и субтестам НС, ВНИ, КИ (во всех случаях $p \leq 0{,}005$) и ЗР ($p \leq 0{,}01$). При вычислении простых корреляций значимыми остаются только связи с оценками речепрагматической компетенции (ВНИ, $p \leq 0{,}01$; КИ, $p \leq 0{,}005$). То есть при включении в качестве опосредующего связь данного признака из РА и оценок по Гт фактора «Коллективный субъект “родитель – ребенок” на фоне потворствующей гиперпротекции» значение кол-ва времени, проведенного матерью с ребенком в среднем в день, для качества языковой компетенции ребенка снижается. При подсчете частных корреляций не обнаружено связей между временем, которое уделяет для общения с ребенком отец в среднем в день, и оценками ребенка по Гт, однако при вычислении простых корреляций значимым становится ряд отрицательных корреляций данного признака РА и оценок ребенка по субтестам МЧ, СП и НС (во всех случаях $p \leq 0{,}01$). Эти связи интерпретируемы на фоне другого результата: при подсчете простых корреляций обнаружены отрицательные связи признака РА «Кто из родителей общается с ребенком больше всего времени» с итоговой оценкой по Гт и субтестам КС, ЗР (в обоих случаях $p \leq 0{,}05$), СО и СП (в обоих случаях $p \leq 0{,}001$). То есть оценки выше в случае, если с ребенком больше времени общается мать, чем оба родителя. Итак, за счет того, что мать стремится к созданию субъект-субъектных отношений с ребенком, она склонна уделять общению с ним больше времени, что выражается в связи характеристик языковой компетенции старшего дошкольника не с абсолютными, а относительными оценками удельного веса ежедневного общения матери с ребенком. Видимо, это в силу разных причин приводит к минимизации времени общения отца с ребенком.

«Конфигурация семьи». При подсчете частных корреляций обнаружена корреляция признака «количество дополнительных взрослых, проживающих в семье» с оценками ребенка по субтесту НС ($p \leq 0{,}001$); при вычислении простых корреляций количество связей резко вырастает — возникают связи с итоговой оценкой по Гт ($p \leq 0{,}001$), с субтестами: из сферы морфологии (МЧ, $p \leq 0{,}001$; СО, $p \leq 0{,}01$; СП, $p \leq 0{,}05$), НС ($p \leq 0{,}001$), ВН ($p \leq 0{,}005$) и ЗР ($p \leq 0{,}01$). Можно утверждать, что не столько сам факт проживания в семье дополнительных взрослых (как правило, — бабушек и дедушек) создает условия для расширения круга общения ребенка, сколько стремление матери к созданию субъект-субъектных отношений с ребенком приводит к возрастанию роли ресурса дополнительных взрослых в семье в обогащении речеязыковой среды в доме. Это позитивно сказывается на развитии языковой компетенции ребенка.

История речеязыкового развития ребенка. Значимым доказательством опосредующей роли отношений внутри детско-родительской общности по типу коллективного субъекта на связь активности ребенка в раннем возрасте с уровнем его языковой компетенции является следующий факт. При вычислении простых корреляций оценок по Гт с субъективной оценкой матери речевой активности ребенка до 3-х лет наблюдаются отрицательные связи с итоговой оценкой по Гт и субтестами СО, ВН (во всех случаях $p \leq 0{,}05$) и МЧ ($p \leq 0{,}001$); при подсчете частных корреляций все они становятся незначимыми. Таким образом, создание матерью коллективного субъекта с ребенком при использовании стиля воспитания «потворствующая гиперпротекция» позволяет трансформировать относительно низкий уровень речевой активности ребенка в раннем возрасте в условие, как ни парадоксально, высокого уровня языковой компетенции в старшем дошкольном возрасте.

Социокультурные условия развития ребенка. При вычислении частных корреляций обнаружена прямая связь субтеста КП с возрастом, когда ребенок начал посещать детский сад ($p \leq 0{,}05$). При подсчете простых корреляций количество прямых связей резко возрастает: наблюдаются связи с итоговой оценкой по Гт ($p \leq 0{,}01$) и с субтестами МЧ, КП (в обоих случаях $p \leq 0{,}01$), СП ($p \leq 0{,}05$), ВН ($p \leq 0{,}005$). Если ребенок испытывал сложности в адаптации к условиям детского сада, то в старшем дошкольном возрасте у него наблюдается высокий уровень языковой компетенции (итоговая оценка по Гт), и, в частности, высокие оценки по субтестам СО, СП, КП, ВН, ЗР (во всех случаях

$p \leq 0{,}001$), КС ($p \leq 0{,}005$), МЧ, НС и ВНИ (во всех случаях $p \leq 0{,}05$). Эффект становится на порядок ниже в случае контроля вариативности фактора «Коллективный субъект “родитель – ребенок” на фоне потворствующей гиперпротекции»: значимыми остаются лишь связи с субтестами СО, СП, КП (во всех случаях $p \leq 0{,}05$) и ВН ($p \leq 0{,}005$). Можно утверждать, что относительный недостаток качества и количества общения со сверстниками и значимыми взрослыми, дети, которые в силу разных причин начали посещать детский сад позднее, компенсировали в общении с матерями, стремящимися к построению субъект-субъектных отношений с детьми. Такие матери внимательно отнеслись к трудностям, которые их дети испытывали при адаптации к условиям детского сада. Это получило отражение в относительно высоких оценках языковой компетенции детей в старшем дошкольном возрасте.

Особенности субъектной активности ребенка в сфере общения и овладения речью и языком. Если ребенок проявляет интерес к чтению, то этому факту сопутствует высокий уровень языковой компетенции, в общем (итоговая оценка по Гт, $p \leq 0{,}005$) и отражающийся в результатах выполнения субтестов СО, СП, ВН, ЗР (во всех случаях $p \leq 0{,}001$), МЧ ($p \leq 0{,}005$), КП ($p \leq 0{,}05$). Однако при устранении вариативности фактора «Коллективный субъект “родитель–ребенок” на фоне потворствующей гиперпротекции» из этих связей, они, за исключением связей с субтестами СО ($p \leq 0{,}001$) и СП ($p \leq 0{,}01$), становятся незначимыми. При подсчете частных корреляций получено, что если мать является инициатором чтения книг во время совместного с ребенком досуга, то ребенок демонстрирует высокие результаты выполнения субтестов КС ($p \leq 0{,}001$), КлП и КИ (в обоих случаях $p \leq 0{,}05$). При включении результативного для становления языковой компетенции ребенка фактора детско-родительских отношений в связи оценок по Гт и данного признака из РА становится незначимой связь с субтестом КС, и даже появляются отрицательные значимые связи с субтестами СО ($p \leq 0{,}01$), СП ($p \leq 0{,}005$) и НС ($p \leq 0{,}05$). Это указывает на то, что при стремлении к созданию коллективного субъекта с ребенком мать стремится использовать воспитательные ресурсы этого образования для сохранения у ребенка интереса к чтению, передачи инициативы в чтении ребенку, что позитивно сказывается на становлении его языковой компетенции. Установлено, что, если ребенок испытывает тревожность в общении с незнакомыми людьми, то он имеет более высокие оценки по Гт в общем и субтестам МЧ ($p \leq 0{,}01$), СП и КП (в обоих случаях $p \leq 0{,}05$). При частных корреляциях эти связи становятся незначимыми. Учитывая аналогичный характер связей характеристик языковой компетенции с особенностями адаптации к детскому саду, обнаруженный факт является выражением повышенной заботы матери к речевым возможностям ребенка, который сталкивается с новыми ситуациями, вступает во взаимодействие с незнакомыми взрослыми и детьми. При подсчете частных корреляций обнаружено, что ребенок имел бы высокие оценки по Гт в целом и субтестам КлП (в обоих случаях $p \leq 0{,}05$), НС и КИ (в обоих случаях $p \leq 0{,}001$), если бы он предпочитал общаться с обоими родителями, а не только с матерью. При учете опосредующей роли фактора «Коллективный субъект “родитель – ребенок” на фоне потворствующей гиперпротекции» связи с итоговой оценкой и субтестом НС становятся незначимыми; значимыми становятся отрицательные простые корреляции с субтестами из сферы морфологии (МЧ, $p \leq 0{,}005$; СО, СП, в обоих случаях $p \leq 0{,}001$), субтестами ВН ($p \leq 0{,}05$) и ЗР ($p \leq 0{,}01$). То есть активность матери в области создания совместно с ребенком субъект-субъектных отношений приводит к тому, что хороший уровень языковой компетенции начинает связываться именно с желанием ребенка общаться с матерью. Этот факт отчасти подтверждается характером связей предпочтений ребенка одного из родителей и результатами выполнения им Гт: по сравнению с паттерном частных корреляций в паттерне простых корреляций, помимо связей с итоговой оценкой по Гт и субтестами КС, КлП (везде $p \leq 0{,}001$), МЧ ($p \leq 0{,}005$), ИС ($p \leq 0{,}01$), ВН и КИ (в обоих случаях $p \leq 0{,}05$), значимыми оказываются связи с субтестами СП, КП, ЗР (во всех случаях $p \leq 0{,}05$) и НС ($p \leq 0{,}01$).

Выводы

1. Сформированность детско-родительской общности по типу коллективного субъекта в семьях, воспитывающих старших дошкольников, характеризуется взаимосвязанностью/взаимозависимостью матери и

ребенка, рефлексивным отношением матери к индивидуальной и совместной с ребенком жизнедеятельности в сочетании со стремлением матери к расширению интенсивности и сфер детско-родительской активности. Такому коллективному субъекту присущ тип родительского отношения «потворствующая гиперпротекция». Ребенок воспринимает семейную ситуацию положительно, он социально адекватен во взаимоотношениях с окружающими, любознателен и общителен.

2. Сформированность детско-родительской общности по типу коллективного субъекта положительно обуславливает развитие сфер речелингвистической компетенции.

3. Опосредующая роль коллективного субъекта «родитель – ребенок» в обусловленности становления языковой компетенции старшего дошкольника различными биосоциокультурными факторами выражается в том, что высокому уровню языковой компетенции ребенка сопутствует:

– использование матерью ресурсов биологического развития ребенка (ребенок — девочка) для целей актуального становления языковой компетенции;
– повышенное внимание матери к ребенку с относительно поздним моторным развитием в раннем онтогенезе с целью компенсации возможных негативных последствий для становления языковой компетенции в старшем дошкольном возрасте;
– компенсация линейного вклада образовательного статуса супружеской пары в уровень языковой компетенции ребенка;
– компенсация недостатка опыта молодых супругов по созданию положительно обуславливающих становление языковой компетенции ребенка ситуаций общения с ним;
– использование матерью свободного времени (мать — домохозяйка) для улучшения языковой компетенции ребенка;
– стремление матери к оптимизации ресурса проживания дополнительных значимых взрослых (родственников) в семье с целью обогащения языковой среды в доме, положительно сказывающейся на языковой компетенции ребенка;
– компенсация относительно обедненной объективной языковой среды ребенка усилиями матери по созданию субъектных условий для улучшения языковой компетенции, например, в виде поддержания у него интереса к чтению и субъектной инициативы к ситуациям чтения;
– улучшение качества субъект-субъектных взаимоотношений при относительном увеличении количества времени, проводимого матерью с ребенком (по сравнению с отцом), в сочетании с возрастающим желанием самого ребенка проводить сравнительно больше времени с матерью, чем с отцом, что приводит к повышению уровня языковой компетенции ребенка;
– компенсация роли относительно позднего начала посещения ребенком детского сада в развитии языковой компетенции; внимательное отношение к трудностям ребенка при адаптации к детскому саду и столкновении с ситуациями взаимодействия с незнакомыми людьми с целью улучшения его языковой компетенции;
– повышенное внимание матери к сравнительно низкому уровню речевой активности ребенка в раннем онтогенезе, приводящее к улучшению его языковой компетенции в старшем дошкольном возрасте.

Заключение

Таким образом, в период, когда ребенок входит в старший дошкольный возраст, важнейшей составляющей модели социокультурной обусловленности языковой компетенции становится детско-родительская общность, функционирующая как коллективный субъект на фоне стиля родительского воспитания «потворствующая гиперпротекция». Коллективный субъект «родитель – ребенок» выступает в качестве системообразующего условия создания оптимальной для становления языковой компетенции ребенка социокультурной ситуации его развития. При этом совместная, обусловленная рефлексивной позицией матери, активность субъектов, составляющих коллективный субъект «мать – ребенок», приводит к оптимизации социокультурных условий жизни семьи для решения задач адекватного становления языковой компетенции ребенка, компенсации влияния одних факторов и усилению позитивной роли других факторов в этом процессе. Результаты исследования могут помочь психологам, воспитателям и педагогам в организации и проведении коррекционно-профилактической работы по формированию оптимальной для становления языковой компетенции ребенка социокультурной ситуации его развития.

Литература

1 **Бернс Р., Кауфман С.** Кинетический рисунок семьи. М.: Смысл, 2003.
2 **Божович Е. Д.** Учителю о языковой компетенции школьников. Психолого-педагогические аспекты языкового образования. М.: Изд-во МПСИ, Воронеж: НПО «Модэк», 2002.
3 **Варга А. Я., Столин В. В.** Тест-опросник родительского отношения // Практикум по психодиагностике. М.: Изд-во Моск. ун-та, 1988. С. 107–113.
4 **Гильяшева И. П., Игнатьева Н. Д.** Методика исследования межличностных отношений ребенка: метод. пособие. М: Фолиум, 1994. Вып. 7.
5 **Журавлев А. Л.** Психология коллективного субъекта // Психология индивидуального и группового субъекта / под ред. А. В. Брушлинского, М. И. Воловиковой. М.: ПЕР СЭ, 2002. С. 51–81.
6 **Карпов А. В.** Рефлексивность как психическое свойство и методика ее диагностики // Психологический журнал. 2003. Т. 24. № 5. С. 45–57.
7 **Михайлова Н. Б.** Адаптированный вариант Гейдельбергского теста речевого развития детей // Психологический журнал. 1990. Т. 11. № 6. С. 105–112.
8 **Осницкий А. К.** Психология самостоятельности: Методы диагностики и исследования. М.; Нальчик: Изд. дом «Эль-Фа», 1996.
9 **Чернов Д. Н.** К проблеме социокультурной обусловленности речевого развития // Системная психология и социология. М.: МГПУ, 2012. № 5 (1). С. 77–84.
10 **Чернов Д. Н.** Проблема диагностики коллективного субъекта «родитель – ребенок» // В мире научных открытий. Сер. «Проблемы науки и образования». Красноярск: Научно-инновационный центр, 2011. № 9.5. С. 1543–1549.
11 **Чернов Д. Н.** Психолого-антропологический подход к анализу социокультурной ситуации развития ребенка // Психология обучения. 2011. № 10. С. 4–19.
12 **Эйдемиллер Ю. Г., Юстицкис В. В.** Психология и психотерапия семьи. СПб.: Питер, 2000.

ОБЩЕПСИХОЛОГИЧЕСКИЕ ОСНОВАНИЯ СИСТЕМНОГО ПОДХОДА К ЗДОРОВЬЮ ЛИЧНОСТИ

Чеснокова М. Г.
МГУ им. М. В. Ломоносова, Москва

В статье рассматриваются возможности использования общепсихологических знаний при построении модели психологического исследования здоровья личности. Обосновывается понимание здоровья человека как высшей психической функции. Выделяются уровни регуляции взаимодействия индивида с внешним миром. Выдвигается гипотеза о связи психосоматических заболеваний с нарушениями механизма психической регуляции поведения на основе образа.
Ключевые слова: психология здоровья, высшая психическая функция, психическая регуляция, социальная физиология, личность.

GENERAL PSYCHOLOGICAL FOUNDATIONS OF SYSTEMS APPROACH TO THE PERSONALITY HEALTH

Chesnokova M. G.
Lomonosov Moscow State University, Moscow

In this article the possibilities of using the general psychological knowledge for making the model of the psychological investigation of health of the personality are considered. The understanding of health of a person as a higher mental function is stated. The levels of regulation of the interaction between a person and the world around are marked out. The author puts forward a hypothesis about the connection of psychosomatic disorders with the dysfunction of the mechanism of psychical image-based regulation of behavior.
Key words: psychology of health, a higher mental function, psychical regulation, social physiology, the personality.

Введение

Психология здоровья — молодая, но весьма активно развивающаяся отрасль психологии. Будучи прикладной дисциплиной, она опирается на практику (общественную и психологическую), которая определяет круг ее актуальных задач. Многие из этих задач требуют теоретического осмысления. К определению теоретико-методологических оснований новой области психологического знания психологи подходят по-разному. Один путь состоит в разработке проблематики здоровья на базе конкретного психологического направления с использованием его теоретического и концептуального аппарата. В такой форме психология здоровья весьма успешно развивается, начиная с 60-х годов прошлого века. Наибольший вклад в становление и развитие психологии здоровья внесли и вносят такие направления, как гуманистическая и экзистенциальная психология, бихевиоральная психология, гештальтпсихология, трансперсональная психология, христианская психология. В отечественной науке проблемами психического здоровья на базе гуманитарной парадигмы занимаются Б. С. Братусь, Ф. Е. Василюк, В. Я. Дорфман, Е. Р. Калитеевская, Ю. М. Орлов, Д. А. Леонтьев и др.

1 Психология здоровья — развивающаяся область психологического знания

В последние десятилетия все более явно заявляет о себе другая тенденция, ориентированная на интеграцию научных знаний о здоровье человека как в самой психологии, так и за ее пределами. В рамках этого подхода психология здоровья выступает как междисциплинарная область научного знания, развивающаяся в тесной связи с другими науками и занимающая особое место в системе психологических дисциплин. Конституирование данной области научных исследований находит выражение в создании отделений «Психология здоровья» при психологических ассоциациях, выдвижении национальных программ по укреплению и поддержке здоровья населения, открытии специальных лабораторий и других подразделений, специализирующихся на изучении проблематики здоровья, написании учебников и учебных пособий по этой дисциплине, подготовке специалистов в данной

области. Между тем принципы интеграции разнородного знания на базе новой научной дисциплины остаются весьма туманными. Следствием этого является смешение основных понятий данной области: здоровье, психическое здоровье, психологические механизмы обеспечения здоровья человека. Четкое определение *предмета* исследований также отсутствует. Появившиеся в последнее время отечественные учебники по психологии здоровья не могут скрыть очевидную неразработанность этих вопросов. Так, в учебнике Г. С. Никифорова [11] здоровье/болезнь рассматриваются как результат взаимодействия биологического, психологического и социального факторов. При этом вопрос о соотношении этих факторов остается для него открытым. Более разработанным в теоретическом плане является учебное пособие О. С. Васильевой и Ф. Р. Филатова «Психология здоровья человека» [1]. В нем, в частности, предлагается «модель здоровой личности», строящаяся как интеграция трех основных социокультурных эталонов здоровья, закрепившихся в истории культуры (античный, адаптационный и антропоцентрический). Авторы рассматривают здоровье как системное качество личности, анализируя его в единстве структурных и динамических аспектов. При внешней холистичности данная модель обладает весьма существенным недостатком: в ней отсутствует исторический подход к анализу возникновения этого системного качества. Отступление от принципа историзма ведет к чисто эмпирическому определению структурных компонентов здоровой личности: уровень телесных ощущений и реакций, уровень образов и представлений, уровень самосознания и рефлексии, уровень межличностных отношений и социальных ролей, уровень социокультурной детерминации, уровень экзистенциальных и трансперсональных переживаний, уровень самоактуализации. Взаимодействие различных уровней, по мысли авторов, обеспечивается процессами саморегуляции, социальной адаптации и самореализации (динамический аспект). При этом структурные компоненты рассматриваются в отрыве от процессуальных (а не как конечный продукт этих процессов), а механизмы саморегуляции никак не соотносятся с уровнями функционирования личности. В результате модель утрачивает внутреннее единство, являющееся основным критерием здоровой личности. В ней также отсутствует принцип развития, обусловливающий необходимость перехода индивида на более высокий структурный уровень.

При знакомстве с названными учебниками обращает на себя внимание игнорирование авторами достижений отечественной общей психологии при решении теоретических проблем психологии здоровья человека. В учебнике Г. С. Никифорова при перечислении психологических дисциплин, непосредственно взаимодействующих с психологией здоровья, общая психология вообще не упоминается. Между тем использование достижений общей психологии в области психологии здоровья человека является более чем оправданным. В данной статье предлагается модель психологического исследования здоровья человека, опирающаяся на общепсихологические идеи Л. С. Выготского, А. Н. Леонтьева, С. Л. Рубинштейна, П. Я. Гальперина, В. А. Иванникова и философско-психологические идеи Э. В. Ильенкова.

2 Здоровье человека как высшая психическая функция

Прежде всего, авторы предлагают рассматривать здоровье современного культурного человека не просто как системное качество, а как *высшую психическую функцию* (ВПФ). Понятие высших психических функций Л. С. Выготский использовал достаточно широко, относя к последним все культурные формы поведения человека — от произвольной памяти и абстрактного мышления до письма и практической деятельности [4]. Здоровье человека (человека исторической эпохи), как уже было показано другими исследователями [1], также является разновидностью культурных форм поведения. Такое понимание предполагает, что здоровье (как и болезнь) является продуктом развития. Здоровье как высшая функция имеет социальную природу. Оно формируется в обществе и предполагает не только присвоение культурных норм и форм поведения, но также способность к творческому преобразованию и созданию новых более гармоничных (более человечных) форм. Существует объективная связь между развитием и совершенствованием общественных форм жизни и развитием здоровых творческих личностей как субъектов этого процесса. В развивающемся обществе здоровье перестает быть раз и навсегда заданным одинаковым для всех биологическим стандартом. Раз-

витие и усложнение структурной организации общества требует достижения новых более высоких уровней здоровья. Подобно тому, как внимание, память, мышление не обеспечивают существования человека в мире культуры, требуя развития высших психических функций, так и природное здоровье не способно обеспечить полноценное функционирование индивида в требующем высокой социальной активности современном обществе. Биологическое здоровье человека, как и все его природные способности, требует культурного развития, культурного оснащения. *Здоровье как высшая психическая функция есть деятельность, направленная на развитие социальными средствами своей человеческой (в том числе биологической) природы*.

Понимание здоровья как ВПФ является методологической альтернативой медицинскому подходу к здоровью, рассматривающему последнее как некий изначально данный индивиду биологический капитал, подлежащий сохранению и, по возможности, восстановлению, но не развитию и приращению. Медицина, редуцирующая человека до уровня биологического организма, заведомо ограничена в своих возможностях решения проблем человеческого здоровья. К тому же в большинстве случаев она не дает полного исцеления от болезни. В процессе лечения врач опирается на высшие психические функции больного, апеллируя к его пониманию, целеустремленности в желании выздороветь и воле к жизни. Однако непосредственным предметом и конечной целью всех его воздействий является восстановление физиологических механизмов регуляции организма в абстракции от социального и личностного контекстов жизненной ситуации больного. Формирование здоровья как высшей психической функции предполагает осознанное развитие индивида в направлении достижения все большего здоровья как духовного, так и физического. Как любил повторять Л. С. Выготский, цитируя Б. Спинозу, «то, к чему способно тело, до сих пор никто еще не определил» [2, с. 14]. С точки зрения представления о здоровье как ВПФ, любое психическое и психосоматическое заболевание имеет в своей основе дефект недоразвития личности (или может быть компенсировано на личностном уровне). Соответственно, психологическая коррекция этих заболеваний должна строиться как коррекция самого личностного развития. Исцеление от болезни предстает, таким образом, не как возвращение назад к состоянию *до* болезни (восстановительный подход, реализуемый в медицине), а как движение вперед к качественно новому состоянию, к себе Другому. Понимание здоровья как ВПФ полностью меняет весь психологический контекст процесса лечения. Болезнь лишается своего субстанционального значения. Пациент уже не борется с болезнью, он развивается; не восстанавливает старое, а формирует новое. В результате сам процесс «лечения» приобретает для него положительный смысл. Переход на более высокий уровень развития личности ведет к изменению индивидуальной концепции здоровья самого пациента. Представление о зависимости здоровья от внешних и внутренних условий, основанное на реактивном способе поведения индивида (концепция здоровья как биологического феномена), сменяется сознательным участием в организации этих условий в направлении укрепления и совершенствования собственного здоровья (концепция здоровья как ВПФ, произвольной и опосредованной собственной активностью). Таким образом, развитие человека как личности является необходимым условием формирования его здоровья как ВПФ. Учитывая сказанное, авторы полагают, что медицинская диагностика пациента в современном обществе с необходимостью должна быть дополнена психологической диагностикой его личности. При этом роль психолога заключается в том, чтобы помочь индивиду понять проблему здоровья как стоящую перед ним индивидуальную жизненную задачу.

3 Психика как основной механизм регуляции отношений человека с миром

В структуре бытия (в свернутом виде представленной и в индивиде) С. Л. Рубинштейн выделял три основных уровня: физико-химический, физиологический и психический [12]. Иерархия этих уровней отражает порядок их возникновения в эволюции. Каждому из этих уровней (как показали А. Н. Северцев [13] и П. Я. Гальперин [5]) соответствует определенный способ регуляции отношений со средой. Спецификой психического уровня является ориентировка и регуляция поведения в быстро меняющихся условиях на основе образа. Переход живых организмов к психической регуляции отношений с внешним миром позволил остановить морфологическую эволюцию. Изменение себя под наличные условия сме-

нилось изменением условий под себя посредством конкретных действий. Психический уровень в свою очередь не однороден. В нем можно выделить: уровень субъекта деятельности (свойственный и животным), уровень социального субъекта и уровень личности. Особенностью социального субъекта является осуществление деятельности на основе общезначимых образов (значений). Личность оперирует смысловыми образами. Можно предположить, что основные психические нарушения, возникающие у человека, связаны с изменением первоначальных (сложившихся в биологической эволюции) условий психической регуляции и последующим изменением роли психики в условиях социального образа жизни.

Одной из причин подобных изменений является существование в обществе жестких стандартов поведения для своих членов. В этих условиях существенно меняется функция психики. Это уже не ориентировка в ситуации и выстраивание конкретных действий, исходя из наличных условий, а обеспечение определенного социально желательного поведения (поведенческого стереотипа). Творческая (исследовательская) сторона психического аппарата регуляции остается при этом не востребована. Между тем, именно ориентировка и исследование, по мнению П. Я. Гальперина, составляют сущность психического. Роль психики в осуществлении поведения минимизируется. Поведение сводится до уровня условных рефлексов, т. е. по существу физиологического уровня регуляции. Субъективно это может переживаться как чувство дискомфорта, нарастающей фрустрации, поскольку общий потенциал психического уровня регуляции человеком не используется.

Существование в обществе жестких норм поведения не отменяет того, что условия жизни людей с течением времени меняются. Однако в условиях социального запрета на изменение поведения (осуществление полноценной психической регуляции) вступает в силу другой механизм адаптации, «снятый» в эволюции возникновением психики, — механизм изменения себя, своей морфологии. Крайним случаем проявления этого феномена являются биологические мутации. Приспособление к изменившимся условиям происходит у человека на телесном (физиологическом) уровне, минуя уровень психического отражения. Фактическое упразднение последнего объясняется тем, что само психическое отражение ситуации возможно лишь при условии осуществления активной исследовательской деятельности самого субъекта (А. Н. Леонтьев) [9, 10], а именно она в данных условиях оказывается блокирована. Сознание перестает адекватно отражать действительность. А регуляция поведения, в том числе в других, менее регламентированных сферах жизни, в силу неадекватности опосредующего образа также оказывается нарушена. Все это создает благоприятную почву для возникновения различных психосоматических заболеваний — психосоматических, поскольку одновременно страдают оба уровня индивидуальной регуляции: как уровень психического отражения, так и сложившиеся в эволюции физиологические механизмы регуляции.

Наряду со стереотипизацией поведения общество широко использует прямое табуирование определенных форм поведения. Вытеснение осуждаемых обществом представлений З. Фрейд объяснял диктатом цензуры Сверх-Я, контролирующего сферу индивидуального сознания. Теория деятельности, рассматривающая образ как «свернутое действие», позволяет по-новому взглянуть на механизм психологического вытеснения. Для невротиков характерно торможение не столько самого нежелательного поведения, сколько соответствующих ему образов. Как «свернутое действие» образ подчиняется тем же законам, что и внешнее поведение. Физиологический механизм того и другого составляет центральное торможение. Однако если торможение внешнего поведения (сдерживание) представляет собой одну из форм произвольной регуляции, то в случае невротического поведения мы сталкиваемся именно с нарушением произвольной регуляции поведения в условиях конфликта между внешним требованием и внутренним побуждением. Как считали А. Н. Леонтьев и С. Л. Рубинштейн, мотивационный конфликт является одной из основных причин, препятствующих осознанию человеком собственной мотивации. Сознаваемый мотив социальной желательности не обладает необходимой побудительной силой для осуществления соответствующего поведения. В подобных ситуациях, как показал В. А. Иванников [6], человек прибегает к формированию дополнительного побуждения. Но именно этот механизм и отсутствует в поведении невротика. Построение произвольной мотивации подменяется у него попыткой непосредственного тормо-

жения конкурирующих идеомоторных образов. Последнее требует постоянных усилий и больших нервно-энергетических затрат. Этим объясняется нервное истощение невротиков. Адекватная психическая регуляция поведения на основе мотивационно значимого образа (как субъективно желаемого, так и социально желательного) нарушается. При этом допсихический уровень регуляции, осуществляемый непосредственно самой средой (как внешней, так и внутренней), у невротиков сохраняется. Этим объясняются физиологические и поведенческие нарушения (реакции индивида, возникающие непроизвольно в обход сознания), образующие симптоматику неврозов.

Психическая регуляция, согласно деятельностному подходу, есть регуляция поведения на основе образа. Две формы психического отражения выделял П. Я. Гальперин [5]: образы внешней и образы внутренней среды. В европейской культуре исторически преимущественное значение придавалось регуляции внешнего поведения на основе внешних и внутренних образов (потребности, эмоциональные ощущения удовольствия/неудовольствия и т.п.). При этом навыки регуляции деятельности собственного организма на основе внутренних образов остаются у европейцев практически неразвитыми. Саморегуляция носит опосредованный (как показал Л. С. Выготский) и предметный характер. Она является компонентом внешней предметной деятельности и имеет целью организацию функций организма в направлении решения задач этой деятельности. Для сравнения в восточных культурах регуляция функционирования организма на основе образов внутренней среды обладает самостоятельной ценностью и существует как особая деятельность. Эта деятельность хорошо развита, например, в практике йогов. Уровень осознания образов внутренней среды у них развит значительно выше, чем у европейцев. В то время как представители восточных культур умело используют образы собственных физиологических состояний в качестве реальных регуляторов деятельности своего организма, европейцы склонны занимать в отношении своих самоощущений скорее страдательную, чем активную позицию.

4 Социальная физиология

Представлению о здоровье (болезни) как биологическом феномене противоречит тот факт, что физиология человека представляет собой социализированную физиологию. Важнейшие органы (например, мозг) окончательно складываются уже после рождения ребенка. Их формирование в значительной степени зависит от условий и образа жизни человека. Физиология включена и обслуживает те виды деятельности, которые он осуществляет. Характерные для человека виды деятельности формируют устойчивые «функциональные органы» — системы психофизиологических функций, составляющие физиологическую основу данной деятельности. Проблемы возникают тогда, когда сложившийся функциональный орган консервируется, препятствуя выполнению других видов деятельности. Этот факт лежит, в частности, в основе профессиональных заболеваний. Как указывал Э. В. Ильенков [7], биологическая природа человека максимально пластична. От рождения он не «предписан» ни к одному виду деятельности, но потенциально способен овладеть всеми. Узкая специализация противоречит биологической природе человека и потому становится причиной заболеваний. С другой стороны, возможна и другая ситуация, когда человек со сложившимися профессиональными навыками остается социально не востребованным. Наиболее яркий пример — «простой» у актеров, которые в отличие от писателей, художников, научных работников не могут играть «для себя» в надежде, что их труд будет когда-нибудь оценен. Вынужденный профессиональный «простой» ведет не только к глубоким нравственным переживаниям, но и провоцирует нервно-психические расстройства (депрессии, неврозы и т.п.). Ссылаясь на свой психотерапевтический опыт, А. Маслоу писал, что женщины, получившие высшее образование, но вынужденные вести образ жизни домохозяек, часто страдают подобными расстройствами. У социально не востребованных людей обостряются также соматические заболевания. Выпав из деятельности и лишившись своего центрального организующего начала, физиология человека впадает в дисфункцию. Предоставленная самой себе она возвращает человека в его исходное состояние неприспособленности. Но если для младенца подобная неприспособленность является отправной точкой роста и многообразия вариаций развития, то для взрослого — это есть состояние распада.

5 Здоровье человека — функция личности

Уровень социального субъекта является необходимым этапом, но никак не итогом индивидуального развития человека. Физический и духовный потенциал человека, овладевшего лучшими достижениями культуры, значительно превышает те условия и формы деятельности, которые в основной массе предоставляются ему современным обществом. Связанные этими условиями люди растрачивают свои биологические ресурсы, в то время как культурный потенциал их развития остается не реализованным. Уровень личности предполагает критическое отношение к устаревшим и антигуманным формам общественной жизни и перестройку их в интересах человека. С этой точки зрения, личность — это всегда индивидуальность, имеющая смелость подняться над «общим» мнением и при этом действующая в интересах большинства людей.

Однако «личностью не рождаются, личностью становятся», говорил А. Н. Леонтьев. Общество же может как способствовать, так и препятствовать этому. В современном обществе нередко можно столкнуться с ложными формами личности, создающими лишь видимость присутствия личности в человеке. Наиболее распространенными из них являются «маска» и псевдоиндивидуальность. В первом случае имеет место срастание человека с определенной социальной ролью: «начальник», «родитель», «пророк», «революционер» и т.п. «Маска» может быть чисто внешней (например, «легенда» у разведчиков) и скрывать глубокую социально зрелую личность, а может полностью подменять собой личность. В последнем случае перед нами уже не личность, а социальный адаптант. Псевдоиндивидуальность возникает тогда, когда в силу регламентации общественной жизни индивид не может проявить себя со всеми своими индивидуальными особенностями в общественнозначимых сферах деятельности и вынужден выражать свою индивидуальность «обходным путем» в разного рода странностях, причудах, экстравагантностях образа жизни и поведения. Такой индивид лелеет свою «особость», противопоставляя себя обществу и всем другим людям. Оба рассмотренных случая представляют собой примеры духовной болезни личности, возникающей на почве неразрешенной проблемы соотношения общего и индивидуального в человеке. Ясное самосознание подменяется здесь самомнением — субъективным представлением о себе, которое является тем более прочным, чем более нарушены живые связи человека с миром, другими людьми, чем менее он способен взглянуть на себя глазами другого.

Социализация и успешная социальная адаптация (уровень социального субъекта) еще не гарантируют индивиду душевного и физического здоровья. Как писал основоположник экзистенциализма С. Кьеркегор, остановка в развитии оборачивается для индивида страданиями скованного обычаями и самовлюбленной привычкой духа [8]. Решение двигаться дальше — «этический выбор» осуществляет сам человек. Таким образом, достигая уровня социального субъекта, человек получает возможность сам выбирать для себя дальнейший путь развития, а значит здоровье или болезнь. Овладение культурными средствами, как показал Л. С. Выготский [3], во многих случаях позволяет преодолеть дефекты биологии (слепота, глухота и т.д.) и «обходными» путями ввести дефективного ребенка в мир культуры, восстановив его связи с другими людьми и историей человечества в целом. Ребенок, культивирующий свой дефект и требующий к себе особого отношения, на всю жизнь остается «больным». Напротив, ребенок, преодолевший свой дефект с помощью «культурных костылей», оставаясь слепым или глухим, становится социально, психически и духовно здоровым. Он обретает здоровье как высшую психическую функцию.

Основная задача, стоящая перед человеком на уровне социального субъекта, состоит в сознательном соотнесении себя с другими людьми, своей деятельности с деятельностью общественной, своей индивидуальной жизни с историей всего человечества. «Действительная личность обнаруживает себя тогда и там, когда и где индивид в своих действиях и продукте своих действий вдруг производит результат, всех других индивидов волнующий, всех других касающийся, всем другим близкий и понятный, — короче, всеобщий результат» [7, с. 412]. Сила личности — это «сила исторически накопившейся энергии множества индивидов, сконцентрированная в ней». Неповторимость подлинной личности состоит в том, что «она лучше других и полнее других выражает «суть» всех других людей, своими делами раздвигая рамки наличных возможностей» [7, с. 413]. В этом и состоит объек-

тивно заданный самой общественной жизнью путь развития здоровой личности. Человек, совершивший подобный прорыв, не просто демонстрирует здоровое развитие «человеческого духа», он обретает «вторую жизнь». Он обретает бессмертие.

Заключение

Понятие высшей психической функции (ВПФ) является той объяснительной категорией, которая позволяет свести в единую систему различные аспекты здоровья человека, до сих пор рассматривавшиеся разрозненно: физическое здоровье, психическое здоровье, социальное здоровье. Биология человека не есть чистая биология. В условиях социума она оказывается многократно опосредована. Биология человека составляет материальный субстрат психической регуляции поведения, которая в свою очередь лежит в основе социальной деятельности и социальных отношений. Нарушение закономерностей вышележащих уровней ведет к дисфункции не только самих этих уровней, вызывая соответствующие заболевания (психический уровень — психические болезни, социальный уровень — духовные болезни личности), но и к определенным проблемам функционирования лежащего в их основе биологического субстрата. В настоящее время в психологии достаточно хорошо разработаны методики, относящиеся как к работе с психическим уровнем регуляции, регулирующей функцией образа: от простой визуализации до БОС-технологий (механизм обратной связи), так и с уровнем личности (тренинги личностного роста и т.п.). Однако эти направления исследований практически не пересекаются. Понимание здоровья как высшей психической функции позволяет объединить физиологическую, психическую, социальную и личностную проекции индивида в единую систему, каковой в действительности и является реальный индивид. Возникновение заболевания, как правило, имеет определенный эпицентр, связанный с нарушениями нормальной работы какого-то определенного уровня, а также вторичные «сдвиги» в функционировании других уровней, реагирующих по законам целостной системы. Предложенная модель анализа здоровья и болезней личности может быть полезна как при диагностике и коррекции различных заболеваний, так и в сфере воспитания и образования.

Литература

1 **Васильева О. С., Филатов Ф. Р.** Психология здоровья человека (эталоны, представления, установки): учеб. пособие. М.: Академия, 2001.
2 **Выготский Л. С.** Психология искусства. М.: Искусство, 1986.
3 **Выготский Л. С.** Собр. соч.: в 6 т. Т. 5. Основы дефектологии. М.: Педагогика, 1983.
4 **Выготский Л. С.** Собр. соч.: в 6 т. Т. 6. Орудие и знак в развитии ребенка. М.: Педагогика, 1984. С. 5–90.
5 **Гальперин П. Я.** Психология как объективная наука. М.; Воронеж: Институт практической психологии, 1998.
6 **Иванников В. А.** Психологические механизмы волевой регуляции. М.: изд-во МГУ, 1991.
7 **Ильенков Э. В.** Философия и культура. М.: Политиздат, 1991.
8 **Кьеркегор С.** Наслаждение и долг. Киев: AirLand, 1994.
9 **Леонтьев А. Н.** Деятельность. Сознание. Личность. М.: Политиздат, 1975.
10 **Леонтьев А. Н.** Проблемы развития психики. М.: Изд-во МГУ, 1981.
11 **Никифоров Г. С**. Психология здоровья: учеб. пособие. СПб.: Питер, 2006.
12 **Рубинштейн С. Л**. Бытие и сознание. М.: Изд-во АН СССР, 1957.
13 **Северцев А. Н.** Эволюция и психика // Психологический журнал. 1982. № 4. С. 149–159.

ВЛИЯНИЕ ЛЕВОРУКОСТИ НА ТВОРЧЕСКОЕ МЫШЛЕНИЕ УЧАЩИХСЯ С НАРУШЕННЫМ СЛУХОМ

Речицкая Е. Г.
МПГУ, Москва

Шарова С. С.
СКОШ №1406 «Центр на Павелецкой», Москва

В статье изложены результаты исследования уровня творческого мышления у праворуких и леворуких старшеклассников с сохранным слухом, неслышащих и слабослышащих. Показана корреляция между уровнем творческого мышления и леворукостью.
Ключевые слова: леворукий, праворукий, амбидекстр, слабослышащий, неслышащий, сохранный слух, творческое мышление, вербальная креативность, творчество.

THE INFLUENCE OF LEFT-HANDEDNESS ON CREATIVE THINKING IN DEAF AND HARD-OF-HEARING CHILDREN

Rechitskaya E. G.
MPGU, Moscow

Sharova S. S.
SCS №1406. The center at Paveleckaya, Moscow

The current article presents the results of research of creative thinking in left-handed and right-handed deaf and hard-of-hearing children; correlation between creative thinking and lefthandedness is shown.
Key words: left-handed, right-handed, deaf, hard-of-hearing, normal hear, creative thinking, verbal creativity.

Введение

В современной психологической литературе содержится большое количество исследований творческого мышления леворуких людей [1, 2, 4, 6, 8, 9]. Так, например, многими авторами у леворуких людей отмечаются более высокие способности к творчеству (Т. А. Доброхотова, Н. Н. Брагина, В. П. Леутин, Е. И. Николаева и др.), более высокое качество выполнения ими интеллектуальной деятельности (Е. В. Будыка, И. В. Ефимова) по сравнению с их праворукими сверстниками. Также существует большое количество литературы, посвященной изучению особенностей развития творческого мышления у лиц с нарушенным слухом [4]. Так, в исследованиях М. М. Нудельмана, Т. В. Розановой была показана возможность достижения среднестатистического уровня творческого мышления к подростковому возрасту. Исследования Е. Г. Речицкой и Е. А. Сошиной показали, что в условиях специально организованной работы уже в начальной школе можно достичь высоких показателей творческого мышления.

Вместе с тем, сочетанное действие леворукости и нарушенного слуха и влияние леворукости на развитие творческого мышления слабослышащих и неслышащих старшеклассников в современной психологической литературе практически не освещается. При этом по данным многолетних наблюдений авторов [9] количество леворуких с нарушенным слухом составляет в среднем 10% от общей выборки. Вместе с тем, несмотря на значимость обсуждаемой проблемы, количество специальных исследований у этого контингента испытуемых весьма ограничено. Учитывая это, целью настоящего эмпирического исследования стало выявление сочетанного действия леворукости и нарушенного слуха на развитие творческого мышления учащихся.

1 Объем и методы исследования

Эмпирическое исследование вербальных и невербальных показателей творческого мышления учащихся старших классов с нарушенным слухом было проведено в 2002–2012 гг. на базе СКОШ № 1406 «Центр на Павелецкой» г. Москвы, специальной (коррекционной)

школы II вида республики Марий-Эл. В экспериментальную группу вошли 378 человек: 194 неслышащих и 184 слабослышащих учащихся в возрасте от 15 до 21 года. У учащихся с нарушенным слухом есть пролонгированность процесса обучения в начальной школе в связи с нарушением слуха, поэтому школу они оканчивают обычно в 18–20 лет. Контрольную группу составили 136 учащихся: старшеклассники общеобразовательной школы № 996 города Москвы, студенты 1 курса МАИ, 1–2 курса Медицинского училища.

Для исследования невербальных показателей творческого мышления использовался субтест Е. Торренса «Неполные фигуры» в модификации Е. А. Сошиной и Е. Г. Речицкой [4]. Тест диагностирует уровень развития творческого мышления учащихся. Художественное мастерство в тесте не оценивается, важно то, что хотел изобразить обучающийся. Оценивается также название каждого рисунка: абстрактное, конкретное. При обработке данных результаты переводились в баллы: «низкий уровень» — 0, «средний (норма)» — 2, «высокий» — 4 балла. Далее использовалось среднее арифметическое по каждой выборке. При обработке данных применялись методы математической статистики: параметрический метод оценки достоверности по t-критерию Стьюдента для независимых выборок, коэффициент корреляции Пирсона; непараметрический критерий независимости X^2.

Для исследования уровня вербальной креативности использовался тест Е. Торренса, модифицированный Е. Г. Речицкой и Е. А. Сошиной [4]. При обработке данных результаты переводились в балы: «очень низкий» — 0 баллов, «низкий уровень» — 1 балл, «ниже среднего» — 2 балла, «средний (норма)» — 3 балла, «выше среднего» — 4 балла, «высокий» — 5 баллов, «очень высокий» — 6 баллов. При обработке данных применялись методы математической статистики: параметрический метод оценки достоверности по t-критерию Стьюдента для независимых выборок, коэффициент корреляции Пирсона; непараметрический критерий независимости X^2.

Предварительно было проведено исследование учащихся на выявление ведущей руки с помощью теста М. Аннет. По результатам теста испытуемые были разделены на 3 группы: «леворукие», «праворукие», амбидекстры». При этом по параметру «ведущая рука» было выявлено 78% праворуких учащихся, 9% леворуких, 13% амбидекстров с нарушенным слухом. Среди нормально слышащих учащихся леворуких было всего 6%. Следует отметить, что в целом ряде исследований, проведенных на выборках людей с сохранным слухом, также отмечается такое количество леворуких — 6% [1, 6, 9]. Результаты предварительного обследования приведены в таблице 1.

2 Особенности творческого мышления леворуких учащихся

Основное содержание работы было посвящено исследованию творческого мышления и вербальной креативности леворуких и праворуких учащихся с нарушенным слухом. Результаты исследования уровня творческого мышления показаны на рис. 1. Как видно из этого рисунка, уровень творческого мышления леворуких учащихся выше результатов праворуких и амбидекстров, причем с уменьшением степени потери слуха увеличивается разница между результатами. Исследования также показывают увеличение в группе «праворукие» результатов творческого мышления при улучшении степени сохранности слуховой функции. У амбидекстров картина немного отличается: лучшие результаты показали неслышащие учащиеся, затем слышащие; слабослышащие амбидекстры показали самые низкие результаты.

Исследование уровня творческого мышления у обследуемого контингента выявило статистически достоверное (при $p < 0,01$), превышение показателей творческого мыш-

Таблица 1

Количество обследованных с различным соотношением состояния слуха и ведущей руки

Состояние слуха	Праворукие, %	Леворукие, %	Амбидекстры,%	Всего человек
Нормальнослышащие	86	6	8	136
Слабослышащие	81	9	10	184
Неслышащие	74	11	15	194

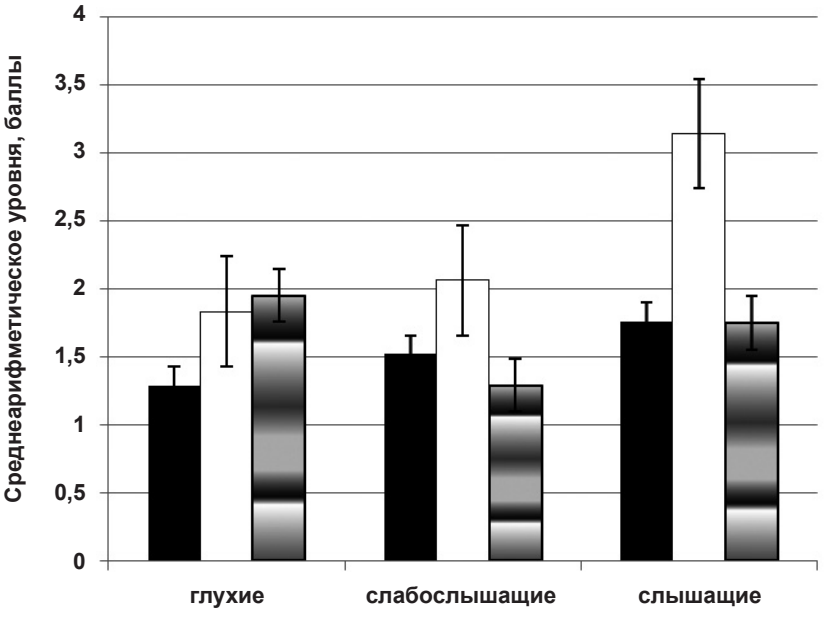

Рис. 1 – Уровень творческого мышления (по тесту «Дополни рисунок») у учащихся с разной степенью сохранности слуха:
■ — праворукие, □ — леворукие, ▨ — амбидекстры

ления у леворуких учащихся по сравнению с их праворукими сверстниками.

Образцы рисунков леворуких и праворуких испытуемых приведены на рис. 2.

Из рисунка видно, что характер дополнений фигур у леворуких и праворуких испытуемых имеет различия. И у леворуких, и у праворуких есть стандартные рисунки, оцениваемые в 0 баллов. Однако у леворуких учащихся в процентном отношении количество сюжетных картинок выше, чем у праворуких. Ведущее место в рисунках леворуких учащихся принадлежало изображению человека. У половины праворуких испытуемых была отмечена шаблонность изображений, они часто рисовали абстрактные узоры, буквы, отдельные фигуры; ведущее место в их рисунках принадлежало изображению животных. В то время, как у леворуких учащихся наблюдался большой разброс в показателях, при этом количество сюжетных картинок было в процентном отношении больше, чем у их праворуких сверстников. При внешне одинаковых картинках леворукие учащиеся чаще, чем их праворукие сверстники, использовали в названии рисунков абстрактные понятия, у праворуких учащихся подписи к рисункам в большинстве обозначали конкретные предметы или человека.

Вместе с тем полученные результаты позволяют отметить наличие слабой положительной корреляции ($r = 0,111$) между ведущей рукой и уровнем творческого мышления. Эти данные указывают на то, что уровень творческого мышления имеет тенденцию к возрастанию у леворуких. При этом полученные данные позволяют отметить отсутствие связи ($r = -0,014$) между состоянием слуха и уровнем творческого мышления. Проведение сравнительного исследования уровней творческого мышления у леворуких и праворуких учащихся в выборках «учащиеся с сохранным слухом» и «учащиеся с нарушенным слухом» выявило статистически достоверное ($p < 0,05$, $p < 0,01$) превышение уровня творческого мышления у леворуких учащихся в обеих выборках по сравнению с их праворукими сверстниками. Вместе с тем, сравнительное исследование уровня развития творческого мышления праворуких учащихся с нарушенным и сохранным слухом, затем леворуких учащихся с сохранным и нарушенным слухом показало отсутствие статистически достоверных различий между уровнями творческого мышления у праворуких с нарушенным слухом по сравнению с праворукими с сохранным слухом. Однако были выявлены статистически значимое ($p < 0,05$) превышение уровня творческого мышления у леворуких учащихся

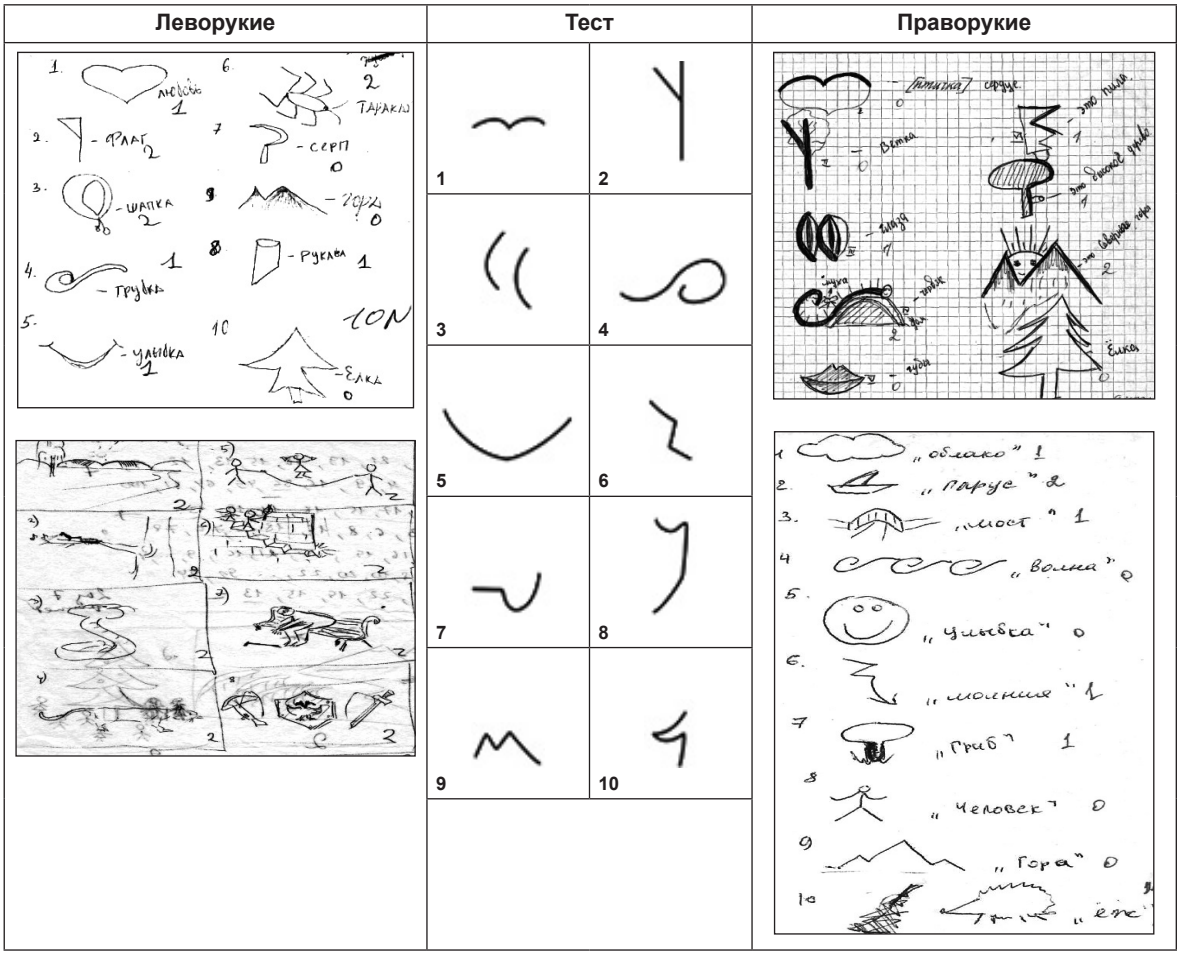

Рис. 2 – Образцы рисунков леворуких и праворуких учащихся с нарушенным слухом

с сохранным слухом по сравнению с леворукими с нарушенным слухом.

3 Вербальная креативность леворуких учащихся

Результаты исследования уровня вербальной креативности приведены в рис. 3. На этом рисунке видно, что у амбидекстров уровень вербальной креативности выше, чем у леворуких и праворуких учащихся. Самые высокие показатели отмечены у амбидекстров, самые низкие — у праворуких испытуемых. На рисунке прослеживается зависимость уровня вербальной креативности от состояния слуха: чем менее нарушен слух, тем больший уровень вербальной креативности. Полученная зависимость может быть связана с недостаточно высоким уровнем развития словесной речи учащихся с нарушенным слухом.

Исследование уровня вербальной креативности у обследуемого контингента не выявило статистически достоверных различий между праворукими и леворукими учащимися. Также не было выявлено достоверной связи (r = -0,022) между уровнем вербальной креативности и ведущей рукой. Вместе с тем полученные данные позволяют отметить наличие отрицательной корреляции (r = -0,632) между ведущей рукой и уровнем вербальной креативности. Эти данные показывают, что уровень вербальной креативности снижается с возрастанием степени потери слуха. Сравнительное исследование уровня вербальной креативности в выборках «учащиеся с сохранным слухом» и учащиеся с нарушенным слухом» не выявило статистически значимых различий между праворукими и леворукими учащимися в обеих выборках. При сравнительном исследовании учащихся с нарушенным слухом и учащихся с сохранным слухом по параметру «ведущая рука» не было выявлено статистически значимых различий между праворукими учащимися с нарушенным слухом и праворукими учащимися с сохранным слухом. Ана-

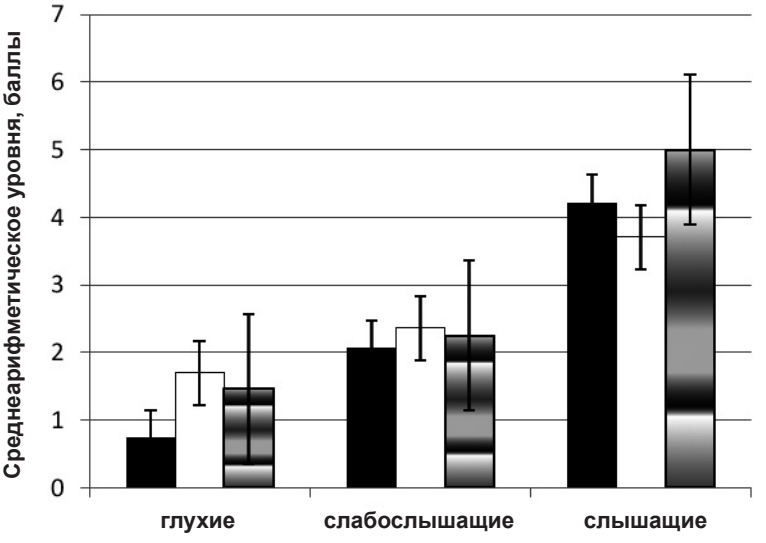

Рис. 3 – Результаты исследования уровня вербальной креативности у испытуемых с разной мануальной асимметрией:
■ — праворукие, □ — леворукие, ▨ — амбидекстры

логичные результаты были получены и при сравнительном исследовании леворуких учащихся с нарушенным слухом и леворуких с сохранным слухом.

Исследование уровня вербальной креативности показало, что данный тест представлял наибольшую трудность для учащихся с нарушенным слухом. В большинстве случаев они отказывались выполнять часть заданий теста (чаще всего возникали затруднения с 3-м и 4-м заданиями, где нужно было расшифровать аббревиатуры и придумать предложения, состоящие из 4-х слов, начинающихся с букв М, П, В, А и З, К, Д, Н). В ходе выполнения тестирования на вербальную креативность праворукие и леворукие учащиеся писали слова, относящиеся к их непосредственной деятельности, к тому, что их окружает. При выполнении одного и того же тестового задания праворукие давали большее количество шаблонных ответов, чем их леворукие сверстники. В задании на продолжение слова праворукие писали большее количество слов, чем леворукие. Однако в задании на придумывание слов с окончанием леворукие учащиеся написали большее количество слов, чем их праворукие сверстники. При составлении предложений из слов леворукие учащиеся писали более развернутые и интересные предложения, чем их праворукие сверстники. При этом в большинстве случаев в предложениях леворуких учащихся наблюдалось какое-нибудь действие, праворукие учащиеся в большинстве случаев ограничивались перечислением предметов. Задания с расшифровкой аббревиатур многие учащиеся с нарушенным слухом отказывались делать. При этом был явно виден их страх не справиться с заданием. При расшифровке аббревиатур учащимися было выявлено стереотипное восприятие и праворуких, и леворуких: в большинстве случаев они вспоминали известные стереотипные определения (НПБ — национальная … безопасность; НЛО — неопознанный летающий (летательный) объект; МУГ — Московский (привязка к городу, в котором живут) университет). При этом леворукие учащиеся расшифровывали аббревиатуры более оригинально по сравнению с их праворукими сверстниками. В определениях в праворуких учащихся было много слов с отрицанием «не», у леворуких — в основном синонимы без «не». Вместе с тем было замечено, что у леворуких учащихся лучше получались задания с составлением слов, оканчивающихся на определенные сочетания букв, в то время, как праворукие учащиеся лучше справлялись с заданиями на написание слов, начинающихся на определенные сочетания букв.

Заключение

Таким образом, проведенное исследование позволило выявить статистически значимый

более высокий уровень невербальных показателей творческого мышления у леворуких учащихся, как с сохранным, так и с нарушенным слухом. При этом различий в вербальных показателях между праворукими и леворукими учащимися выявлено не было. Вместе с тем проведенное исследование показало, что состояние слуха не влияет на уровень невербальных показателей творческого мышления, но влияет на уровень вербальных показателей: с увеличением степени потери слуха уменьшается уровень вербальной креативности.

У леворуких были отмечены особенности художественного оформления рисунков: они в целом дополняли фигуры более оригинально, в их рисунках чаще присутствовал сюжет, несмотря на то, что рисунки часто были схематическими. Подписи к их рисункам в большинстве случаев обозначали конкретные предметы, редко — явления.

Таким образом, леворукость влияет на невербальные показатели творческого мышления и не влияет на вербальные показатели.

Литература

1 **Безруких М. М.** Леворукий ребенок в школе и дома. М.: Вентана-Графф, 2007.
2 **Бехтерева Н. П**. Магия мозга и лабиринты жизни. М.; СПб.: Сова, 2007.
3 **Визель Т. Г.** Основы нейропсихологии: учебник для студентов вузов. М.: АСТ, Астрель Транзиткнига, 2005.
4 **Речицкая Е. Г., Сошина Е. А**. Развитие творческого воображения младших школьников. М.: Владос, 2002.
5 **Семенович А.В**. Эти невероятные левши. М.: Генезис, 2008.
6 **Туник Е. Е**. Психодиагностика творческого мышления. Креативные тесты. СПб.: Дидактика Плюс, 2002.
7 **Фингелькурц Ан.А. и Ал. А.** Межполушарная асимметрия мозга, интеллектуальная одаренность и близнецы // Вопросы психологии. 2000. № 5.
8 **Хомская Е. Д**. Х Нейропсихология. 4-е изд. СПб.: Питер, 2005.
9 **Шарова С. С.** Влияние леворукости на интеллектуальное развитие обучающихся с нарушенным слухом // Казанская наука. 2012. № 4. С. 370–373.

ТЕСТ ИМПЛИЦИТНЫХ АССОЦИАЦИЙ (IAT): ОБЪЕКТИВНЫЙ МЕТОД КОСВЕННОГО ИЗМЕРЕНИЯ АТТИТЮДОВ И СОЦИАЛЬНЫХ СТЕРЕОТИПОВ

Яньшин П. В., Варламова Е. И.
Самарский филиал МГПУ, Самара

Обзор знакомит с теоретическими основаниями, процедурой проведения, психометрическими характеристиками и областью применения Теста имплицитных ассоциаций (IAT). Согласно его авторам, процедура IAT предназначена для исследования неосознаваемых или частично осознаваемых эмоциональных установок (аттитюдов), социальных стереотипов и самооценки. В силу защищенности от преднамеренных и непреднамеренных искажений, доказана полезность IAT в сфере изучения расовых и межгрупповых предрассудков, криминологии, наркологии и других областях аддиктивного поведения.
Ключевые слова: IAT, Тест имплицитных ассоциаций, аттитюд, социальные стереотипы, валидность, компьютерная психодиагностика.

IMPLICIT ASSOCIATIONS TEST (IAT): AN OBJECTIVE METHOD FOR INDIRECT ATTITUDES AND STEREOTYPES MEASUREMENT

Yanjshin P. V., Varlamova E. I.
Samara branch MCTTU, Samara

The overview introduces the theoretical bases of the procedure and the facts that determine psychometric characteristics and application of Implicit Association Test (IAT). According to the IAT authors, procedure was designed for the study of unconscious or partially conscious emotional attitudes, social stereotypes and self-esteem. By virtue of protection from intentional and unintentional distortions IAT proved useful in the study of racial and intergroup prejudice, criminology, drug treatment and other areas of addictive behavior.
Keywords: IAT, Implicit Association Test, attitudes, social stereotypes, validity, computer psycho diagnostics.

Введение

В психодиагностической практике существует дефицит методов, защищенных от влияния преднамеренных и непроизвольных искажений со стороны испытуемого. Предлагаемый теоретический обзор посвящен одному из «претендентов» на максимальную защищенность от искажений — тесту имплицитных ассоциаций (IAT — Implicit Association Test). За 14 лет, прошедших с первой публикации, с помощью IAT в различных его модификациях было проведено несколько сотен исследований на тысячах испытуемых.

Искажения проявляются не только в субъективном отчете, но и в рефлексии чувств, самопонимании, воспоминаниях. Непроизвольные тенденциозные искажения снижают доверие к психологическим опросникам и анкетам и порождают парадоксы в научных дефинициях. Эта тема разрабатывается теоретиками защитных механизмов сознания, начиная с классического психоанализа, и вплоть до представителей гуманистической психологии. Сравнительно недавно она стала серьезно интересовать американскую когнитивную психологию [8, 12, 13, 17, 18 и др.]. Люди искажают сообщения, руководствуясь вполне осознаваемыми мотивами, что создает массу проблем при психодиагностике, анкетировании и предсказании реального поведения. Особенно это актуально в криминологии (педофилия, преступления против личности), суицидологии и в сфере профилактики аддиктивного поведения (курение, алкоголизм, наркомания). Резюмируя, неполный перечень искажающих диагностическую картину факторов таков: мотивация участия в обследовании, индивидуальные особенности извлечение информации из памяти, способность интроспекции, особенности процедуры и метода исследования, стратегия самопрезентации и сознательной маскировки, неосознаваемые защитные механизмы Эго, давление социальных установок желательности ответов, чувствительность темы исследования к социальной желательности.

Тест имплицитных ассоциаций (IAT) был предложен тремя исследователями из Вашингтонского университета (США) — Антонии Гринвальдом,[1] Дебби МакГи и Джорданом Шварцем (Greenwald A. G., McGhee D. E., Schwartz J. L. K.) [11]. Он предназначается для измерения «автоматического аффекта либо установки» (automatic affect or attitude), «проявляющихся в форме действий или суждений, находящихся под контролем автоматически активируемой оценки (evaluation) без осознания причинной связи со стороны субъекта» [11, с. 1464]. Как указали А. Гринвальд и М. Банаджи (Banaji M. R.), имплицитная установка (implicit attitude) — это «интроспективно неидентифицируемые либо неверно идентифицируемые следы (traces) прошлого опыта, опосредующие чувства, мысли либо действия в пользу или против (favorable or unfavorable) в отношение социальных объектов» [12, с. 8]. «Неверная интроспективная идентификация» в этом определении трактуется авторами как возможность осознания факта происшедшего события, но без рефлексии его специфического влияния на последующую оценочную реакцию.[2] IAT предназначался для измерения этих установок через измерение лежащих в их основе *автоматических* оценок. Метод предназначен также для измерения социальных стереотипов, определяемых как «ассоциации между социальной группой (категорией) и чертой» [8], и для измерения самооценки. Различие между социальным стереотипом и социальной установкой — лишь в расстановке акцентов. В аттитюде акцент делается на оценочной валентности, а в стереотипе — на описываемой черте. Пример социальной установки (аттитюда) — расовая дискриминация (эмоциональное предпочтение / отвержение), предпочтение товара или кандидата на выборах; пример социального стереотипа — приписывание блондинкам низкого интеллекта или афроамериканцам — склонности к противоправным действиям как специфической черты. Имплицитная самооценка определялась авторами как «интроспективно неидентифицируемое либо неверно идентифицируемое влияние самоотношения (self-attitude) на оценивание ассоциируемых и не ассоциируемых с собой (self-associated and self-dissociated) объектов» [12, с. 11].

Поскольку метод предоставляет возможность измерения «силы *автоматических* ассоциаций» [9, 11, 12], на IAT возлагаются надежды в случаях, когда испытуемый предпочитает открыто не выражать свои оценки, а также декларируется устойчивость метода к индивидуальным стратегиям самопрезентации и маскировки.

1 Процедура и принцип диагностики

Процедура IAT, в самом общем плане, состоит в вычислении разницы между скоростью сортировки связанных попарно биполярных категорий объектов при двух вариантах их сочетаний с биполярными категориями атрибутов. Испытуемому предлагается реагировать на контрастные категории типа: «молодой – старый», «мужчина – женщина», «приятно – неприятно» и т.п. Эта формулировка формальна, поэтому идею лучше пояснить на нижеследующем примере [10].

Предположим, перед вами стоит задача рассортировать игральные карты четырех мастей так, чтобы кресть и пики лежали справа, а бубны и червы — слева. Если категории (в данном случае — масти) будут попарно связаны неким общим признаком (здесь — цветом), классификация займет меньше времени. Цвет, присущий обеим категориям, создает основу для классификации. Вы просто кладете красные карты слева, а черные — справа. Напротив, если бы задача состояла в складывании в одну стопку пик и червей, а в другую — бубен и крестей, работа заняла бы больше времени. Идея состоит в том, что *по разнице в скорости* при двух условиях классификации дедуцируется то, что у испытуемых *есть некая стратегия* как имплицитная основа классификации. Если кто-то вдруг станет утверждать, что он не различает красный и черный цвета, его будет легко вывести на чистую воду.

Эффективность метод IAT не снижается и когда наличие некой стратегии классификации не осознается либо маскируется испытуемым. Например, с помощью карточной сортировки легко отделить опытных игроков в бридж от тех, кто в него не играет. Для игроков в бридж черви и пики взаимосвязаны, поскольку их

[1] А. Гринвальд до этого зарекомендовал себя как авторитетный исследователь в области когнитивного бессознательного в парадигме прайминг-эффекта и подпороговой семантической активации [1, 2, 13].

[2] Пример скрытого влияния имплицитной установки — предпочтение одного из кандидатов на выборах потому, что его имя начинается на ту же букву, что и собственное имя избирателя. Здесь положительная самооценка имплицитно определяет эмоциональную реакцию на процесс голосования.

сочетание имеет более высокий ранг, чем сочетание крестей и бубен. В силу тренировки у игрока сформировалась стратегия сортировки «высоко оцениваемое сочетание / низко оцениваемое сочетание», и его реакция будет существенно быстрее, чем у не играющих в бридж испытуемых. Но, если игроку в бридж предложить альтернативную сортировку «пика + бубна» – «черва + трефа», скорость опытного и неопытного игроков уравняется. Вычтя для каждого испытуемого время первоначальной сортировки (ее принято называть релевантной, или конгруэнтной) из времени иррелевантной («бубны + трефы» / «пика + черва»), можно с высокой долей вероятности определить опытных игроков в бридж. Разность производительности, основанная на регистрации латентных периодов реакций, при релевантной и иррелевантной (инконгруэнтной) задачах классификации носит название «эффект теста имплицитных ассоциаций» (IAT effect). Он указывает на направление и *относительную* силу связи между объектной и атрибутивной категориями. Чем сильнее связь, тем больше будет разница во времени между релевантной и иррелевантной задачами сортировки, а знак покажет, в какую сторону направлена тенденция. Универсальность и обобщенность процедуры делает ее гибкой и пригодной для исследования широкого круга установок и категориальных взаимосвязей.

Эту процедуру легко реализовать на компьютере. В ответ на появление той или иной масти испытуемый должен нажимать на клавиатуре кнопки правой либо левой рукой вместо того, чтобы класть их в правую либо левую стопку. Конгруэнтная задача тогда будет выглядеть как подсказки: в левой части экрана — «ПИКИ и ЧЕРВЫ», а в правой — «ТРЕФЫ и БУБНЫ». При альтернативной (инконгруэнтной, иррелевантной) задаче сортировки достаточно только поменять местами надписи «ПИКИ» и «ТРЕФЫ», а слова «ЧЕРВЫ» и «БУБНЫ» оставить на своих местах. В реальности процедура несколько сложнее, поскольку классифицируемые категории не столь знакомы испытуемым, как карточные масти. Кроме того, между альтернативными задачами необходимо ввести серию для переучивания, угашения сложившейся ранее установки на привязку ответа к определенной клавише. Если в инструкцию добавить требование максимальной скорости выполнения, результаты становится трудно симулировать.

Теперь зададимся вопросом: что больше нравится испытуемым — цветы или насекомые?[3] Названия цветов и насекомых назовем «категориями ОБЪЕКТОВ». Это могут быть слова либо изображения. В качестве АТРИБУТОВ выберем два набора слов, однозначно связанных с положительными и отрицательными эмоциями. Они будут определять валентность установки. Положительная атрибутивная категория включает, например, «радость», «любовь», «приятно» и т.п.; отрицательная — «ужас», «противно», «обман» и т.п. Сценарий предъявления будет таков: сначала к левой клавише «привяжем» пару объект + атрибут: «Насекомые + Приятно», а к правой — «Цветы + Неприятно».[4] Дадим испытуемому инструкцию: при появлении названия насекомого *либо* приятного слова нажимать на левую клавишу, а при появлении названия цветка *или* неприятного слова — на правую. Предъявление объектов и атрибутов осуществляется на темном поле в центре экрана. И те, и другие чередуются в строгой последовательности: объект – атрибут, объект – атрибут, и т.д. Внутри же каждой категории стимулы предъявляются в случайном порядке, с условием, чтобы количество вариантов сочетаний оставалось одинаковым. За этой задачей должна последовать альтернативная, когда надпись «Цветы» и «Насекомые» меняются местами на экране, и, следовательно, меняется привязка к кнопкам.

Стандартная процедура IAT состоит из семи экспериментальных серий, или блоков:[5] двух тренировочных (объекты, атрибуты), двух блоков конгруэнтных задач, блока переучивания для объектов, двух блоков инконгруэнтных задач. Все исследование занимает 7–10 минут, включая знакомство испытуемого с инструкциями к каждой экспериментальной серии.

2 Исследования валидности IAT

Особенность проведения стандартного IAT состоит в том, что объекты и атрибуты всегда появляются последовательно, а не одновременно, т. е. испытуемый не должен отвечать на вопрос: «Нравятся ли тебе цветы больше, чем насекомые?». Вместо этого он

[3] Один из первых экспериментов по исследованию валидности IAT [11].

[4] Это инконгруэнтная задача.

[5] Эта классическая схема используется для сопоставимости результатов, хотя существует и укороченная схема.

непроизвольно и неосознанно быстрее нажмет ту кнопку, к которой «привязаны» и цветы, и слова с положительной валентностью. Это существенно снижает очевидную («лицевую») валидность теста, защищая от произвольной фальсификации.

Как доказали многократные эксперименты по приведенной выше схеме, эффект IAT всегда сдвинут в сторону цветов. Предпочтения цветов насекомым — одна из универсальных закономерностей, разделяемых большинством людей. Этот пример представляет собой одну из стратегий валидизации IAT — применение *универсальных атрибутов*. Другие варианты универсальной атрибуции — гендерная специфика в отношении к карьере либо семье; к научной карьере либо литературе, музыке и живописи; полярная валентность отношения к жизни и смерти, молодости и старости, и т.п.

Другой подход к валидизации IAT — использование априори известных социальных групп, полярно относящихся к одному и тому же объекту (внутригрупповые / межгрупповые установки). Если один и тот же набор стимулов классифицируют предубежденно настроенные по отношению друг к другу группы населения, наблюдаются характерные полярные сдвиги эффекта IAT. Например, диаметрально разнятся установки евро- и афроамериканцев Северной Америки по отношению друг к другу. Другие варианты межгрупповых установок: отношение к сексуальным меньшинствам, отношение к людям — с избыточным весом, с ограниченными возможностями, пожилого и молодого возраста, и т.п. В подавляющем большинстве случаев [7] сдвиг эффекта IAT соответствовал априорной гипотезе, как в случае с цветами и насекомыми.

Наиболее частая стратегия доказательства предсказательной валидности IAT — сравнение его результатов с эксплицитными методами измерения установок (субъективными тестами, анкетами и опросниками) и объективными критериями. При исследовании установок к курению, алкоголю, религии, товарам и брендам и т.п. измеряется количество выкуриваемых сигарет или потребленного алкоголя, частота посещений церкви, наличие товара в холодильнике и.т.п. Один из примеров такого исследования — изучение предсказательной валидности IAT и эксплицитных самоотчетов относительно расовых установок в отношение дискриминационного поведения [19]. Субъективные оценки выявлялись путем семантического дифференциала (оценивались объекты «Белый (человек)» и «Черный (человек)»), и «эмоциональный термометр» в отношении тех же объектов. IAT проводился в вербальном варианте.[6] Объектами классификации служили характерные для афро- и евроамериканцев Северной Америки мужские и женские имена; атрибутами — приятные и неприятные слова. Исследование проводилось на группе евроамериканских студентов колледжа, которых поочередно интервьюировали евро- и афроамериканские ассистентки (экспериментаторы). Тема интервью не имела отношения к расовым проблемам. Интервью снималось на скрытую камеру, после чего оценивалось экспертами и самими экспериментаторами по поведенческим признакам коммуникативных установок студентов к интервьюерам. Эффект IAT, эксплицитные оценки, как и оценки экспертами и экспериментаторами невербального поведения выявили несомненный сдвиг аттитюда в сторону оценки «Белого». Были обнаружены: 1) значимые корреляции между эффектом IAT и оценкой *экспериментаторами* склонности к социальному взаимодействию; 2) эффектом IAT и *экспертной* оценкой склонности к социальному взаимодействию; 3) показатели IAT значимо коррелировали с эксплицитными оценками (СД и «эмоциональный градусник»). Дополнительно эффект IAT предсказывал увеличение времени разговора, бóльшее количество улыбок и невербальных комментариев, мéньшее количество речевых ошибок и неуверенности в общении с евроамериканским экспериментатором. Эксплицитные оценки коррелировали только с оценкой, данной экспериментаторами, но не экспертами, и не предсказывали на достаточном уровне значимости поведенческих знаков расовой дискриминации. В целом, по мнению его авторов, эксперимент доказал предсказательную валидность IAT относительно реального поведения.

Объектом метааналитических исследований обычно являются данные нескольких десятков и даже сотен публикаций по интересующей теме. Ценность метаанализа [7, 14] состоит в том, что он позволяет изучить влияние дополнительных модерирующих условий, сопутствующих тому или иному эксперименту, а также выявить общие тенденции во взаимосвязях между изучаемыми переменными. Выяс-

[6] Испытуемым предъявлялись слова, а не изображения.

нилось, что предсказательная валидность IAT обычно несколько ниже таковой для эксплицитных методов (скорректированный коэффициент корреляции для первого равен 0,274, для вторых — 0,361). Но картина меняется, если принять в расчет существенные для процедуры IAT модерирующие факторы. Предсказательная валидность IAT выше в ситуации, провоцирующей испытуемых на сознательное либо непроизвольное искажение явных суждений и оценок: при измерении расовых предрассудков и других межгрупповых установок. В остальных семи из девяти сфер исследований (гомосексуальная ориентация, потребительские предпочтения, политические предпочтения, личные черты, алкоголь и наркотики, клинические феномены и близкие взаимоотношения) эксплицитные методы оказались более валидными [7, 8].

При учете признака «социальной чувствительности» (рейтинг заботы испытуемого о том, какое впечатление произведет его мнение на окружающих) вариабельность данных IAT в 6 раз меньше зависит от этого условия (3,4%), чем результаты эксплицитных методов (24,4%). С увеличением социальной чувствительности падает интеркорреляция имплицитного и эксплицитного индикатора установки (с r = 0,537 — для политических предпочтений до r = 0,091 —для расовых установок и близких отношений) [7].

Предсказательная валидность показателей IAT была существенно выше, если его результаты сильно коррелировали с данными самоотчетов. Это было объяснено тем, что валидность снижается из-за конфликта и диссоциации между эксплицитными и имплицитными установками самих испытуемых. Высокая корреляция между IAT и самоотчетом указывает на отсутствие такой диссоциации. Главным модерирующим фактором, определяющим эту диссоциацию, является все та же социальная чувствительность темы, отрицательно связанная с величиной корреляции между имплицитным и эксплицитным критерием (r = -0,35). Анализ инкрементной валидности эффекта IAT и самоотчетов ясно указали на то, что каждый индикатор предсказывает изменчивость эмпирических критериев, которые не предсказываются другим. По результатам одного из метаанализов [14], корреляция между эксплицитными и имплицитными индикаторами возрастает при увеличении уровня спонтанности самоотчета и уменьшается при низкой корреспонденции[7] между объектами оценки.

Таким образом, высокая корреляция между эффектом IAT и эксплицитными показателями (такими, как самоотчет и анкетирование) наблюдается тогда, когда испытуемым нечего скрывать. Например, принадлежность к демократам или республиканцам, либо предпочтение Пепси Коле. Максимальное же различие (низкая корреляция) проявляется относительно «неполиткорректных» тем. Как показал анализ интернет-исследования [8], при вербальных отчетах в 40% случаев евроамериканцы явно предпочитают людей своей расы, и только в 3,5% — афроамериканцев (разность +37%); эффект IAT при этом соответствовал: предпочтение — 71,5%, отвержение — 6,8% (разность +65%). То есть, согласно IAT, американцы европейского происхождения настроены значительно радикальнее, чем позволяют выяснить даже анкеты, обещающие конфиденциальность. Эксплицитные предпочтения афроамериканцев диаметрально противоположны предпочтениям евроамериканцев: 58,9% респондентов предпочитали свою расу, и только 4,8% — европеоидную (разность -54%). Но вот данные IAT не столь очевидны: за свой цвет кожи — 34,1%, за белый цвет — 32,4% (разность -2%).[8] Сдвиг имплицитных оценок в свою сторону у афроамериканцев существенно уступает таковому у американцев европейского происхождения, что соответствует общей тенденции фаворитизма в сторону доминантной евроамериканской группы в современной американской культуре [8].
Согласно тому же интернет-исследованию (по каждой теме высказались в среднем чуть больше 200 человек), по данным IAT, вне зависимости от этнической принадлежности, американцы предпочитают европейцев азиатам

[7] Корреспонденция выражена в сходстве тестовых признаков измерения аттитюда в IAT и признаков реального поведения. Корреспонденция высока, например, когда и при эксплицитной оценке, и в IAT используются сходные объекты, например бренда товаров или фамилии кандидатов в президенты. Корреспонденция низка, когда в качестве эксплицитной оценки используется явное название объекта (как в приведенном эксперименте МакКонела и Лейболда [19]), а при имплицитной — предпочитаемые группой имена и невербальные поведенческие признаки.

[8] Это объясняет, почему Майкл Джексон осветлил кожу: только 34% афроамериканцев принимают свой цвет кожи!

(51%)[9], американцев — канадцам (52%), Америку — заграницe (67%), гетеросексуалов — гомосексуалам (60%), евреев — мусульманам (57%), молодых людей — старикам (73%), богатых — бедным (93%), худых — толстым (53%), Америку — Японии (64%). В сравнении с эксплицитным самоотчетом по тем же пунктам эффект IAT отличают две характерные особенности: 1) эксплицитные отчеты имеют выраженную тенденцию к нейтральности (в среднем 42%), а для IAT этот показатель равен 18%, т. е. тенденция выражена недвусмысленно и экстремально; 2) показатель IAT почти в четыре раза чаще, чем эксплицитные самоотчеты, демонстрирует сдвиг оценки в сторону предпочитаемой социальной группы в популяции в целом [8].

3 Прикладные исследования с помощью IAT

Высокая защищенность от намеренной и непреднамеренной фальсификации побудило к применению IAT в таких сферах, как склонность к насилию, педофилия, гомосексуализм, суицидальный риск, аддиктивное поведение.

Исследование, проведенное на большой группе преступников (убийства и правонарушения против личности, сопряженные с открытым насилием) с психическими отклонениями [24], выявило связь между результатами IAT и уровнем психопатизации (социопатия) убийц. Степень психопатизации определялась по специальной стандартизованной схеме интервью (анкета PCL-R), проводимого обученными экспертами. Анкета имеет две диагностические шкалы. Первая измеряет эмоциональную черствость, отсутствие сострадания, склонность к циничному манипулированию людьми как средство достижения своих целей и т.п.; вторая — склонность к противоправному асоциальному поведению на основе автобиографических фактов. Объектными категориями IAT служили слова, обозначающие насильственные действия, и слова, ассоциирующиеся с миром и спокойствием; атрибутивные категории — слова с положительной и отрицательной эмоциональной валентностью. Была обнаружена выраженная взаимосвязь увеличения психопатизации по первой шкале с относительным сдвигом эффекта IAT в сторону положительной оценки слов, обозначающих насильственные действия и причинение физического вреда. Это наблюдалось только в группе убийц, но не в контрольной группе с «другими насильственными преступлениями». Существенно то, что при *низком* показателе социопатии в группе убийц наблюдалась обратная картина: их эффект IAT был сдвинут в сторону негативной оценки насильственных действий даже больше, чем в контрольной группе. Исследователи объясняют это тем, что для не психопатизированных убийц факт убийства мог стать психотравмирующим событием, способствующим формированию отрицательного отношения к своему поступку. Напротив, у убийц с низкой эмпатией (выраженные социопаты) убийство не вызвало ни отрицательных эмоций (хладнокровное, «инструментальное» преступление), ни раскаяния. Исследователи считают, что IAT может стать источником дополнительных данных при принятии судебных и административных решений в практике осуществления наказаний.

В другом исследовании [25] с помощью IAT сравнивались результаты групп 1) мужчин педофилов и 2) насильников с 3) мужчинами контрольной группы (студенты). В качестве объектов использовались категории «Ребенок» и «Женщина»; атрибутивными категориями служили «Эротично» и «Неэротично». Сдвиг эффекта IAT в сторону ассоциации «ребенок + эротика» был существенно выше для подгруппы, классифицированной как «исключительные педофилы», а не «развратные действия», и для группы с высоким риском рецидива преступления, по данным независимых экспертов-психологов и психотерапевтов. Без выделения данных подгрупп из всех 46 испытуемых, результаты IAT не отличались от результатов контрольной группы студентов колледжа. Вербальные опросники не выявили никаких различий, даже при выделении указанных подгрупп. Это послужило доказательством инкрементной валидности «детско-эротического IAT». Исследователи считают, что, поскольку преступления на сексуальной почве, хотя бы отчасти, имеют импульсивный, автоматический компонент, его лучше предсказывают методы, подобные IAT, измеряющие автоматические эмоциональные установки. Сходные результаты, подтверждающие дискриминантную валидность IAT, были получены на контингенте педофилов, скры-

[9] В скобках указана разность процентов предпочтения и отвержения, которую авторы анализа рассматривают как меру распространенности (pervasiveness) аттитюда.

вающих свои сексуальные предпочтения [6]. В качестве объектных категорий IAT использовались «Ребенок» и «Взрослый», в качестве атрибутивных — «Секс» и несексуальные термины. Было выявлено, что педофилы проявили заметную склонность связывать секс с детьми, в то время, как нормальные испытуемые связывают секс с категорией «взрослые». Авторы этого исследования считают, что IAT способен обнаружить ядерное когнитивное отклонение, что может подкреплять педофилическую поведенческую девиацию.

В отличие от педофилии, гомосексуализм в современной западной культуре не является общественно подавляемым отклонением, а гомофобия даже рассматривается в официальных международных документах Европарламента в одном ряду с расизмом и антисемитизмом. С одной стороны, это позволяет в большей мере полагаться на субъективное эксплицитное самоопределение испытуемого в группу гомо- и гетеросексуалов; с другой стороны, — позволяет использовать размежевание в сексуальной ориентации как критерий контрастных аттитюдов при изучении дискриминантной валидности IAT. В исследовании [23] объектными категориями были «Мужчина» и «Женщина» (по пять обнаженных неэротичных изображений), а атрибутивными категориями — «Сексуально привлекательно» и «Сексуально непривлекательно» (по пять слов типа «возбуждающе», «эротично», «отталкивающе», «запрещено» и т.п.). Были получены высоко значимые соответствия между двумя имплицитными индикаторами (IAT и Прайминговой задачей) по признаку самоотнесения испытуемыми к группе гомо- и гетеросексуалов.

Аддикции часто относят к социально неприемлемым формам поведения. Помимо чисто психологических факторов они могут поддерживаться химической зависимостью, как это характерно для курения, алкоголизма и наркомании. И те, и другие внутренние факторы аддикции формируют иррациональную эмоциональную привлекательность такого поведения (имплицитную аффективную установку), придавая ему навязчивый характер. Это делает аддиктивное поведение одной из мишеней для IAT, но результаты исследований далеко не столь однозначны, как в сфере межгрупповых установок и педофилии. Исследование [22] было посвящено использованию имплицитной привлекательности курения для предсказания явного поведения. В качестве объектных категорий использовались слова, объединенные по группам «Курение» (слова, связанные с курением) и «Не курение» (случайные, не связанные с курением слова).[10] Были получены высоко значимые различия в величине латентных периодов ответов в конгруэнтной и инконгруэнтной задачах классификации для курящих и некурящих, т. е. эффект IAT сдвигался для контрастных выборок в предсказанную сторону. С другой стороны, если сдвиг оценки у некурящих был однозначно сдвинут в негативную сторону, у курящей группы оценки, в среднем, колебались в районе нуля. Это выявило амбивалентность отношения к курению у курящей группы, что подтвердили и эксплицитные оценки с помощью семантического дифференциала. В исследовании J. Huijdinga с соавторами [16] тоже были получены значимые межгрупповые различия эффекта IAT для курящих и некурящих. Вместе с тем, курящие, хоть и в меньшей степени, но тоже проявили негативную установку к курению, т. е. эффект IAT был негативным в обеих группах. Здесь объектными категориями были «Курение» и «Физические упражнения», а атрибутами — слова с положительным и отрицательным значениями.

Положительные результаты были получены и для предсказания с помощью фактов IAT и частоты употребления марихуаны среди подростков, учащихся в колледже [3]. Частота употребления наркотика соответствовала усилению имплицитной ассоциации между категорией «Марихуана» и «Возбуждающе». Напротив, другое исследование [4] выявило *сходные* для контрольной (здоровые) и экспериментальной группы (больные шизофренией) подростков, употребляющих марихуану, отрицательные имплицитные эмоциональные оценки, что аналогично приведенным выше исследованиям курильщиков табака.[11]

В обзорной части и в результатах оригинального исследования К. Хобер и Р. Вирс (K. Houben, R. Wiers.) содержатся подтверждения отрицательной валентности алкоголя —

[10] По мнению этих исследователей, такая задача аналогична задаче лексического решения, не требующей глубокой семантической обработки. Исследователи стремились приблизить процедуру IAT к монополярному измерению эмоциональной валентности.

[11] Использовался Single Category Implicit Association Tests (SC-IAT) в трех вариантах: «активность», «негативность» и «расслабление».

как для сильно пьющего контингента испытуемых, так и для лиц, не злоупотребляющих алкоголем [15]. Вместе с тем, в группе, злоупотребляющей алкоголем, выявился положительный эффект IAT в сторону связи алкоголя с возбуждением.

4 Другие психометрические характеристики IAT

В ряде исследований, начиная с 1998 года [7], была доказана хорошая внутренняя согласованность (от 0,70 до 0,90) и умеренная тест-ре-тест надежность IAT (в среднем r = 0,56). Результаты теста не зависят от степени знакомства испытуемых со стимулами. Эффект IAT относительно нечувствителен к таким процедурным различиям, как количество попыток, количество предъявляемых объектов в категории и временные интервалы между испытаниями. Была доказана большая устойчивость теста к попыткам сознательного искажения и установочному поведению испытуемых. Например, в одном из экспериментов испытуемых просили симулировать положительную установку к мужчинам-гомосексуалам. Им это полностью удалось при заполнении опросника, но они «провалились» при выполнении IAT. Аналогично, не удалось симулировать имплицитную позитивную расовую установку и такую черту, как тревожность и застенчивость. Теоретически, возможно натренировать испытуемых сознательно замедлять свои ответы в соответствующей фазе эксперимента, но, с одной стороны, наивный испытуемый не может самостоятельно нащупать такую стратегию и, с другой, — это поведение легко выявляется через анализ вариативности ответов и неадекватно большие латентные периоды. Чрезмерно быстрые опережающие стимуляцию реакции также легко отследить при компьютерной обработке.

5 Недостатки и нерешенные проблемы

В ходе 12-летнего изучения IAT выявились и слабые стороны этой техники. Одно из ограничений IAT — потребность в использовании контрастной категории. То есть нельзя исследовать валентность отношения, например, к самому себе («чистое» самоотношение), как к независимой категории, но можно определить лишь *относительный сдвиг* валентности по сравнению с отношением к какой-то другой категории, например, к неопределенным «другим» [10, 21 и др.]. С одной стороны, альтернативная категория конкретизирует контекст, что весьма ценно для интерпретации результатов. Ведь большинство наших оценок предполагают критерий сравнения с референтной категорией. В случаях совпадения у большинства людей естественных альтернатив с психологическим содержанием измеряемого психологического конструкта (евро- —афроамериканец, гей – натурал, цветы – насекомые и т.п.) IAT предоставляет валидную и интерпретируемую информацию. Но далеко не всегда объектная (и атрибутивная) категория совпадает с измеряемым *теоретическим* конструктом. Более того, часто просто не существует естественной контрастной категории, универсальной для большинства испытуемых: например, при применении IAT для исследования самооценки. Теоретический конструкт «самооценка» (как психологическая категория) предполагает существенную генерализацию контекстов, критериев и референтных объектов сравнения. Это значит, что частные результаты биполярного IAT, относительно самооценки и других психологически сложных конструктов, будут носить фрагментарный характер. Это проблема конструктной валидности теста, которая должна решаться конкретно для каждой предметной области исследования.

Второй недостаток использования биполярных категорий — невозможность отделить вариант амбивалентного отношения к объекту от отношения нейтрального: в обоих случаях будет получен эффект IAT, близкий к нулевому. Подобная амбивалентность характерна для отношения к объектам аддиктивного поведения, что снижает валидность биполярного IAT в этой сфере. Для борьбы с эффектом биполярности предлагается несколько вариантов модификации базовой процедуры IAT. Самая простая модификация — замена одного из полюсов объектных либо атрибутивных категорий набором нейтральных стимулов. Например, вместо полярности «Алкоголь – содовая вода» используется «Алкоголь – млекопитающие», либо вместо «Позитивные – негативные» используются «Позитивные – нейтральные», «Негативные – нейтральные» [15]. Более кардинальные изменения в процедуре, по сути, представляющие собой иной алгоритм предъявления и обработки результатов[12] — это тесты «Подходит / Не подходит» – Go /No-go

[12] Например, применение теории обнаружения сигнала (ТОС) вместо подсчета латентности ответа.

AssociationTask (GNAT) [20]; «Одно-категориальный тест имплицитных ассоциаций» (Single Category Implicit Association Test — SC-IAT) [26]; «Одно-целевой тест имплицитных ассоциаций» (Single Target-Implicit Association Tests — ST-IAT) [27, 5]. Общее для базовой и модифицированных процедур — главный эффект: более тесно взаимосвязанные категории облегчают процесс сортировки и принятия решения испытуемым по сравнению с альтернативным задачами. Существует еще целый ряд процедурных проблем, связанных с предъявлением и обработкой данных, обозначить которые не позволяет объем статьи.

Заключение

Итак, несмотря на наличие специфических недостатков и ограничений, IAT зарекомендовал себя как метод эмпирического измерения, защищенный от влияния преднамеренного и/или непреднамеренного искажения и ограничений, связанных с индивидуальными особенностями рефлексии. Представляется, что он заслуживает внимания как со стороны академической, так и прикладной психологии. Понятия «аттитюд», «установка», «отношение» являются фундаментальными объяснительными понятиями психологии. Будучи интерпретировано как одна из ипостасей личностно-смыслового отношения к предмету деятельности, либо как смысловая установка или диспозиция, измеряемое тестом имплицитное отношение представляется неотъемлемым компонентом психической деятельности.

IAT может стать ценным дополнением в инструментарии экспериментальной психосемантики сознания. «Автоматически активируемая оценочная реакция», предположительно лежащая в основе IAT, позволяет отнести его в разряд объективных методов субъективного шкалирования. Роднит его с ними и характерное разделение на «объекты» шкалирования, задающие предметный контекст, и «атрибуты», формирующие оценочную шкалу и соответствующий контекст. При измерении социальных стереотипов оценочный контекст атрибутивных категорий может гибко заменяться на другой, соответствующий изучаемому стереотипу.

Но IAT не идеален. Как и любой метод измерения, он бесполезен и даже опасен в плане неверных выводов без проработки конструктной валидности (см. приведенный выше пример его применения для исследования самооценки), которая напрямую связана с подбором предметных и атрибутивных категорий в каждом конкретном случае. Как любой психодиагностический и исследовательский инструмент, в основе его применения должна стоять, помимо теории измерения, теория объекта исследования. Стоит подчеркнуть, что сама теория измерения, объясняющая работу IAT, еще окончательно не сформулирована, и объяснение его эффективности представляется отдельной интригующей задачей.

Вывод

В свете данных по конкурентной, дискриминантной и предсказательной валидности IAT, в купе с умеренной надежностью и высокой устойчивостью к намеренным искажениям, мы имеем в «лице» IAT беспрецедентный пример защищенной от искажений со стороны сознания испытуемого исследовательской процедуры. IAT правомерно рассматривать как представителя объективного психодиагностического подхода в сфере исследования личности и социальных установок. С помощью IAT могут стать выполнимыми исследовательские задачи, недостижимые с помощью субъективных методов.

Литература

1 **Abrams R. L., Klinger M. R., Greenwald A. G**. Subliminal words activate semantic categories (not automated motor responses) // Psychonomic Bulletin & Review. 2002. 9 (1). P. 100–106.

2 **Abrams R. L., Greenwald A. G**. Parts outweigh the whole (word) in unconscious analysis of meaning // Psychological science. 2000. V. 11. No 2. P. 118–124.

3 **Ames S. L. etc.** Comparison of indirect assessments of association as predictors of marijuana use among at-risk adolescents / S. L. Ames, J. L. Grenard, C. Thush, S. Sussman, R. W. Wiers, A. W. Stacy // Experimental and Clinical Psychopharmacology. Apr 2007. V. 15(2). P. 204–218.

4 **Dekker N. etc.** Implicit and explicit affective associations towards cannabis use in patients with recent-onset schizophrenia and healthy controls / N. Dekker, A. M. Smeerdijk, R. W. Wiers, J. H. Duits, G. van Gelder, K. Houben, G. Schippers, D. H. Linszen, L. de Haan // Psychological Medicine. Cambridge University Press, 2009. P. 1–12.

5 **de Liver Y., van der Pligt J., Wigboldus D. H. J.** Positive and negative associations underlying ambivalent attitudes // J. of Experimental Social Psychology. 2007. 43. P. 319–326.
6 **Gray N. S. etc.** An Implicit Test of the Associations Between Children and Sex in Pedophiles / N. S. Gray, A. S. Brown, M. J. MacCulloch, J. Smith, R. J. Snowden // J. of Abnormal Psychology. May 2005. V. 114(2). P. 304–308.
7 **Greenwald A. G. etc.** Understanding and Using the Implicit Association Test: III. Meta-Analysis of Predictive Validity / A. G. Greenwald, T. A. Poehlman, E. L. Uhlmann, M. R. Banaji // J. of Personality and Social Psychology. 2009. V. 97. No. 1. P. 17–41.
8 **Greenwald A. G, Krieger H.L.** Implicit Bias: Scientific Foundations // California Law Review. July 2006. V. 94. No. 4. P. 945–967.
9 **Greenwald A. G., Nosek B. A., Banaji M. R.** Understanding and Using the Implicit Association Test: I. An Improved Scoring Algorithm // J. of Personality and Social Psychology. 2003. V. 85. No. 2. P. 197–216.
10 **Greenwald A.G., Farnham S.D**. Using the Implicit Association Test to Measure Self-Esteem and Self-concept // J. of Personality and Social Psychology. 2000. V. 79. No. 6. P. 1022–1038.
11 **Greenwald A.G., McGhee D. E., Schwartz J. L. K**. Measuring Individual Differences in Implicit Cognition: The Implicit Association Test // J. of Personality and Social Psychology. 1998. V. 74. No 6. P. 1464–1480.
12 **Greenwald A. G., Banaji M. R.** Implicit social cognition: Attitudes, self-esteem, and stereotypes // J. of Personality and Social Psychology. 1995. V. 102. P. 4–27.
13 **Greenwald A.G.** New Look 3: Unconscious Cognition Reclaimed // American Psychologist. June 1992. P. 766–779.
14 **Hofmann, W. etc.** A meta-analysis on the correlation between the Implicit Association Test and explicit self-report measures / W. Hofmann, B. Gawronski, T. Gschwendner, H. Le, M. Schmitt // Personality and Social Psychology Bulletin. 2005. No 31. P. 1369–1385.
15 **Houben K., Wiers R.W**. Assessing implicit alcohol associations with the Implicit Association Test: Fact or artifact? // Addictive Behaviors. 2006. V. 31. P. 1346–1362.
16 **Huijdinga J., de Jonga P.J., Wiersb R. W., Verkooijenc K**. Implicit and explicit attitudes toward smoking in a smoking and a nonsmoking setting. Addictive Behaviors. 2005. V. 30. P. 949–961.
17 **Kihlstrom, J. F**. Cognition, unconscious processes / G. Adelman & B.H. Smith (Eds.) // Encyclopedia of neuroscience. 3rd ed. Amsterdam: Elsevier Science, 2004.
18 **Kihlstrom J. F., Barnhardt T. M., Tataryn D. J.** The Psychological Unconscious: Found, Lost, and Regained. American Psychologist. June 1992. V. 47 (6). P. 788–791.
19 **McConnell A. R., Leibold J. M**. Relations among the Implicit Association Test, Discriminatory Behavior, and Explicit Measures of Racial Attitudes // J. of Experimental Social Psychology. 2001. V. 37. P. 435–442.
20 **Nosek B. A., Banaji M. R**. The Go/No-Go Association Task // Social Cognition. 2001. V. 19. No. 6. P. 625–664.
21 **Pinter B., Greenwald A. G**. Clarifying the Role of the "Other" Category in the Self-Esteem IAT // Experimental Psychology. 2005. V. 52 (1). P. 74–79.
22 **Robinson M. D., Meier B. P., Zetocha K. J., McCaul K. D**. Smoking and the Implicit Association Test: When the Contrast Category Determines the Theoretical Conclusions // Basic and Applied Social Psychology. 2005. 27(3). P. 201–212.
23 **Snowden R. J., Gray N. S., Smith J., Morris M., Macculloch M. J**. Implicit affective associations to violence in psychopathic murderers // J. of Forensic Psychiatry & Psychology. December 2004. V. 15. No 4. P. 620–641.
24 **Snowden R. J., Wichter J., Gray N. S**. Implicit and Explicit Measurements of Sexual Preference in Gay and Heterosexual Men: A Comparison of Priming Techniques and the Implicit Association Task // Arch Sex Behave. 2008. V. 37. P. 558–565. Published online: 27 February 2007. Springer Science+Business Media, LLC 2007.
25 **Steffens M.C., Panning E. Y., Panning M**. Automatic Associations with «Erotic» in Child Sexual Offenders: Identifying Those in Danger of Reoffence. Sexual Offender Treatment. 2008. V. 3. P. 1–9.
26 **Steinman R. B., Karpinski A.** The Single Category Implicit Association Test (SC-IAT) as a Measure of Implicit Consumer Attitudes // Europ. J. of Social Sciences. 2008. V. 7. No 1.
27 **Wigboldus D. H. J., Holland R. W. & van Knippenberg A.** Single Target Implicit Associations. Manuscript submitted for publication. 2004.

СИСТЕМА РОССИЙСКИХ ТРАДИЦИЙ В СТУДЕНЧЕСКОМ САМОУПРАВЛЕНИИ

Гостев А. Н.
МГПУ, Москва

В статье анализируется влияние российских традиций на развитие системы студенческого самоуправления в высшей школе. На основе обобщения знаний, изложенных в научной литературе, и результатов конкретного социологического исследования предлагаются новые теоретические положения и практические рекомендации по совершенствованию студенческого самоуправления.
Ключевые слова: самоуправление, студенческое самоуправление, традиции, традиции в системе студенческого самоуправления

THE SYSTEM OF RUSSIAN TRADITIONS IN STUDENT SELF-GOVERNMENT

Gostev A. N.
MCTTU, Moscow

In this article the influence of the Russian traditions on a student self-government system development at the higher school is analyzed. On the basis of knowledge generalization written in the scientific literature and the results of the sociological research a new theoretical provision and practical recommendations on student self-government improvement are offered.
Key words: self-government, student self-government, traditions, traditions in a student self-government system.

Введение

Актуальность исследования системы российских традиций в студенческом самоуправлении обусловливается потребностями теории и практики социального управления образованием. Самоуправление, как показывает социальная практика, — это необходимый элемент в механизме модернизации образования. Многочисленность (более 6 490 000 студентов в 2011–2012 гг., [13, с. 189], рис. 1), социальная активность этой страты молодежи позволяет оказывать давление на административные системы вузов, региональные и федеральные органы управления образованием с целью рационализации педагогического процесса, повышения уровня качества предоставляемых ими услуг.

Период студенчества — время личностного и профессионального роста человека. В этот период студент должен включиться в различные виды деятельности, чтобы адаптироваться к конкурентной рыночной среде. В связи с этим студенческое самоуправление выполняет функции: представление интересов студенчества перед администрацией образовательного учреждения и вне его (на уровнях:

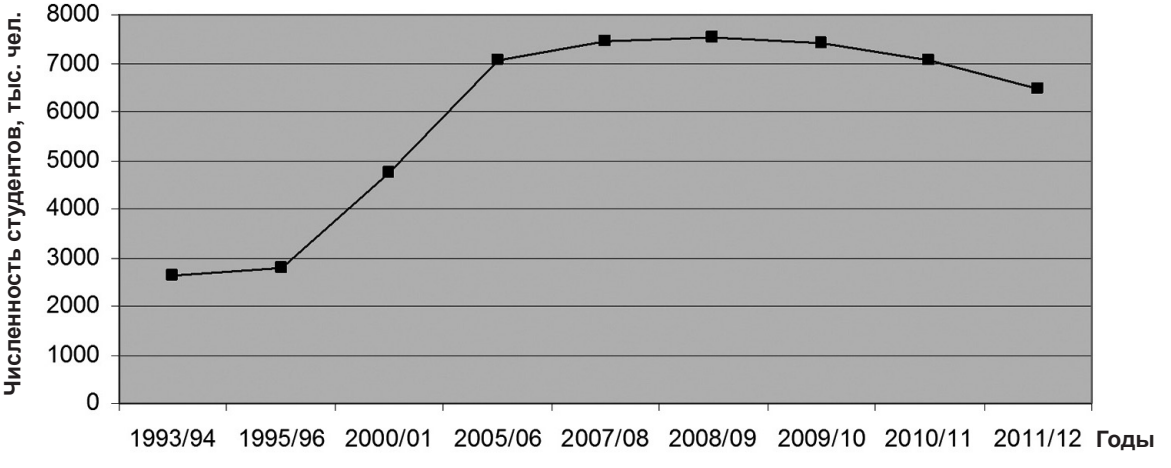

Рис. 1. Численность студентов в России

межвузовском, местном, региональном, федеральном); взаимодействие с администрацией, руководителями структурных подразделений образовательного учреждения, осуществляющих учебную и воспитательную работу со студентами; информирование студенчества, администрации, преподавателей, сотрудников образовательного учреждения о разнообразных условиях студенческой жизни; участие в разработке нормативной правой базы для различных сфер жизнедеятельности студенческой молодежи и активного включения ее в социально-значимую деятельность; формирование, обучение студенческого актива образовательного учреждения и др.

Пассивность большинства современной студенческой молодежи, ее неспособность отстаивать свои интересы отражается и в теории. Например, в научной литературе нет определения категории «студенчество», где бы заявлялись его управленческие качества, обусловленные российскими традициями; способность к объединению; самоуправлению; организации социального контроля над системой предоставления образовательных услуг. Так, А. Е. Иванов в работе «Студенчество России конца XIX – начала XX в.: социально-историческая судьба» охарактеризовал этот социальный феномен как «особую, специфическую общность молодежи, консолидируемую высокой концентрацией в центрах обучения, единым правовым статусом, сходными материально-бытовыми условиями жизни, однородностью повседневной, являющейся родом профессиональной деятельности учебой во имя достижения общей цели — получения диплома о высшем образовании» [8, с. 6]. Это определение не отражает всей палитры социальной практики и подлежит критическому анализу. Во-первых, в настоящее время (и в прошлом) студенты находятся (находились) в различных материально-бытовых условиях жизни. Эта категория молодежи конца XIX – начала XX в. и ранее также сильно различались в материально-бытовом плане, так как высшее образование получали тогда молодые люди из богатых и из бедных сословий. Что касается цели образования, получение диплома — это не совсем корректное утверждение. Диплом — документ, свидетельствующий об окончании учебного заведения и присуждении специальности. Целью же образования является получение необходимых знаний для трудовой деятельности в сфере выбранной специальности.

Точнее в социальном контексте раскрыл эту категорию М. В. Вернадский. Он утверждал, что «студенчество — это интеллигенция в стадии ее окончательного формирования перед началом практической деятельности. Общественно-культурная физиономия студенчества определяет духовный облик начинающего “интеллигента”, раскрывает и объясняет многие элементы общественного настроения» [5, с. 259]. Его мнение о том, что «студенчество объясняет многие элементы общественного настроения», согласуется с социальной практикой. Действительно, современное российское студенчество достаточно пассивно не только в общественно-политической жизни страны, но и в отношениях к системе образования, на которую оно может непосредственно влиять чрез создание органов самоуправления (рис. 2).

Как видно на рисунке, лишь 12% студентов готовы участвовать в организациях самоуправления; 24% — участвовать будут, если их стимулировать; 37% — не будут участвовать ни при каких условиях; 27% — затруднились ответить. Безусловно, это может свидетельствовать о подавленном настроении общества. Такое определение характеризуют студенческую молодежь, как не только вузовское сообщество, но и как социокультурную социальную структуру (и, конечно, страту), смысл которой — объединение студентов, их самоорганизация. Это показатель критического способа мышления, активной гражданской позиции, характеризующей их как общественную группу интеллигенции.

Анализ российских традиций показывает, что их сохранение и развитие зависит от соответствующей направленности социального управления образованием. Это видно из истории высшей школы России. В ряду многих российских традиций в системе управления образованием особое место занимает студенческое самоуправление. Ошибочно считать, что в России это явление новое. Разумеется, это новое в современной нормативной правовой базе. Однако оно (новое) обусловлено тем, что изменилась социально-экономическая парадигма государства, трансформировались в сторону прагматизма социальные ценности молодежи. Вместо патриотизма, чести, достоинства, общественной совести, добровольного и добросовестного труда в студенческих коллективах интенсивное развитие получают такие ценности, как деньги, материальное благополучие, индивидуализм и др. Это соци-

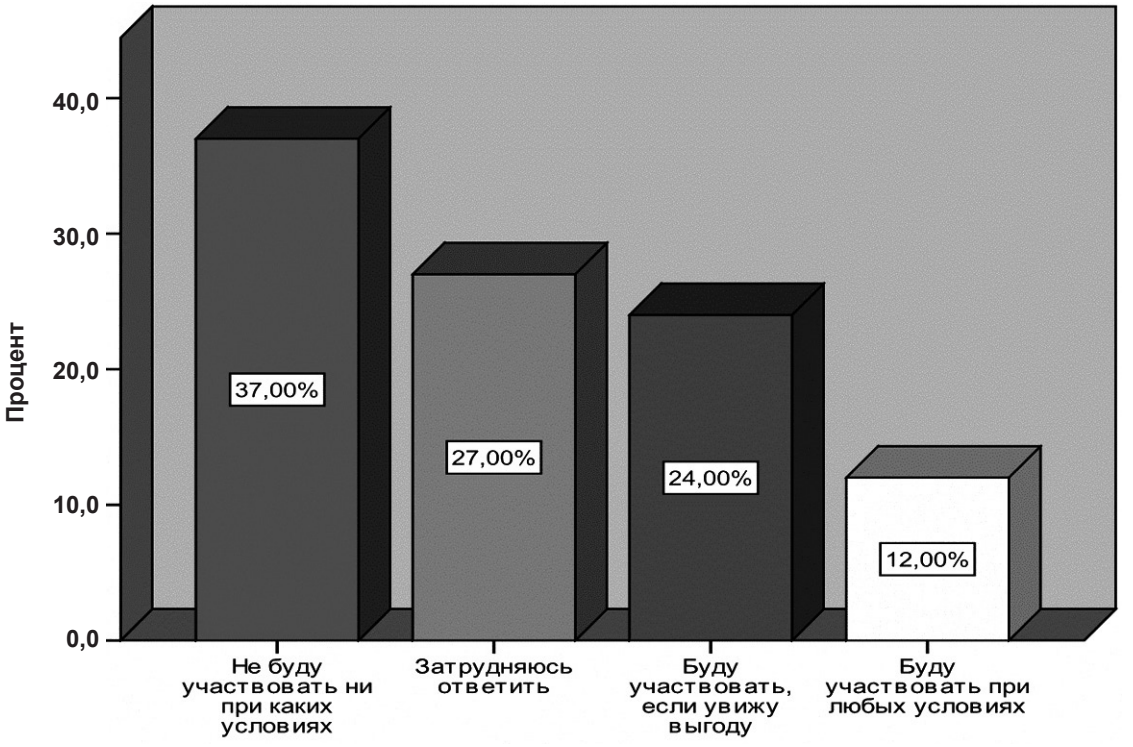

Рис. 2 – Перспективы участия студентов в организациях самоуправления

ально опасное явление, так как, во-первых, такие люди быстро объединяются в радикальные закрытые группы, получать информацию о них, контролировать их становится затруднительно; во-вторых, объединяются они с прагматической целью обеспечения личного материального благополучия; в-третьих, таким контингентом молодых людей рационально и эффективно управлять невозможно без строгих административных, «репрессивных» мер. Безусловно, в соответствии с основным законом управления, когда возникает актуализированная, трудно удовлетворяемая потребность, необходимо создавать специализированную структуру. Поэтому проблема развития и укрепления института самоуправления студентов — объективна. Эту задачу можно решить, используя имеющийся отечественный опыт, основанный на российских традициях.

Как известно, самоуправление — это автономное функционирование какой-либо организационной системы, управляемое, как правило, выборными структурами. Целью студенческого самоуправления является создание условий, способствующих самореализации студентов в профессиональной и творческой сфере, решению проблем в различных областях студенческой жизни. Студенческое самоуправление в России всегда было формой молодежной политики, проводимой в целях консолидации молодежного общественного движения, наиболее полного использования его потенциала в социально-экономических преобразованиях общества. Но этот феномен не является следствием демократических свобод, он традиционен в российском общинном менталитете. Поэтому необходим возврат к прошлым традициям. А они, как показывают результаты ретроспективного исследования, имеют давнюю историю, устойчивы, соответствуют условиям жизни русского этноса. К сожалению, как свидетельствуют результаты анкетного опроса среди студентов московских государственных и негосударственных вузов, они в основном неизвестны студентам.

2 Развитие студенческого самоуправления в России

Между тем, содержательный анализ дошедших до настоящего время различных документов показывает, что студенческое самоуправление в России было уже в Московском, Санкт-Петербургском, Дерптском и Казанском и других университетах. Например, в 1757 г. по инициативе студентов МГУ было создано литературно-научное сообщество, где студенты с помощью профессоров вуза могли совершенствовать свои знания в литературе, риторике, стихосложении. В последующие годы в университете создава-

лись многочисленные сообщества и кружки по интересам. В Дерптском университете в 20-е годы XIX в. функционировали 3 корпорации — «Эстония», «Ливония» и «Фратернитас Ридженсис». Позже были образованы корпорации польских и русских студентов. Они создавались по принципу землячества. В конце XIX – начале XX в. в Российской империи не было ни одного высшего учебного заведения, за исключением привилегированных, т. е. «закрытых», где бы не было землячеств [8, с. 44]. Этот феномен — чисто российское самобытное институционально-молодежное явление. Оно оказывало приехавшему на учебу из отдаленных регионов страны молодому человеку, нередко подверженному ностальгическим чувствованиям одиночества, скорую моральную и материальную поддержку [8, с. 45]. Сегодня эта традиция в вузах не развивается, не управляется вузовскими структурами, хотя неформально землячества существуют. Они могли бы принести значительную пользу вузам.

В это время создавались и кооперативные организации — студенческое предпринимательство, в сферу которого входили как привычные учреждения студенческих организаций в виде бирж (бюро) труда, касс и обществ взаимопомощи, столовых, образовавшихся в основном в 60–90-е годы XIX в., так и совершенно новые, появившиеся после первой русской революции. Это потребительские общества, лавочки и магазины, издательства учебных пособий. Примером типичного студенческого кооперативного торгово-закупочного «предприятия» был «Потребительский кружок» при Петербургском политехническом институте, созданный в 1906 г. Там студентам продавались товары с существенной скидкой: чай от фирмы К. и С. Поповых — на 28%, табак от фирмы Андреева — на 10—20%, парфюмерия от фирмы Кёлер и Брокар — на 25–30%, конфеты, шоколад — на 25%. Этот «кружок» обслуживал всех студентов [8, с. 45]. Данный опыт может быть применим и в настоящих условиях. Для этого есть все условия и желание многих студентов, вынужденных «подрабатывать» во время учебы за стенами учебных учреждений (рис. 3).

Так, результаты социологического исследования, проведенного по теме «Российские традиции в системе управления вузовским образованием» (выборка 398 чел.) показали, что в случае получения разрешения на открытие предприятия малого предпринимательства оказались уверенно готовыми применить свои знания, умения и навыки, полученные в бизнесе вне вузов, стали бы работать в подобных структурах —15% респондентов; 40% — отказались бы; сомневаются, но откроют — 21%; не определились — 24%. Причем 53% студентов приветствовали бы такое положение дел. Примечательно, что не оказалось респондентов, которые бы стали противниками такой

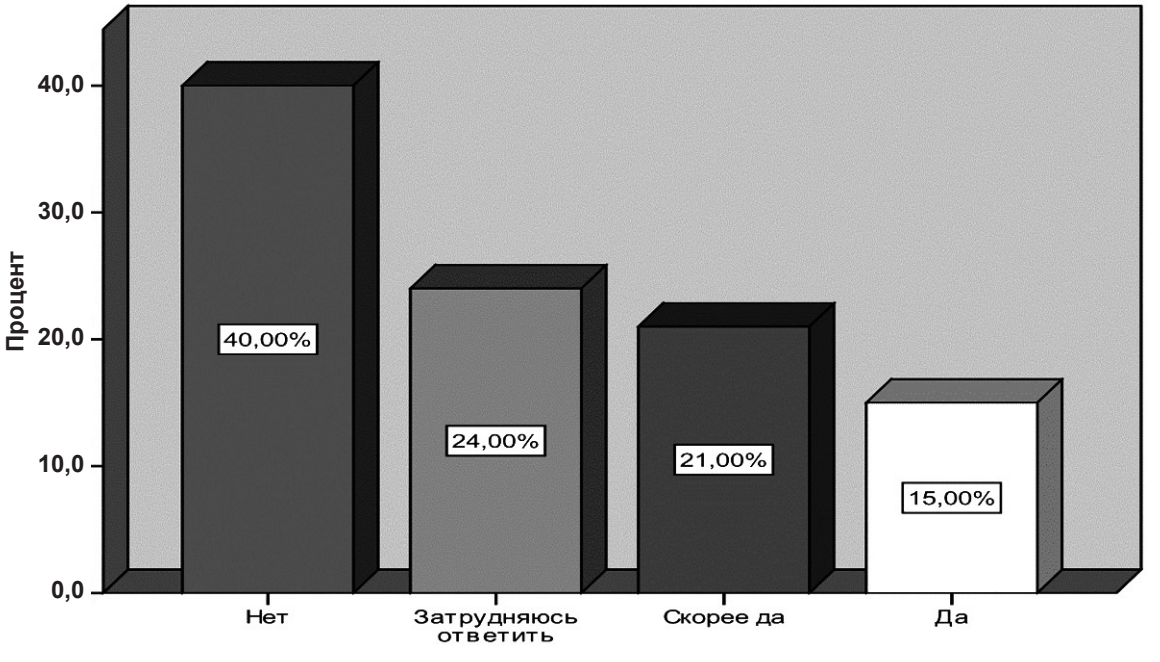

Рис. 3. Отношение студентов к открытию своего предпринимательского дела в стенах вуза

инициативы. Подобная кооперативная студенческая организация в настоящее время сохранилась в Финляндии. В университете города Хельсинки существует Студенческий союз. Он создал работающую сеть практически всесторонней социальной поддержки студентов. Студенты, которые приезжают сюда учиться из разных концов страны, имеют возможность снимать недорогое жилье, питаться в дешевых кафе, пользоваться медицинскими услугами в специальных центрах, получать правовые консультации. Подобная форма материальной поддержки учащихся в университетах существовала в России еще почти 200 лет назад. В 1834 г. в Дерптском университете впервые было созвано «собрание уполномоченных» — общеуниверситетский конвент, на котором присутствовали представители всех корпораций. Целью конвента являлось обсуждение учебного процесса, участия в нем студентов, академической успеваемости. Администрация университета благосклонно относилась к существованию этих корпораций.

Примечательно, что все организации самоуправления в вузах не были чисто студенческим явлением. Все они поддерживались извне, т. е., говоря современным языком, «институтами гражданского общества»: литераторами, политическими организациями, дворянским сообществом, этническими диаспорами, меценатами, купечеством и др. Например, 13 марта 1781 г. была создана студенческая организация — «Студенческое научно-просветительское общество собрания университетских питомцев» под покровительством куратора и ректора Московского Университета М. М. Хераскова. В годы царствования Александра I (1777–1825) в России было открыто сразу несколько университетов. С его разрешения деятельности студентов была предоставлена большая свобода и самостоятельность. Студенты могли создавать всевозможные научные общества, а также корпорации, которые регламентировали студенческую жизнь в университете. Они создавались инициативно, всегда поддерживались и управлялись вузовским руководством. В Уставе университов не было указания на существование иных форм объединения студентов, кроме как сформированных по принципу повышения качества и разносторонности образования. Разумеется для того периода это было правильное решение.

К середине 30-х годов XIX в. студенчество, как и вся страта интеллигенции, активизировалось, возросла его политическая активность, что инициировало создание не только образовательных структур самоуправления, но и политических. Политические интересы студенчества в то время превалировали даже над интересами материально-бытовыми и академическими, хотя последние, будучи постоянно ущемляемыми, непосредственно подогревали студенческое недовольство, а нередко являлись социальным детонатором. Например, уже в конце XIX в. начались всероссийские студенческие забастовки, которые обусловили введение корпоративного устройства студенческого самоуправления для того, чтобы как-то регулировать их нарастающую активность. Органы студенческого самоуправления обязывались не менее двух раз в год представлять ректору отчет о своей деятельности. Руководитель вуза имел право особым лицом, либо специальной комиссией производить внезапные ревизии этих структур [9, с. 33].

Революционные события начала XX в. изменили форму студенческих организаций. Они привели к укрупнению организационных форм студенческого социума. В это время создавались факультетские, межфакультетские и общегородские органы студенческого самоуправления, которые избирались собраниями учащихся. Студенческая активность и самоуправление уже жестко не контролировались властью. Бывший министр народного просвещения И. И. Толстой писал в 1907 г.: «Университет стал огромным политическим телом, живущим с раннего утра до поздней ночи и пользующимся полным самоуправлением, независимым от какого-либо университетского и вообще правительственного начальства. От такого самоуправления всецело зависит организация сходок, рефератов, выработка резолюций и решений по политическим, социальным и отчасти общественно-этическим вопросам» [15, с. 92].

Советский период развития студенческого самоуправления, как показывают результаты содержательного анализа научной литературы, является образцово-показательным. Его опыт в настоящее время используется во многих зарубежных странах. Несмотря на сложнейшие политические, социально-экономические и иные проблемы того времени советские органы государственного управления проводили рациональную молодежную политику. Например, в 1918 г. был создан Народный Комиссариат Просвещения, который обязал

структуры административного вузовского управления возрождать российские традиции научно-просветительских обществ.

В 30-е годы во всех вузах были так называемые «вузкомы» — вузовские комитеты ВЛКСМ. Например, в МГУ 3–5 апреля 1930 г. на отчетно-выборной конференции комсомольской организации был избран первый состав вузкома. Разумеется, учитывая революционный опыт, советское государственное руководство справедливо усилило регулирование студенческого самоуправления. Оно поставило преграды для проникновения туда радикальных личностей. Например, принцип выборности действовал только в отношении тех студентов, которые вступали в комсомол, коммунистическую партию.

С середины 30-х гг. XX в. в стране активно развивались традиционные для России научно-просветительские общества. Например, в 1934 г. прошла первая конференция молодых ученых вузов, а с 1939 г. в учебных учреждениях началось издание сборников научных студенческих работ. Начиная с 1940 г., налаживается деятельность научных кружков и иных организаций, продвигающих студенческую науку. Летом 1959 г. началась работа первого студенческого строительного отряда. С 1964 г. в вузах страны создаются студенческие советы, которые координировали работу по интернациональному воспитанию обучаемых. В это же время образовываются советы молодых ученых. В 1969 г. образован Молодежный совет МГУ по охране природы, в 1976 г. начал работу студенческий педагогический отряд [11, с. 62].

К сожалению, этот процесс перестал развиваться в 1990-е гг. В этот период часть вузовских традиций было утрачено, а многие социальные ценности, которым следовали обучающиеся, стали непопулярными. Современная вузовская практика показывает, что, студенческое самоуправление находится в неорганизованном состоянии. Оно ситуативно и спонтанно. В системе управления образованием нет рациональных, хорошо стимулируемых организационных структур, целенаправленно регулирующих процесс развития студенческого самоуправления. Поэтому в настоящее время российские студенческие организации чаще всего не в состоянии обеспечить эффективное посредничество между обучающимися и структурами управления вуза. Молчаливое большинство студентов приходят в институты только затем, чтобы получить диплом о высшем образовании. Для них повышение качества образования и, соответственно, требований к подготовке на семинарах и экзаменах представляет скорее угрозу, чем благо. Помимо этих причин, стоит отметить, что студенты пассивны из-за отсутствия успешного примера протестных акций и не верят в эффективность этих действий.

3 Стимулы развития студенческого самоуправления

Как показывают результаты исследования отечественного и западного опыта, студенческое самоуправление не может существовать без финансового стимулирования. И это объективно в условиях капиталистического общества, где основной ценностью являются деньги. Разумеется, финансовое стимулирование может быть не только прямым, но и косвенным. Например, было традиционным, когда лидеры студенческого самоуправления получали преимущество в пользовании всем комплексом имеющихся в вузах материальных благ, в карьерном росте, что, в свою очередь, предполагало более высокий уровень заработной платы. Как правило, работа студента в системе самоуправления являлась весомым аргументом в поощрении его различного рода и уровня стипендиями. Например, наряду с государственными федеральными, региональными стипендиями во многих российских вузах практикуются и специализированные, частные. Так, в Московском городском педагогическом университете (МГПУ) студентам присуждаются стипендии имени Л. А. Венгера, В. В. Давыдова, А. В. Петровского, Д. Б. Эльконина, М. М. Коченова и др. В негосударственных вузах персональные стипендии выдаются на год студентам, отличившимся в учебе, научной деятельности, общественной работе. Например, в Современной гуманитарной академии (СГА) студентам, имеющим значительные успехи в обучении и участии в самоуправлении (общественной жизни вуза), выплачиваются стипендии: администраций городов, где находятся филиалы академии; Оксфордского Российского фонда; фондов В. В. Потанина, им. А. А. Собчака, им. В. Г. Харченко, им. М. М. Ковалевского; Римская стипендия и др. В Московском институте имени Е. Р. Дашковой существует «Стипендия имени княгини Е. Р. Дашковой», которая представляется студентам за отличную

учебу и активное участие в научно-исследовательской и общественной жизни института.

Стипендиальные программы являются неотъемлемой традицией как в образовании, так и в студенческом самоуправлении. Например, в США этот способ стимулирования студентов позволяет им оплачивать изучаемые курсы, питание в университетском кафетерии, посещение внеклассных мероприятий, покупку учебников, оплату общежития и т.д. Там стипендия предоставляется не только государством, но и частными лицами, фондами и организациями, что составляет основной капитал высших учебных заведений [7, с. 9].

На уровень развития студенческого самоуправления влияют вузовские традиции, которые, в числе прочего, отражаются в миссии, гербе, гимне, наградах и другой символике. Следует отметить, что символика — важнейший компонент традиций. Это подтверждается отечественным опытом советского государства. Например, в довоенные годы степень спортивной подготовленности человека отмечалась соответствующими (по 3 степеням) значками: «Готов к труду и обороне», «Ворошиловский стрелок», «Моряк», «Готов к ПВХО», «Готов к санитарной обороне». Значок вручался человеку после сдачи специальных нормативов. Следует отметить, что макеты значков утверждались лично И. В. Сталиным, что свидетельствует о внимании к этой проблеме высшего руководства страны, делались из томпака, с горячей эмалью, накладными элементами, имели винтовое крепление. Они очень ценились молодежью и являлись, по существу, наградами.

Другой важнейшей традицией организаций студенческого самоуправления в вузах СССР было патриотическое воспитание. Оно включало в себя следующие элементы: воспитание высокого чувства гордости за свою страну; формирование приверженности идеалам и ценностям советского образа жизни, убежденности в справедливости и исключительности социальных и экономических устоев в СССР; пропаганду достижений советского образа жизни. Особое внимание в вузах страны уделялось формированию у студентов мотивации на успешное обучение. Это достигалось умелым предоставлением разнообразных социально-экономических льгот. В вузах СССР считалось, что с помощью традиций легче направлять деятельность и регулировать поведение студентов, чем создавать лишние правовые ограничения. Традиции способствовали успешному формированию у студентов гордости за принадлежность к вузу. К таким традициям относились празднования вузовских исторических дат и юбилеев. Причем круг исторических дат и фактов, служащих основанием для торжеств, был очень широк. К каждой знаменательной дате издавались книги, брошюры, пластинки, фильмы, знаки, вымпелы и т.п. Многие вузовские традиции «заземляли», психологически прикрепляли студентов к определенной деятельности в системе самоуправления, способствовали формированию у них ответственности за порученное дело, социальному единению. Люди объединялись одними условиями деятельности, едиными взглядами, нормами поведения, привычками. Данные традиции наблюдались во многих вузах страны. Так, каждый факультет имел свою историю, своих авторитетных представителей, добившихся значительных успехов в науке, карьере за стенами вуза; у них были свои девизы, вымпелы, знаки отличия и т.д. Каждый факультет имел подшефные школы, предприятия, воинские части.

Следует отметить, что многие позитивные традиции студенческого самоуправления советского периода современными исследователями не изучаются. Например, в США существует Ассоциация студенческого самоуправления, которая представляет и защищает права студентов. Американские студенты имеют немалые права: они принимают участие в работе сената преподавателей. Студенты магистратуры и докторантуры являются членами комиссий по подбору кандидата на должность преподавателя при проведении конкурса на замещение вакантных должностей на кафедрах с правом решающего голоса. Они могут выступить с предложением о включении новых предметов или новых специальностей [7, с. 102]. Все подобное было и в советских вузах. Лидеры студенческого самоуправления входили в состав Ученых советов вузов, комитеты ВЛКСМ, парткомы КПСС. Кроме того, представители последних в некоторых регионах страны были представлены и в районных партийных и комсомольских организациях, в местных Советах народных депутатов. В их составе они имели возможность влиять через голосование, выступления на все сферы жизнедеятельности не только вуза, но и на управление территорией, где дислоцировался (располагался) вуз. Любое критическое выступление представителя студентов в этих организациях, как правило, становилось предметом дискус-

сии и принятия позитивного решения. Результаты анализа современной вузовской практики показывают, что эта традиция в основном утрачена. Подтверждают это утверждение и результаты анкетного опроса. Ни один респондент не смог назвать своего представителя, включенного в состав органов управления вузом. Хотя формально это положение закреплено в нормативной правовой базе.

Заключение

Таким образом, следование российским традициям в системе студенческого самоуправления, как показывает социальная практика— это необходимый элемент в механизме модернизации образования, условие реализации западной модели образования в нашей стране.

Студенческое самоуправление — это показатель критического способа мышления, активной гражданской позиции, характеризующей студентов как общественную группу интеллигенции. Его целью является создание условий, способствующих самореализации студентов в профессиональной и творческой сфере, решению проблем в различных областях студенческой жизни. Студенческое самоуправление в России всегда было формой молодежной политики, проводимой в целях консолидации молодежного общественного движения, наиболее полного использования его потенциала в социально-экономических преобразованиях общества. Но этот феномен не является следствием демократических свобод, он — традиционен в российском общинном менталитете.

Формами студенческого самоуправления в России были: литературно-научные сообщества; землячества; студенческое предпринимательство; организации студенческой взаимопомощи; потребительские общества, издательства учебных пособий; студенческие союзы; «собрания уполномоченных»; делегирование своих представителей в структуры федерального, регионального, местного, вузовского управления и др.

Для совершенствования студенческого самоуправления необходимо рационализировать нормативную правовую базу. Разрешить партиям, общественным организациям и движениям, институтам гражданского общества (в том числе коммерческим организациям) создавать свои структуры в вузах; наделить студенческие организации самоуправления правом контроля над администрациями вузов, участия в разработке и реализации управленческих решений.

Литература

1 **Арутюнов В. С.** Наука о России. От настоящего к будущему / под ред. В. С. Арутюнова, Г. В. Лисичкина, Г. Г. Малинецкого. М.: Книжный дом «ЛИБРОКОМ», 2009.
2 **Бердяев Н. А.** Истоки и смысл русского коммунизма. М.: Наука, 1990. С. 7–8.
3 **Бердяев Н. А**. Русская идея. Основные проблемы русской мысли XIX и начала XX века // О России и русской философской культуре: философы послеоктябрьского зарубежья. М.: Наука, 1990. С. 44.
4 Большая советская энциклопедия / под общ. ред. К. Е. Ворошилова [и др.] М.: Советская энциклопедия. 1945. Т. 51.
5 **Вернадский М. В.** Памяти М.В. Ломоносова. Запросы жизни. 1911. № 5.
6 **Гоголь Н. В.** Выбранные места из переписки с друзьями. СПб.: Азбука-классика, 2005.
7 **Дмитриев Г. Д**. Анатомия американского университета. М.: Школьные технологии, 2010. С. 9, 102.
8 **Иванов А. Е.** Студенчество России конца XIX – начала XX века: социально-историческая судьба. М.: РОССПЭН, 1999. С. 6, 44.
9 **Иванов А. Е.** Студенческая корпорация России конца IX – начала XX века: опыт культурной и политической самоорганизации. М.: Новый хронограф, 2004. С. 33.
10 История педагогики и образования. От зарождения воспитания в первобытном обществе до конца XX века: учеб. пособие для пед. учеб. заведений / под общ. ред. А. И. Пискунова [и др.]. 3-е изд., испр. и доп. М.: ТЦ Сфера, 2006.
11 Органы студенческого самоуправления: правовое обеспечение и перспективы развития (по материалам «круглого стола» Комиссии Совета Федерации по делам молодежи и туризму, 28 февраля 2011 года) / сост. Т. А. Федотовская [и др.] // Аналитический вестник. М., 2011. № 7 (419).
12 Российская газета. 2001. 14 июля.
13 Россия в цифрах. 2012: крат. стат. сб. / Росстат. М., 2012.
14 **Сараева Е. Л**. Русское западничество: идеология национального самоопределения: монография. Ярославль: ЯГПУ им. К. Д. Ушинского, 2009.
15 **Толстой И. И.** Дневник. 1906–1916. Публ. Л. Н. Толстого. СПб.: Фонд регионального развития Санкт-Петербурга, 1997.
16 **Щеглова Л. В.** Судьбы российского самопознания (П. Я. Чаадаев и Н. В. Гоголь): монография. Волгоград: Перемена, 2000.

ГЛОБАЛИЗАЦИЯ, ГЛОБАЛИЗМ, АНТИГЛОБАЛИЗМ И РОССИЯ

Староверов В. И.
МГПУ, Москва

В статье раскрывается социальная сущность процессов глобализации, глобализма и антиглобализма и место современной России в переплетении этих общемировых явлений. *Глобализация* характеризуется как эволюционный процесс естественноисторического становления планетарного общежития человечества, *глобализм* — как производный от нее искусственный геополитический инструмент построения нового однополярного мирового порядка, *антиглобализм* — как сложное, противоречивое по своим частным целям движение сопротивления насильственному насаждению глобализма.
Ключевые слова: глобализация – деглобализация, глобализм – антиглобализм, геополитика, социально-пространственная организация жизнедеятельности, цивилизационные парадигмы, системность взаимосвязей, стратегии выбора, доктринальные установки, национальная безопасность.

GLOBALIZATION, GLOBALISM, ANTI-GLOBALISM AND RUSSIA

Staroverov V. I.
MCTTU, Moscow

In this article the social essence of the globalization processes, globalism and anti-globalism is presented and the place of modern Russia in an interlacing of these universal phenomena is shown. Globalization: it is characterized as the evolutionary process of natural-historical formation of a mankind planetary hostel; globalism — it is characterized as the artificial geopolitical instrument of a new unipolar world order construction, anti-globalism — it is characterized as a complicated, inconsistent resistance movement on the private purposes to violent planting of a globalism.
Key words: globalization, globalism – anti-globalism, geopolitics, social and spatial organization of activity, civilizational paradigms, systemic character of interrelations, choice strategies, arrangements of a doctrine, national security.

Введение

В конце XX столетия человечество вступило в состояние завершения системной взаимосвязи всех аспектов своего развития и региональных сегментов социально-пространственной организации его жизнедеятельности. Этот момент совпал с исчерпанием ресурсно-биосферных возможностей стохастического существования и развития человечества, что резко актуализировало выбор им своего дальнейшего исторического движения. Выбор этот весьма ограничен и вместе с тем важен для существования многих национальных государств, стран и народов. Это ставит перед ними, в том числе и перед современной Россией, задачу выработки, учитывающей обозначенные выше моменты, стратегии собственного выживания и дальнейшего развития. Возможность решения данной задачи зависит, во-первых, от того, в каком направлении будут осуществляться процессы глобализации, т. е. от выбора человечеством того или иного пути своего исторического движения, во-вторых, от отношения руководства и народов той или иной страны к этому выбору.

Таким образом, перед руководителями государств, лидерами оппозиции, научной общественностью стоят ответственные задачи оценки сути и тенденций глобального развития человечества, выработки и реализации соответствующей им национальной доктрины выживания и развития.

1 Социальная сущность глобализации и глобализма

Проблемы глобализации и их последствий выдвинуты объективным развитием человечества. В самом общем виде, «глобализация предполагает включение в современную цивилизацию лучших достижений национальных сообществ и переход к системам управления с позиций коэволюции, а также сохранение традиций, обычаев, менталитета» [11]. Это мейнстрим эволюционного развития человечества. Предположительно, впервые термин «глобализация» употребил в 1987 г. Т. Левитт в статье «Harvard Business Rewiew», характеризуя процессы слияния рынков транснациональных корпораций [1]. Современная трактовка этого понятия в некоторых концепциях страдает, так

или иначе, идеологизацией новейшего этапа и переносом его маркирования на предыдущие временные стадии и, следовательно, на всю качественную природу совокупности давно известных философам процессов поступательного всемирно-исторического развития человечества.

Подходя к истории как к исследованию человеческих отношений, А. Тойнби писал в труде «Постижение истории», что подлинным ее предметом является «жизнь общества, взятая как во внутренних, так и во внешних ее аспектах. Внутренняя сторона есть выражение жизни любого данного общества в последовательности глав его истории, в совокупности всех составляющих его общин. Внешний аспект — это отношения между отдельными обществами, развернутые во Времени и Пространстве» [12]. Процессы всемирно-исторического развития представляют собой именно такое пространственно-временное развертывание названных отношений. Известны и узловые, знаменовавшиеся качественными сдвигами в этих процессах, вехи человеческого развития: «неолит – бронзовый век – промышленно-техническая – современная научно-техническая революция». Каждая эта веха примечательна своими способами производства, соответствующими им *общественными формациями,* своими парадигмами *цивилизационных*, в социально-культурном смысле, *изменений* и доминирующими *социально-гуманитарными* типами личности. Что принципиально важно не только для выбора теоретико-методологических оснований анализа и прогноза глобальных тенденций развития, но и для выработки национальной доктрины и политики, — как внешней, так и внутренней, — поведения той или иной страны и ее ведущих политических сил в связи с этими тенденциями.

В позитивном, не идеологизированном, выражении современная глобализация представляет собой качественно новый скачок во всемирно-историческом развитии человечества. Суть этого скачка в столь значительном усилении *взаимозависимости* ранее развертывавшихся почти независимо друг от друга процессов всемирно-исторического развития, что оно обретает законченно системный характер и становится реальным фундаментом зарождения и грядущей институализации человеческого социума. Именно эти объективные процессы всемирно-исторического развития, порожденные ими сегодня качественно новые связи между обществами, значение их для современного функционирования, а еще больше для обозримого будущего человеческого социума и каждой отдельной страны, и начинают приобретать форму *дисциплинарного научного знания*. Оно все чаще находит выражение в виде *теоретических концепций*, *прикладных прогнозов* глобализации и глобальных тенденций развития, которые оказывают порою решающее влияние на теорию социального развития и практику как внутренней, так и внешней политики ведущих стран мира.

Глобализация, как системный процесс всемирно-исторического эволюционного развития, могла бы стать объективным фундаментом для высокоэффективного, основанного на взаимовыгодном сотрудничестве всех стран, народов и обществ экономического, социального, культурного и духовного развития человечества, постепенной трансформации его в относительно единый социум. Движение в этом направлении наблюдалось в конце XIX, во второй половине XX в., когда, как объективно-историческое выражение общественной стороны научно-технического прогресса, переросшего в современную НТР, начала развиваться международная экономическая, политическая и военная интеграция: сначала регионального и блокового, а затем — и системного характера. Ведущими направлениями этого развития было формирование открытых мировых рынков и интернационализация экономики как форм роста взаимосвязи и взаимозависимости национальных и региональных хозяйств, а также первых признаков зарождения относительно единого мирового хозяйства. Данные тенденции естественноисторической глобализации изначально наталкивались на препятствия, которые создавались и воспроизводились природным эгоизмом, основанным на голой, как писал М. Вебер, наживе [2] общественно-экономической организации, доминирующей в мире цивилизаций, особенно западной. В работах таких классиков экономики рубежа XIX–XX вв., как Д. А. Гобсон, Р. Гильфердинг, К. Каутский и др., это явление объясняется процессами перехода развитого капитализма в стадию империализма [5], который был примечателен:

а) установлением в экономической и политической жизни индустриально развитых обществ господства финансовой олигархии;

б) созданием подконтрольных ей банковских и промышленных монополий;
в) обострением созданными ими международными экономическими объединениями и монополиями конкурентной борьбы за рынки сбыта, источники сырья, сферы приложения капитала;
г) все более тесным и глубоким переплетением колониальных и неоколониальных форм эксплуатации экономически отсталых стран и регионов;
д) созданием, в целях проведения такой политики и защиты конкуренции своих монополий, военно-политических блоков, введением в постоянную практику локальных войн и агрессий.

Сегодня наряду с эволюционным феноменом естественноисторической глобализации существует параллельная ему, *управляемая* в интересах экономических и политических институтов и субъектов империализма, форсируемая *глобализация*, кратко называемая глобализмом. Империализм открыл эру качественно новых условий развития человечества, установив в качестве направляющей его доминанты *геополитические* факторы, подчинив им все прочие движущие силы общественного бытия. Что также необходимо иметь в виду, определяя теоретико-методологические посылки анализа и прогноза глобальных тенденций общественного развития и выработки стратегии национального выживания и развития.

2 Объективные и субъективные факторы глобализма

Формированию управляемой глобализации и вытекающих из нее геополитических доктрин искусственной институционализации глобализама способствовал ряд сопутствовавших переходу капитализма в стадию империализма обстоятельств. Прежде всего то, что переход от промышленно-технического прогресса к современной НТР и, соответственно, от национальных форм капитализма к империализму совпал еще с тремя процессами всемирно-исторического значения:

1) началом общепланетарной демографической революции;

2) отходом населения развитых стран от обеспечившей мощный импульс установлению капитализма протестантской этики бережливости и рациональности в личном и общественном потреблении и началом усвоения им на базе роста уровня жизни новых парадигмальных ценностей, знаменовавших либерализацию гедонизма и становление эры господства потребительства;

3) полным завершением к этому времени эры географических открытий и колониального раздела мира.

Первый процесс был вызван успехами медицины и общим подъемом уровня жизни, соответственно, со снижением смертности и ростом продолжительности жизни при сохранившихся у большинства народов традиционных брачных установках на естественную, не ограничиваемую рациональными соображениями рождаемость.

Последовавший, и сохранившийся на протяжении всего XX в., так называемый «демографический взрыв» перевел осужденную ранее общественным мнением концепцию Т. Р. Мальтуса [6] о несоответствии темпов роста населения темпам производства продовольствия в качественно новое измерение — быстрого уменьшения естественного права каждого жителя Земли на долю необходимых ему и его потомству для достойного существования ограниченных земных природных ресурсов. В развитых странах эта проблема обрела дополнительную остроту из-за проблем развития в них национального капитала. Столкнувшись с фактом раздела между формировавшимися международными картелями и монополиями мировых рынков сбыта национальный капитал усилил деятельность по расширению таковых в своих странах путем фабрикации у населения искусственных потребностей, замены ценимых ранее буржуазией ценностей — умеренности и бережливости — ценностями престижного сверхпотребления [7].

Потребительский престиж, как основа новой этики буржуазного бытия с помощью подконтрольных капиталу СМИ, постепенно овладел и массами населения развитых стран. В итоге, в них утвердилось *общество массового потребления*, что усугубило проблему доли естественно ограниченных природных ресурсов для достойного существования каждого землянина. На рассмотренные явления накладываются негативные результаты умножающихся возможностей разноцелевого использования достижений современной НТР, не только во имя общественного блага, но и иррациональных, неразумных целей. Так, например, ради умножения прибыли капитала эти возможности изначально

были поставлены в конфронтационные отношения к потребностям гармоничного функционирования и развития главного условия существования человека — природной среды. В итоге, к концу XX века естественно-воспроизводственные ресурсы последней истощились, мир оказался на пороге глобальных техногенных катаклизмов.

3 Цивилизационные вызовы глобализма

В свете ускоряющейся глобализации техногенных угроз биосферному миру все более реальным становится угроза уничтожения человеческой цивилизации: в биологическом аспекте она уже сейчас все труднее и хуже приспосабливается к искусственно создаваемым экологическим условиям своего функционирования и развития. Названные катаклизмы и угрозы, в принципе, можно предотвратить установлением разумных отношений «человек – природа». Но это также требует отказа всего человечества от некоторых соблазнов роста потребительства, а от капитала — некоторой умеренности. Опасность доктрины управляемой глобализации в том, что в этой доктрине насильственно форсируемая *глобализация экономики* сопрягается с такого же рода *глобализацией культуры*.

Цивилизационное перекодирование бóльшей части человечества не только не обеспечивает формирование единого общепланетарного сознания, т. е. осознание каждой личностью своей всечеловеческой, вселенской принадлежности, а наоборот — ведет эти нации и народы к утрате собственной самоидентификации, что чревато дезадаптацией личностного плана и утратой человечеством на длительное время, если не навсегда, значительной части уже сформированного им в ходе длительного исторического развития созидательного потенциала.

Как отмечает Г. В. Осипов, что хотя основной тенденцией развития современного мира принято считать глобализацию, это односторонняя концепция. «Современное развитие человеческой цивилизации включает два неразрывно связанных друг с другом процесса — глобализацию и деглобализацию… *Деглобализация* — это восстановление образа жизни национальных сообществ, противодействие попыткам свести все к единым образцам и шаблонам, будь то коммунистический, американский или иной образ и стиль жизни. Никогда, например, мусульманские народы не откажутся от своих традиционных устоев во имя «демократии» по американскому или некоему обобщенному западному образу и подобию» [9].

4 Опасность глобализма для современной России

В кратко обозначенной выше общемировой ситуации положение современной России особенно незавидное. Россия обладает огромным потенциалом возрождения на основе использования возможностей ее природных и интеллектуальных ресурсов, соединенных с достижениями современной НТР. Опираясь на него, она может использовать для своего возрождения колоссальные сырьевые богатства, энергетические, биотехнические, информационные и иные технологии [3]. Но в рамках доктрины управляемой глобализации этот потенциал использовать невозможно. Практическое решение задачи оградить страну от угроз управляемой глобализации затрудняется недостаточной научной проработкой ряда вопросов, связанных с управляемой глобализации. Между тем Россия уже подверглась влиянию управляемой глобализации, теряет свои геополитические позиции и национально-державную субъектность. Чтобы найти пути сохранения национальной самостоятельности и зарубежных союзников в борьбе за нее, необходима грамотная, научно обоснованная стратегия и гибкая тактика державной внешней и внутренней политики и работы с нашими сохранившимися и возможными союзниками — антиглобалистами.

Активно включаясь в общемировое антиглобалистское движение, России следует, прежде всего, решить проблему сотрудничества с ее союзниками, также стремящимися к мирному сохранению своей государственной самостоятельности, особенно в пространстве СНГ. У России есть свои жизненные интересы и геополитическое пространство их реализации. И она может, и должна стать силой, которая объединила бы разрозненные усилия своих реальных и потенциальных союзников. Для этого Россия должна решить сложные задачи анализа особенностей естественных процессов современного всемирно-исторического развития и разработки на его основе системной национальной доктрины ее державного возрождения.

Наука — как зарубежная, так и отечественная, уже накопила необходимый теоретико-

методологический и методический арсенал анализа и прогноза глобальных тенденций развития. Достаточно напомнить не использованные советским режимом аналитику и прогнозы 70-х годов, которые готовились АН СССР именно в связи с обострением угрожавших благополучию страны вызовов со стороны не решавшихся проблем, порождаемых современной НТР. Или аналогичные им прогнозно-аналитические работы Вычислительного Центра АН СССР, осуществленные под руководством Н. Моисеева, математическое моделирование глобальных процессов в связи с потребностями устойчивого развития, выполненное группой ученых под руководством академиков А. Коптюга и Н. Матросова, и другие работы. Не утратили своего эвристического потенциала и прогнозы Римского клуба, основанные на идеях системной динамики глобальные модели «Мир-1» и «Мир-2» Дж. Форрестера, а также модели «Мир-3» Д. Медоуза. К этому можно добавить математические теории иерархических многоуровневых систем кибернетических моделей и концепций органического роста М. Месаровича и Э. Пестеля, принципы планетарной взаимозависимости, гуманистического и социального порядка и планирования и т.д. К сожалению, эти плодотворные и довольно мощные методы и средства прагматического анализа в нашей стране и сегодня не используются или используются в отрыве от их монистической теоретико-методологической базы, в парадигме так называемого мультитеоретического плюрализма, что существенно снижает их познавательно-прогностический потенциал.

Заключение

Что касается места современной России в системе глобальных тенденций человеческого развития, соответственно, национальной доктрины ее собственного развития, то разработка концепции последнего зависит от политического целеполагания, прерогатива формулировки которой принадлежит не только руководителям государства, но и всему демократическому сообществу. Несомненно одно: Россия должна иметь определенную антиглобалистскую, исходящую из общенациональной безопасности доктрину. Положение ее в современном мире столь критическое, что у нее больше шансов исчезнуть со сцены мировой истории, чем выжить. Уже в начале минувшего десятилетия она, по расчетам ИСПИ РАН, опустилась по основным 24 параметрам своего развития в зону предкатастрофического характера. Последние годы не изменили ситуацию, скорее наоборот ухудшили, поскольку к объективным показателям добавились субъективные, в частности, в трудовой сфере — крайнее истощение созидательного потенциала населения, в демографической — синдром национального самоубийства, в культурно-духовной — массовое моральное и нравственное одичание и т.д. Для исправления сложившейся ситуации осталось не так много времени, и пока возможности есть, было бы преступлением перед нашими предками и потомками их упустить.

Литература

1 **Биндюков Н. Г.** Глобализация и Россия. М.: ИТРК, 2004.
2 **Вебер М**. Протестантская этика и дух капитализма // Избранные произведения. М.: Прогресс, 1990.
3 **Глазьев С. Ю**. Антикризисные меры в контексте структурных изменений в мировой экономике. Россия в условиях глобального кризиса. М.: ИСПИ РАН. 2009. С. 9–28.
4 Глобальные тенденции развития до 2115 г.: диалог о будущем с неправительственными экспертами. Доклад Национального разведовательного Совета США. URL: http://www. cia/gov/publications/globaltrends 2015/index.html.
5 **Гобсон Дж.** Эволюция современного капитализма. СПб., 1998.
6 **Мальтус Т**. Опыт о законе народонаселения // Антология экологической классики. М., 1993. С. 133–141.
7 **Маркузе Г**. Одномерный человек. М., 1994.
8 **Михайлов А.** Роковой день для человечества: хуже саранчи; американцы — главные «обжоры»… // РБК daily. Четверг, 22 сент. 2011. № 173 (1217). С. 11.
9 **Осипов Г. В.** Возрождение социологической науки в России. М.: Экономическое образование, 2012.
10 Основные направления социально-экономического развития Российской Федерации на долгосрочную перспективу. Проект. Пресс-служба Минэкономики РФ, 2004.
11 Россия: новая социальная реальность / под ред. Г. В. Осипова, В. В. Локосова. М., 2010. С. 10.
12 **Тойнби А. Дж**. Постижение истории. М.: Айрис-Пресс, 2002.

СИСТЕМНЫЙ АНАЛИЗ НЕКОТОРЫХ ПСИХОЛОГИЧЕСКИХ КАТЕГОРИЙ, ИСПОЛЬЗУЕМЫХ В СОЦИАЛЬНОЙ РАБОТЕ

Тютченко А. М.
МГПУ, Москва

В статье представлен системный анализ ряда психологических категорий, используемых в социальной работе. Излагаются имеющиеся подходы к их определениям.
Ключевые слова: социальная работа, психосоциальная работа, психология социальной работы, социальная психология, социально-психологическая работа, социально-психологическая поддержка, социально-психологическая защита, социально-психологическая помощь, социальная психотерапия, социально-психологическая компетентность.

THE SYSTEM ANALYSIS OF SOME PSYCHOLOGICAL CATEGORIES USED IN SOCIAL WORK

Tutchenko A. M.
MCTTU, Moscow

Key words: social work, psychosocial work, psychology of social work, social psychology, social and psychological work, social and psychological support, social and psychological protection, social psychological assistance, social psychotherapy, social and psychological competence.

Введение

Обучение специалистов и бакалавров социальной работы требует их широкой подготовки по различным направлениям. Выпускники вузов по направлению и специальности «Социальная работа» получают фундаментальную социально-гуманитарную и естественнонаучную, общепрофессиональную и специальную подготовку. В общей сложности, включая дисциплины общефедерального цикла, регионально-вузовского компонента, факультативы и дисциплины специализации, выпускники вузов в области социальной работы изучают несколько десятков дисциплин (в нашем университете специалисты изучают 64 дисциплины, бакалавры 2009 г. поступления — 51 дисциплину, 2011 г. — 68). Будущий дипломированный специалист социальной работы должен знать не только историю, теорию и технологию социальной работы, но и антропологию, социологию, социальную политику, социальную экологию, педагогику, основы социальной медицины, правовое обеспечение социальной работы, конфликтологию в социальной работе, методику исследований в социальной работе, андрологию, феминологию, семьеведение, проблемы работы с молодежью, геронтологию и т.п.

В обучении специалистов и бакалавров социальной работы широко применяются педагогические, медицинские, правовые, психологические и другие категории. В Институте психологии, социологии и социальных отношений Московского городского педагогического университета, наряду с понятиями других наук, широко используются особенно психологические категории. Это вызвано прежде всего тем, что наши специалисты обучаются по специализации «Практическая психология», а бакалавры — по профилю «Социально-психологическая работа с населением».

1 Требования ФГОС ВПО к психологической подготовке социальных работников

В отечественной теории и практике социальной работы идея синтеза психологического и социального прослеживается на всех уровнях — в формулировках целей и задач социальной помощи населению, в квалификационных требованиях и должностных обязанностях социальных работников, в государственных образовательных стандартах подготовки специалистов и бакалавров социальной работы. Соответственно, интегративный подход фактически заложен и в нормативных документах о деятельности социальных служб. Так, в них фигурируют такие виды деятельности, как оказание гражданам квалифицированной социально-психологической помощи, в частности осуществление консультирования; помощь клиентам в конфликтных и психотравмирующих ситуациях;

расширение у клиентов диапазона социально и личностно приемлемых средств для самостоятельного решения возникающих проблем и преодоления имеющихся трудностей и т.д. [13, с. 3–4].

ФГОС ВПО предъявляет следующие требования к подготовке бакалавров социальной работы в области психологии. В разделе «Характеристика профессиональной деятельности бакалавров» одной из областей их профессиональной деятельности называется психологическая помощь.

Бакалавр по направлению подготовки 040100.62 «Социальная работа» должен решать следующие профессиональные задачи в соответствии с видами профессиональной деятельности:

- разработка и реализация моделей современных технологий психосоциальной работы;
- участие в решении проблем клиентов путем привлечения соответствующих специалистов и мобилизации собственных сил, физических, психических и социальных ресурсов человека;
- соучастие (партнерство) в деятельности научных коллективов, проводящих исследования по различным направлениям психосоциальной работы и т.д.

ФГОС ВПО предъявляет следующие требования к результатам освоения основных образовательных программ бакалавриата по направлению «Социальная работа» в области психологической подготовки.

Выпускник должен обладать общекультурными компетенциями:

- быть способным использовать специфику социоинженерных и социально-технологических практик обеспечения психосоциальной, структурной и комплексно ориентированной социальной работы;
- быть готовым к эффективному применению психолого-педагогических знаний для решения задач общественного, национально-государственного и личностного развития.

Выпускник должен обладать профессиональными компетенциями:

- быть готовым к социально-психологической деятельности по проблемам социализации, абилитации и реабилитации;
- быть готовым к систематическому использованию результатов научных исследований для обеспечения физического, психического и социального здоровья различных слоев населения;
- быть способным участвовать в пилотных проектах по созданию инновационных площадок учреждений в сфере психосоциальной работы и др.

ФГОС ВПО предъявляет следующие требования к структуре основных образовательных программ бакалавриата по направлению «Социальная работа» в области психологической подготовки.

Б. 1. Гуманитарный, социальный и экономический цикл.

В результате изучения базовой части цикла обучающийся должен:

- знать: основы общей и социальной психологии, основные концепции эволюции психических свойств личности;
- уметь: использовать механизмы психологического патронажа, выделять различные социальные и психологические проблемы, возникающие у клиентов;
- владеть: понятийным аппаратом современной психологии, способами самостоятельной работы с психологической литературой, методами социально-психологического анализа социальных явлений и процессов и пр.

Изучается дисциплина «Психология».

Б. 3. Профессиональный цикл.

В результате изучения базовой части цикла обучающийся должен:

- знать: основы современной теории психического и социального здоровья, основные концепции и теории в области психосоциальной работы, основные подходы к рассмотрению места психологии в системе социального знания и т.п.;
- уметь: использовать социокультурный потенциал страны для решения задач обеспечения психического и социального здоровья человека, соотносить психологические технологии с концепциями и теориями психосоциальной работы, их социально-психологического обеспечения и др.;
- владеть: методами исследования проблемного поля теории психосоциальной работы, современными технологиями организации психосоциальной работы.

Изучается дисциплина «Психология социальной работы».

Таким образом, социальный работник должен обладать большим объемом психологических знаний, а одним из важных элемен-

тов этого является правильное понимание ряда психологических категорий для того, чтобы компетентно организовывать и осуществлять социальную и социально-психологическую работу.

2 Понятие системного анализа некоторых психологических категорий, используемых в социальной работе

Рассмотрим некоторые категории, связанные с системным анализом.

Система — множество взаимосвязанных элементов, каждый из которых связан прямо или косвенно с каждым другим элементом. *Элемент* — далее неделимый компонент системы при данном способе расчленения. Однако элементы могут в свою очередь представлять собой системы, т. е. быть подсистемами. Поэтому в ряде случаев при анализе системы трудно разбить цельную систему на конечное число элементов. *Категория* — предельно широкое по объему понятие, которое не подлежит дальнейшему обобщению. *Системный анализ* — научный метод познания, представляющий собой последовательность действий по установлению структурных связей между элементами исследуемой системы. Опирается на комплекс общенаучных, экспериментальных, естественнонаучных, статистических и математических методов.

Важнейшим инструментом системного анализа является использование подобия (изоморфизма) систем из различных областей. Понятие «системный» используется потому, что исследование такого рода в своей основе строится на использовании категории системы. В процессе системного анализа создается абстрактная и концептуальная система, описываемая с помощью символов. Такого рода абстрактной системой может быть, например, словесная модель. В системах должно быть установлено взаимооднозначное соотношение между элементами и их связями. Термин «анализ» используется для характеристики процедуры проведения исследования, которая состоит в том, чтобы разбить проблему в целом на ее составляющие части, более доступные для решения, использовать наиболее подходящие методы для решения отдельных подпроблем и, наконец, объединить частные решения так, чтобы было построено общее решение проблемы. Наиболее эффективно анализ может быть произведен на основе системного подхода, который предусматривает не только сочетание аналитического расчленения проблем на части, исследования связей и отношений между этими частями, но также делает особое ударение на рассмотрение целей и задач, общих для всех частей, и в соответствии с этим осуществляется синтез общего решения из частных решений.

В системном анализе традиционным является эвристический метод, который состоит в том, что специалист собирает максимум различных сведений о решаемой проблеме, вживается в нее и на основе интуиции и суждений вносит свои предложения. Интуитивный процесс состоит в том, чтобы узнать все, что можно о проблеме, вжиться в нее, подсознательно найти решение [7]. Возникает необходимость рассматривать проблему с различных точек зрения, чтобы выяснить, какой именно подход или какая комбинация «специальных подходов» является наилучшей [15, 16, 17, 18]. Таким образом, возникает необходимость в упрощении систем, операций, процедур принятия решений и т.д. Но эта задача трудная. Однако системный анализ может помочь ее решить.

3 Содержание некоторых психологических категорий, используемых в социальной работе, исходя из требований системного анализа

Рассмотрим одну из категорий, используемых в социальной работе — «Социально-психологическая работа».

В частности, по мнению шведского теоретика социальной работы С. Хессле, *социально-психологическая работа* — это наведение мостов между индивидом и его окружением; «целью социально-психологической работы является усиление сопротивляемости индивида в отношении требований, предъявляемых средой, а также изменением среды и общества, так сказать, внутри самого индивида» [14]. Социально-психологическая работа проводится среди людей с отклонениями от общепринятой нормы или сломленных жизнью и включает изменение как внутренней психологической жизни этих людей, так и их внешних жизненных обстоятельств.

По мнению Г. Бернлера и Л. Юнссон, социально-психологическая работа — это часть социальной работы. Здесь четко просматривается общее и частное, система и ее элемент. Социальная работа является одной

из форм работы, направленной на изменение общества, на создание благоприятных условий жизни людей, которую проводят политические деятели, общественные движения, профсоюзы и т.п. Целью всех видов работы по изменению является позитивное развитие тех людей, на которых она рассчитана [4, с. 12]. Таковы подходы некоторых шведских ученых к определению и содержанию социально-психологической работы.

В Российской Федерации определение социально-психологической работы широко употребляется в силовых министерствах, правда там оно носит несколько своеобразный характер. Одно из определений звучит так: социально-психологическая работа — это деятельность органов управления войсками (должностных лиц) по формированию психологической готовности, поддержанию психологической устойчивости личного состава и воинских коллективов в интересах выполнения служебно-боевых задач [6, с. 159].

В социально-психологической работе автор считает уместным выделить следующие компоненты: социально психологическая поддержка, социально-психологическая защита и социально-психологическая помощь. *Социально-психологическая поддержка* — процесс создания условий для эффективной адаптации человека в ситуации, когда он подвергается стрессовому воздействию, которое направлено на формирование у него социально активного совладающего со стрессом поведения за счет развития его личностных ресурсов совладения со стрессом и поддерживающих ресурсов среды [11, с. 300]. *Социально-психологическая защита* как еще один из компонентов социально-психологической работы также представляет собой комплекс мер, направленных на позитивное изменение среды. Это своеобразное изменение системы ценностей, взглядов, привычек с целью избавления от травмирующих психику жизненных проблем. Такой работой чаще всего занимаются специализированные психологические службы, которые располагают необходимой материальной базой для работы. Кроме того, там работают квалифицированные психологи, имеющие узкую специализацию по какой либо проблеме.

Важным компонентом социально-психологической работы является *социально-психологическая помощь*, заключающаяся в обеспечении эмоционального, смыслового и экзистенциального содействия. Объект оказания помощи — это человек, который оказался в проблемной ситуации и не в состоянии самостоятельно справиться с ней. Субъектами оказания помощи являются профессионалы, т. е. люди, для которых оказание той или иной помощи является основной профессиональной деятельностью. Ключевое структурное звено процесса оказания помощи — помогающие стратегии: подача советов; предоставление информации, необходимой человеку в конкретной ситуации; непосредственные действия от имени другого лица или оказание ему услуг и др. [5].

Таким образом, содержанием социально-психологической работы является комплекс мер, направленных на помощь, поддержку, защиту человека от изменившихся или изменивших его условий. Решение проблем социально-психологической работы зависит от *социально-психологической компетентности* — способности индивида эффективно взаимодействовать с окружающими его людьми в системе межличностных отношений [1, с. 511]. В состав социально-психологической компетентности социального работника входит умение ориентироваться в социальных ситуациях, правильно определять личностные особенности и эмоциональные состояния других людей, выбирать адекватные способы обращения с ними и реализовывать эти способы в процессе взаимодействия. Особую роль здесь играет умение социального работника поставить себя на место клиента.

С точки зрения системного анализа социально-психологическую работу можно представить как систему — особый класс социально-психологической системы, структурный состав которой представлен клиентами и психосоциальными работниками, а также возникающими между ними отношениями.

Социально-психологическая работа включает в себя подсистемы меньшего уровня: социально психологическую поддержку, социально-психологическую защиту и социально-психологическую помощь. В свою очередь, каждая из этих подсистем может характеризоваться как определенная система. Так, социально-психологическая поддержка — это система, поскольку включает в себя знание психологических и социальных дисциплин, связанных с главным ее объектом — человеком как биопсихосоциальным существом. Ей присущ системный характер в силу того,

что она состоит из двух взаимосвязанных частей: теоретической и прикладной. Социально-психологическая защита также может быть рассмотрена как система. При этом различие между этими двумя подсистемами заключается в том, что социально-психологическая поддержка чаще всего осуществляется в отношении людей трудоспособного возраста, а социально-психологическая защита — в отношении всех категорий граждан.

В качестве системы может быть рассмотрена и социально-психологическая работа как специфический вид деятельности, в которой взаимосвязаны такие элементы, как субъект и объект, содержание и средства, управление, функции и цели. В свою очередь, каждый из этих элементов может быть интерпретирован как система. Так, социально-психологическая работа в масштабе той или иной территории, является системой, поскольку охватывает различные слои и группы населения, нуждающиеся в социально-психологической поддержке, защите, помощи, объединяет усилия государственных и негосударственных организаций, отдельных лиц, занимающихся психосоциальной деятельностью. Социально-психологическая работа — это система и с точки зрения сочетания профессиональной, и непрофессиональной деятельности. Социально-психологическая работа представляет собой и вид информационной системы. Она содержит информацию, без которой невозможно реализовать цели и задачи социально-психологической работы. Социально-психологическая работа является одновременно как статичной системой (характеризующейся некоторым постоянством), так и динамичной, так как претерпевает в ряде случаев быстрые и качественные изменения.

Как открытая система социально-психологическая работа впитывает в себя свойства других систем (социальной, психологической, экологической и т.д.), определяется ими и воздействует на них [8, с. 350]. Системный подход в социальной работе обеспечивается проведением анализа ситуации. Рассматривают несколько уровней такого анализа: структурный, организационный, психосоциальный (интеракционный) [2, с. 11–12]. Одной из психологических категорий, употребляемых в социальной работе, является *социальная психология* — отрасль психологии и научная дисциплина, изучающие закономерности поведения и деятельности людей, обусловленные их принадлежностью к социальным группам, а также психологические характеристики этих групп [8, с. 335; 12, с. 227]. Другими словами, — это наука, которая изучает закономерности познания людьми друг друга, их взаимоотношений и взаимовлияний [10, с. 9].

Знание социальными работниками социальной психологии помогает преодолевать противостояние индивидуального и общественного, единичного и общего, психологического и социального, видеть их диалектическую взаимосвязь [8, с. 335; 12, с. 227]. Важное место в социальной работе занимает такая категория, как *социальная психотерапия* — система методов воздействия на психологизированном представлении о причинах и фактах, порождающих негативные явления, а также различные социальные движения в обществе. Согласно этой концепции, любое «отклоняющееся поведение» объясняется отклонениями от психики людей, обусловленных разными причинами. Методами коррекции всех форм отклоняющегося поведения служат использование психофармакологических средств, гипноза, электрошока, насильственная изоляция, нейрохирургия и др. [8, с. 349].

Психотерапия в социальной работе — система лечебного воздействия на психику, а через нее — на весь организм человека. Психотерапия в социальной работе применяется в деятельности кабинетов семейных отношений и социально-психологической помощи, в работе различных социальных служб. Центром любого коррекционного воздействия является конкретный клиент социальной службы. Из большого количества методов психотерапии в практике социальной работы широко применяется суггестивная психотерапия, групповая, поведенческая, семейная, игровая, рациональная, самовнушение. Все чаще используют психоанализ, трансактный анализ, гештальт-терапию и др. [11, с. 240–242].

Психосоциальная работа — отрасль социальной работы, находящаяся на стыке социальной работы и практической психологии, основной целью которой является оказание психологической помощи человеку в трудной жизненной ситуации [11, с. 238–239]. В центре внимания психосоциальной работы находится психика человека, которая обобщенно понимается как система управления индивидуальной жизнью и поведением, т. е. жизнедеятельностью. Практика психо-

социальной работы требует привлечения знаний ряда психологических дисциплин: социальной психологии, психологии развития, патопсихологии, юридической и медицинской психологии [3, с. 108]. Результат психосоциальной работы оценивается по следующим параметрам: реальные изменения в жизни клиента, субъективные изменения в мироощущении, данные психологических исследований.

Психосоциальная работа как система включает множество категорий, в частности, такие элементы, как психосоциальная работа с женщинами, семьей, военнослужащими, с пожилыми людьми, инвалидами, с молодой семьей, с безработными, с проблемой суррогатного материнства, с детьми-сиротами, психосоциальная работа с населением, психосоциальная реабилитация и т.д. Не имея возможности в краткой статье остановиться на всех из них или даже на многих, автор раскрывает только категории психосоциальной работы с женщинами и психосоциальной реабилитации.

Психосоциальная работа с женщинами — психологическая помощь с целью преодоления социально-психологического неблагополучия (кризис, критическая ситуация, межличностный конфликт, житейская проблема, внутриличностный конфликт, посттравматический стресс и т.п.), которое, проявившись в системе ее профессиональных и семейно-бытовых отношений, может привести женщину к различным формам социальной дезадаптации [11, с. 239–240]. Автор считает, что сведение психосоциальной работы вообще и психосоциальной работы с женщинами в частности только к психологической помощи не совсем корректно, здесь желательно добавить и психосоциальную защиту, психосоциальную поддержку и т.д. Да и сам термин «психологическая помощь» в данном контексте требует уточнения; лучше было бы использовать понятие «психосоциальная помощь». Психосоциальный подход в работе с женщинами может включать теории психоанализа, положения теории систем и экологической теории, коммуникационной теории, гендерной теории, теории малых групп, когнитивной и бихевиористской теорий, а также теорию кризисов. Методика психосоциальной работы с женщинами включает совокупность методов индивидуального и группового консультирования, а также индивидуальной и групповой психотерапии. Отдельные технологии психосоциальной работы с женщинами могут включать различные виды социально-психологических тренингов. Психосоциальная работа с женщинами требует сбора информации об особенностях личности женщины и ее образе жизни, о ее социальных ролях, ценностях и стереотипах поведения, о типе запроса и возможных вариантах помощи [11, с. 239–240]. Автор считает, что в ходе рассмотрения данной проблемы можно назвать в этой системе и психосоциальную реабилитацию.

Психосоциальная реабилитация — направление социальной работы, занимающее важное место в психосоциальной работе и уделяющее особое внимание психологическим аспектам трудной жизненной ситуации. Прежде всего, в психосоциальной реабилитации нуждаются лица с психическими и поведенческими расстройствами. Психосоциальная реабилитация — это процесс, который открывает людям, страдающим психическими расстройствами, возможность достичь своего оптимального уровня самостоятельного функционирования в сообществе. Основные задачи психосоциальной реабилитации — эффективное медикаментозное лечение, осуществление психологического и психосоциального вмешательства, повышение социальной компетенции путем расширения спектра социальных навыков индивидуума, его психологической устойчивости и профессионального функционирования, уменьшение дискриминации и др. [11, с. 240]. Важной категорией в системе психосоциальной работы является *психосоциальная технология* — это психотехнология, интегрированная в систему социальной работы. Ее можно определить и как социальную технологию, использующую психологические методы. Среди конкретных психосоциальных технологий можно назвать, в частности, технологии индивидуального и семейного консультирования, технологии социодрамы и психодрамы, технологии социально-психологического тренинга и др. [3, с. 108].

В социальной работе психотехнологии используются в деятельности специализированных психосоциальных учреждений и социальных служб. Включение специалистов-психологов в работу социальных служб способствует комплексному подходу к клиенту: психологические методы используются в сочетании с другими формами социальной помощи [10, с. 244–250]. Автору не удалось

найти в литературе определение категории «Психология социальной работы», хотя имеются даже книги с таким названием [4, 13]. Вероятно, эта категория требует дальнейшего глубокого изучения. Удалось найти лишь некоторые элементы ее содержательного плана [3, с. 108] и определение предмета [4, с. 12–13].

Заключение

Таким образом, в социальной работе используется большое количество психологических категорий, и задачей социальных работников является правильное понимание их и использование в практической деятельности. Большинство этих категорий можно анализировать с позиций системного анализа.

Литература

1 **Анцупов А. Я., Шипилов А. И.** Словарь конфликтолога. М.: Эксмо, 2010.
2 **Беззубик К. В. С**одержание и методика психосоциальной работы: учеб. пособие. М.: ИНФРА-М, 2008.
3 **Беличева С. А.** Психосоциальная работа: задачи, область применения, технологии // Национальные проекты и социальное образование: опыт и проблемы подготовки кадров для социальной сферы: Материалы VI Всероссийского социально-педагогического конгресса. М.: Союз, 2006.
4 **Кулебякин Е. В.** Психология социальной работы. Владивосток: Изд-во Дальневост. ун-та, 2004.
5 **Мизина Н.Н.** Практика социально-психологической помощи в ситуации девиантного поведения детей и подростков: интегративные процессы. М., 2007.
6 Морально-психологическое обеспечение деятельности Внутренних войск: теория и практика / под ред. О. В. Филимонова. М.: ВУ, 2010.
7 Новое в теории и практике управления производством США / под ред. Б. Мильнера. М.: Прогресс, 1971.
8 **Павленок П. Д.** Теория, история и методика социальной работы: учеб. пособие. М.: Дашков и К°, 2010.
9 Психотехнологии в социальной работе // Основы социальной работы: учеб. пособие для студ. высш. учеб. заведений / под ред. Н. Ф. Басова. М.: ИЦ «Академия», 2004.
10 **Свенцицкий А. Л.** Социальная психология: учебник. М.: ТК Велби, Проспект, 2004.
11 Современная энциклопедия социальной работы. М.: РГСУ, 2008.
12 Социальная работа: Словарь-справочник / под ред. В. И. Филоненко. М.: Контур, 1998.
13 **Фирсов М. В., Шапиро Б. Ю.** Психология социальной работы: Содержание и методы психосоциальной практики: учеб. пособие для студ. высш. учеб. заведений. М.: ИЦ «Академия», 2005. С. 3–4.
14 **Hessle S.** International Standard Setting of Higher Social Work Education. Stockholm: Stockholms Universitet, 2001.
15 URL: Cfin.ru>rubtsov/elib/pdf/2008/chernyshov.pdf
16 URL: Dic.academic.ru
17 URL: Ru.wikipedia.org
18 URL: Slovari.yandex.ru

СБОЙ ФУНКЦИИ В СИСТЕМЕ НЕЙРОННОГО ОБЕСПЕЧЕНИЯ КОНКУРЕНЦИИ КАК ВЕРОЯТНАЯ ПРИЧИНА ГЕНУИННОГО ЭПИЛЕПТИЧЕСКОГО ПРИПАДКА

Матюшкин Д. П.
ГНЦ РФ ИМБП РАН

Анализ ЭЭГ генуинных эпилептических припадков (малых и больших) позволяет интерпретировать эти припадки как результаты сбоев в системах нейронных механизмов, обеспечивающих конкуренцию антогонистических программ и команд.
Ключевые слова: большие и малые эпилептические припадки, взаимотормозащие нейроны, потенциал действия.

FUNCTION FAILED IN THE SYSTEM OF NEURONAL COMPETITION MAINTANCE AS A PROBABLE CAUSE OF THE GENUINE EPILEPTIC SEIZURE

Matyushkin D. P.
IMBP RAS

The analysis of EEG during a genuine epileptic seizure (big and small) allows to interpret these attacks as a probable result of failure in a system of neuronal mechanisms providing the competition of antagonistic programs and commands.
Key words: Big and small epileptic seizures, interinhibiting neurons, action potential.

Введение

Общий системно-информацонный анализ может быть полезным для многих научных проблем. Такой теоретический анализ напрашивается, например, для проблемы нейрональной системы пускового механизма генуинных эпилептических припадков, не имеющей пока ясного решения. В мире насчитывается примерно 50 млн эпилептиков [13], из них порядка 70% больных с так называемой первичной (генуинной) эпилепсией. Литературные данные [3, 4] свидетельствуют о том, что такие генерализованные эпилептические припадки — большие (Grand mal) — условно ГМ и малые (Petit mal) — условно ПМ — имеют в своей основе общую (равную) деполяризацию нейронов коры и всех подкорковых отделов мозга, дающую общее повышение возбудимости нейронов. Это, видимо, может вызываться нарушением мозгового кровообращения, которое сочетается с отеком мозга [7, 15] или может быть следствием достаточно длительной произвольной гипервентиляции легких, приводящей к спазму мозговых артериол [15, 16]. То же могут вызывать и сильные эмоции [2]. К повышенной возбудимости добавляется преобладание возбуждения над торможением, преобладание концентраций возбуждающих медиаторов (глутамата, аспартата) над таковой у тормозящих медиаторов ГАМК, глицина. Имеется также гиперсинхронизация возбуждений.

Нейронные механизмы возникновения эпилептических припадков

Большой припадок (ГМ) возникает на основе высокой возбудимости и гиперсинхронизации как «взрыв» тонических судорог, охватывающих мускулатуру тела с преобладанием более сильных разгибателей из-за чего больной падает и выгибается, запрокинув голову. Эти судороги чреваты повреждениями головы. Тонические судороги длятся несколько десятков секунд. Они сменяются клоническими судорогами длящимися 1–2 минуты. Затем мышцы расслабляются, и далее наступает глубокий сон. Во время припадка сознание отсутствует. Малый эпилептический припадок (ПМ) обычно не долог, порядка 1–2 с, и имеет слабые внешние проявления — потеря сознания (абсанс), иногда падение, после чего наступает восстановление нормального состояния [3, 4].

В научной литературе нет ясного ответа на вопрос, что служит механизмом возникновения припадков ГМ и ПМ при первичной

эпилепсии. Полагать, что в организованной системе мозга возможно одновременное спонтанное возбуждение чуть ли не всех нейронов, вряд ли можно. В одной из работ автора настоящей статьи [9] рассматривается схема нейронного механизма, обеспечивающего конкуренцию разных мотивов — антагонистических векторов поведения, базирующаяся на большом числе известных фактов [8, 9, 12]. В основе этой схемы имеются пара или некая сеть взаимотормозящих нейронов — представителей конкурирующих систем [9]. При рассмотрении вариантов функционирования тормозной сети можно прийти к выводу, что в обычном случае некоторого неравенства силы входов и возбудимостей у тормозных нейронов сети, легко обеспечивается доминирование одного — более возбуждаемого и (или) более возбудимого тормозного нейрона, и, соответственно, доминирование представляемой им системы, где представитель сети тормозит нейрон-успокоитель (державший до того эту систему в состоянии оперативного покоя) [12]. Нейроны-представители других систем в сети тормозов заторможены доминантой и не могут снять «успокоителей» со своих систем. Это обычный вариант работы механизма конкуренции.

Однако следует иметь в виду редкий, но реальный случай практически точного равенства сил всех входов в сеть, и равенства возбудимостей всех нейронов сети. В этом случае, возбудившись, все нейроны сети успевают снять тормоза-успокоители [8, 9] всех конкурирующих систем прежде чем произойдет взаимная инактивация участников сети. Так возникает феномен параллельной активности систем-антагонистов при каждом повторении такой ситуации. Этот сбой в системе выбора типа распада системы [11] возможен во всех парах и сетях, решающих споры конкурентов. А таких пар и сетей взаимотормозящих нейронов известно много в стволе мозга, в ретикулярной формации (РФ), в таламусе и в полосатых телах, в то время как в коре большого мозга их нет [8]. Именно такое нарушение (сбой) функции решающих сетей может получиться в условиях общей равномерной деполяризации нейронов мозга. Параллельные входы массы потенциалов действия (ПД) в ассоциативную кору из таламуса, РФ и гиппокампа должны создать ее общее возбуждение с выходом на стриатум и далее на моторный таламус и моторную кору. При одновременном поступлении в моторную кору полушарий массы команд от представителей разных векторов поведения могут возникать общие судороги с потерей сознания или, как минимум, нарушения позы и сознания.

Таким образом, можно предположить, что сбой в системе конкуренции всяких антагонистов является основой первичных эпилептических ГМ и ПМ. Относительное уменьшение концентраций тормозных медиаторов в мозге при припадках может быть связано с выключением успокаивающих тормозов [9]. Рассматривая электроэнцефалографические картины ГМ и ПМ, можно выделить их характерный вид. Здесь имеются комплексы — «пик-волна» [1, 4]. Пики имеют длительность от 5 до 50 мс, следующие за ними волны — 100–200 мс. Их амплитуды могут превышать 500 мкВ. Они регистрируются как электроотрицательности на поверхности коры, а точнее — черепа. При ПМ ритмическим следованием этих комплексов с частотой, равной примерно 3 Гц. может все и ограничиться. При ГМ такие комплексы лишь предшествуют припадку. За ними следуют высокие волны с крутым передним фронтом (слитие пика с медленной волной), и далее — острые полифазные колебания с частотой 10 Гц, а при окончании припадка — «сонные» δ- и θ- ритмы и, наконец, α-ритм, но иногда наблюдается некоторый период нулевой ЭЭГ. Последний длится не долго, сменяясь α-ритмом (но если период молчания ЭЭГ значителен, это может быть предвестником последующей внезапной клинической смерти.). Краткие высокие острые пики — возможно синхронные залпы параллельных ПД из таламуса и РФ. Обычно ПД не появляются в ЭЭГ, они поглощаются электроемкостью мозга и черепа. Но мощные залпы ПД быстро насыщают эту электроемкость и прорываются в ЭЭГ. Медленные волны, следующие за пиками в комплексах «пик-волна», естественно предполагать производными от массы постсинаптических потенциалов. Но есть основания полагать, что они, в основном, отражают не возбуждающий постсинаптический потенциал (ВПСП), а тормозной постсинаптический потенциал (ТПСП). Дело в том, что ВПСП при высокой возбудимости сразу же порождают потенциал действия (ПД), которые их шунтируют и прекращают. Что касается ТПСП, то они не порождают ПД, но могут себя проявить. Они создаются как гиперполяризация пирамид от сигналов звездчатых клеток [14]

Но медленные волны имеют отрицательный знак на поверхности коры. Объяснение подобного явления можно найти в том, что электротонические петли от таких ТПСП, а именно те их части, которые направлены вверх к поверхности коры, проходят через полоску высокоомного слоя мозгового вещества, на которой по сути падает основная часть напряжения петли ЭТ (электротона ТПСП). Итак, в верхней части мозга ТПСП предстают как волны негативности (рис. 1). О наличии высокоомной полоски в районе дендритов пирамид свидетельствуют прямые измерения [6].

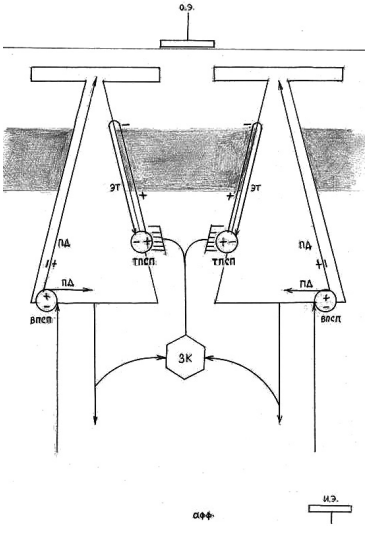

Рис. 1 – Схема одновременной-параллельной активации двух пирамидных нейронов коры мозга и их «самоторможение» через звездчатую клетку (ЗК)

Показано, что возбуждающие афферентные входы (АФФ) порождают ВПСП и сразу за ними ПД, шунтирующие («стерающие») эти ВПСП. А тормоз ЗК, получая возбуждающие входы (ПД) от пирамид, проявляется как локальная гиперполяризация, дающая электротонические (ЭТ) влияния-петли по нейрону. Показана только ЭТ, направленная вверх. Внешняя часть петли проходит через полосу высокомерного материала, на которую падает основная часть напряжения петли ЭТ. Поэтому над высокоомной полосой ЭТ ТПСП проявляется как электроотрицательный фокус.

Но не исключено, что медленная волна за пиком помимо ТПСП от ЗК несет в себе тормозной сигнал ТПСП от центра сна, активируемого на основе повышенной возбудимости. Это затягивает медленную волну, что и создает ритм комплексов «пик-волна», равного 3 Гц, т. е. ритмику δ-сна. Таким образом, стволовой центр сна, видимо, участвует в удержании припадка ПМ в пределах 1–2 с и мешает ему перейти в БП.

В этом контексте лежит и вопрос о природе волн нормального α-ритма покоя с амплитудой 40–60 мКв. При умеренной возбудимости нейронов коры эта ритмика создается α-пейсмекером, а именно таламической системой, в которой таламокортикальные возбуждающие нейроны имеют обратную связь через тормозной интернейрон, прерывающий возбуждающие сигналы на время своего ТПСП (100 мс) [14], что и создает α-ритм (10 Гц). При этом ПД пейсмекера в большинстве пирамид коры вызывают ВПСП подпороговые для ПД. Эти ВПСП и формируют медленные низкие волны α-ритма. А так как при этом в большинстве пирамид ПД не развиваются, то ЗК не возбуждаются. При этом отдельные аксонные и дендритные ПД «поглощаются» электроемкостью мозга и черепа.

Ритмика волн ЭЭГ ГМ-припадка (10 Гц), по-видимому, создается не ЗК и не центром сна, а сохранившими рабочее состояние системами α-пейсмекеров таламуса[14]. Они дробят восходящие в кору массы ПД на группы. При этом их ТПСП замаскированы высокими (> 500 мКв) острыми колебаниями, направленными и вверх и вниз. Вероятно, что это большие группы ПД, восходящие к коре и нисходящие от ее пирамид. Но замаскированные тормозные механизмы α-пейсмекера все же снижают хаос БП, определяя умеренный ритм возбуждения в коре, в частности, в моторной коре ритм ее сигналов к двигательному аппарату.

Здесь надо вспомнить о существовании отрицательных ретроградных действиях в тормозных ГАМК — ергических синапсах, каннобиноидах [10], выбрасываемых деполяризованными клетками на пресинапсы тормозных ГАМК-ергических нейронов, что снижает выброс ГАМК. Это действие не может изменить общую картину БМ (и ПМ), но может в какой-то мере мешать тормозным механизмам, работающим против хаоса припадка.

Заключение

Для дальнейшего углубления в механизмы МП и БП — малых и больших генуинных эпилептических припадков необходимы специальные аппаратурные и теоретические исследования. Тем не менее, можно констатировать, что предложенная схема развития этих припадков

согласуется с имеющимися электроэнцефалографическими и электрофизиологическими данными.

Что касается известных медикаментозных и хирургических методов предупреждения и лечения генуинной эпилепсии, то эта тема выходит за рамки обзорно-теоретической статьи и должна обсуждаться особо. Вместе с тем, данная статья может внести вклад не только в теорию, но и практику, а предложенный анализ проблемы эпилептологии с позиций информационного и системно-клеточного подходов своими результатами подтверждает полезность названных подходов.

Литература

1 **Бехтерева Н. П**. Здоровый и больной мозг человека. Л.: Наука, 1980.
2 **Гельгорн Э. Лоубороу Дж.** Эмоции и эмоциональные расстройства. М.: Мир, 1966.
3 **Зенков Л. Р., Лосев Н. И., Марсакова Г. Д.** Некоторые топические и временные характеристики вызванных потенциалов типа пик-волна при эпилепсии. № 9. С. 1302–1306.
4 **Зенков Л. Р., Ронкин М. А.** Функциональная диагностика нервных болезней. М.: Медицина, 1982.
5 **Кирой В. Н.** Электроэнцефалография. Рост. н/Д, 1998.
6 **Кузнецова Г. Д., Королева В. И.** Очаги стационарного возбуждения в коре большого мозга. М.: Наука, 1978.
7 **Ланг Г. Ф.** Гипертоническая болезнь М.; Л., 1950.
8 **Матюшкин Д. П**. О возможных нейрофизиологических основах природы внутреннего «Я» человека // Физиология человека. 2007. Т. 33. № 6. С. 50–59.
9 **Матюшкин Д. П.** Психофизиология с позиций клеточного и системно-информационного подхода // Системная психология и социология. 2010. Т. 1. № 2. С. 25–29.
10 **Найколл Р., Бредли Э.** Марихуана мозга или новая сигнальная система // В мире науки. 2005. Март. С. 36–41.
11 **Рыжов Б. Н.** Системная психология. М., 1999.
12 **Ухтомский А. А.** Доминанта как рабочий принцип нервных центров. Собр соч. Л.: Изд-во ЛГУ, 1950. Т. 1. С. 163–172.
13 **Хаузер В.** Описательная эпидемиология эпилепсии // Современная эпилептология. М., 2011. С. 9–41.
14 **Экклс Дж**. Тормозные пути центральной нервной системы. М.: Мир, 1971.
15 **Яруллин Х. Х**. Клиническая реоэнцефалография. М.: Медицина, 1967.
16 **Foester O.** Hyperventilations Epilepsie-Zbl. ges. Neurol // Psychiatry. 1924. V. 38. S. 289–293.
17 **Staddart I. C**. Electroencephalographic activity during voluntary controlled alveolar hyperventilation-Brit // J Anaesth. 1967. V. 39. P. 2–10.

ПОЛОРОЛЕВАЯ ИДЕНТИФИКАЦИЯ И МЕХАНИЗМЫ ПСИХОЛОГИЧЕСКИХ ЗАЩИТ У СТАРШИХ ПОДРОСТКОВ

Яковлева А. В.
МГПУ, Москва

В статье подробно рассматривается взаимосвязь полоролевой идентификации и механизмов психологических защит старших подростков.
Ключевые слова: психологическая защита, половые различия, полоролевая идентификация, подростки, маскулинность, фемининность.

GENDER-ROLE IDENTIFICATION AND PSYCHOLOGICAL DEFENSE MECHANISMS IN SENIOR ADOLESCENTS

Yakovleva A. V.
MCTTU, Moscow

In this article details of the relationship between gender identity and psychological defense mechanisms of senior adolescents are presented.
Key words: psychological defenses, sex differences, gender identity, adolescents, masculinity, femininity.

Введение

Вопрос изучения механизмов психологической защиты и место формирования маскулинности и фемининности у современных подростков являются актуальными для решения ряда научно-практических проблем, связанных с регуляцией поведения, социализацией и психологическим здоровьем личности. Половые различия в использовании механизмов психологической защиты представляют особый интерес для обсуждения. Механизмы психологической защиты и полоролевая идентификация теоретически взаимосвязаны, являются составляющими Я-концепции, оказывают влияние на процессы адаптации [1]. Несомненную важность данная проблема приобретает в переходный период от подросткового к юношескому возрасту, который чрезвычайно важен для дальнейшего становления личности.

1 Современные представления о механизмах психологической защиты

Согласно классическим и современным представлениям о роли и механизмах формирования индивидуальной и групповой психологической защиты механизмы психологической защиты обеспечивают регулятивную систему стабилизации личности, направленную, прежде всего, на снижение тревоги, непременно возникающей при осознании конфликта или препятствия к самореализации.

В широком психологическом контексте психологическая защита «срабатывает» тем или иным способом при возникновении негативных, психотравмирующих переживаний и во многом определяет поведение личности, устраняющее психический дискомфорт и тревожное напряжение. В большинстве современных концепциях психотерапии психологической защите отводится функция преодоления чувства неуверенности в себе, собственной неполноценности, защиты ценностного сознания и поддержания стабильной самооценки [3].

Психологическая защита может быть успешной или неуспешной, конструктивной или деструктивной. По своим проявлениям психологическая защита — это форма бессознательной психической активности, формирующейся в онтогенезе на основе взаимодействия типологических свойств с конкретно-историческим опытом развития личности в определенной социальной культуре. Механизмы психологической защиты можно рассматривать как регулятивную систему стабилизации личности.

По мнению Е. С. Романовой [4–6] защитные механизмы имеют следующие общие свойства: они действуют в подсознании, отрицают, искажают или фальсифицируют действительность, реализуются в ситуации конфликта, фрустрации, психотравмы, психоэмоционального стресса. Цель психологической защиты — снижение эмоциональной напряженности и предотвращение дезорганизации поведения, сознания и психики в целом [6].

2 Полоролевая идентификация подростков

Полоролевая идентификация является одним из ведущих механизмов социализации в любом обществе. Она сопровождает социальную оценку желаемого поведения, подражание, конформизм и многое другое. Полоролевая идентификация — это процесс и результат приобретения ребенком психологических черт и особенностей поведения человека одного и того же с ним или другого пола. По мнению А. А. Бодалева (1990) [2], процесс полоролевой идентификации не только осуществляется, но и переживается личностью эмоционально, так как он в своей психике отражает другого человека, дает на каждого из них эмоциональный отклик и отвечает столь же определенной поведенческой реакцией.

По данным исследования Р. А. Юнусовой (2008), процесс полоролевой идентификации, значимый в подростковом возрасте, является существенным фактором формирования направленности личности, а устоявшаяся направленность во многом обуславливает особенности этого процесса [6].

Полоролевое поведение формируется в результате тесного взаимодействия биологических, психологических и психосоциальных факторов. Физическая и гормональная зрелость закладывает его основы, психосоциальные обстоятельства задают образцы и условия сексуального созревания, когнитивное и эмоциональное развитие определяет ритм процесса, обеспечивая механизмы переработки информации.

Старший подростковый возраст, несомненно, один из важнейших этапов становления личности, он сензитивен для осознания самого себя, своих возможностей, способностей, интересов, формирования психологической готовности к личностному самоопределению. Подросток все в большей степени начинает осознавать те чувства и эмоции, которые он испытывает по отношению к окружающему миру, социальным явлениям, людям, к самому себе [2].

3 Условия и методы проведенного исследования

Была проведена экспериментальная работа, целью которой являлось выявление взаимосвязи полоролевой идентификации и механизмов психологической защиты в переходный период от подросткового к юношескому возрасту. Для решения поставленных целей использовался комплекс психодиагностических методик, положительно зарекомендовавших себя в психологической практике: методики С. Бем на маскулинность — фемининность, методика «Механизмы психологической защиты (Е. С. Романовой).

Исследование проводилось в групповой форме во внеурочное время с учащимися старших классов средней общеобразовательной школы. Возрастная группа 13–17 лет численностью 70 человек, из них — 35 девушек и 35 юношей.

Результаты

Данные, полученные при выполнении представленной работы, показывают, что:

- у подростков в возрасте 13–14 лет андрогенного и маскулинного типа ярко выражен механизм защиты — отрицание; в данном случае, представителями этого типа являются юноши. Подростки фемининного типа (девушки) используют интеллектуализацию, как ведущий механизм защиты;
- в группе старшей возрастной категории (14–15 лет), можно заметить, что механизм защиты — интеллектуализация ярко выражен у подростков андрогенного типа, в то время как у фемининных подростков, в отличие от младшей группы — проекция. Данный результат свидетельствует о том, что с возрастом меняется механизм психологической защиты, но полоролевая идентификация остается неизменной у лиц женского пола. Что касается индивидов с маскуллинным типом, то их механизм защиты остается неизменным;
- в следующей группе испытуемых, возраст которых варьировался от 14 до 15–16 лет, результаты исследования показали, что вне зависимости от полоролевых особенностей личности, все подростки используют механизм защиты — проекция;
- исследование с группой испытуемых в возрасте 15, 16–17 лет показало, что андрогенные личности возвращаются к раннее выбранному механизму психологической защиты — отрицанию, а маскулинные юноши и фемининные девушки прибегают к проекции.

В ходе проведенного исследования было выявлено, что в подростковом и юношеском возрасте присутствуют все виды психологи-

ческой защиты, описанные Е. С. Романовой [3, 4], однако степень их выраженности и преимущественность в использовании существенно зависят от пола и возраста испытуемых. Говоря другими словами, различия защитного поведения и связи с психологическим полом наблюдались как между юношами и девушками, так и между учащимися разного возраста.

Заключение

Обобщая результаты исследования, следует подчеркнуть, что механизмы психологической защиты, безусловно, имеют половозрастную специфику. Мальчики и девочки достаточно четко определяют полоролевые качества. Использование мальчиками и девочками типичных для своего пола психологических защит повышает эмоциональную устойчивость, увеличивает показатели адаптивности и активности. Это демонстрируют как абсолютные показатели выраженности каждого механизма, относительные (процентные) данные, так и иерархия разных видов в общем спектре механизмов психологической защиты.

Интенсивность и разнообразие использования психологических защит с возрастом постепенно снижается, так как это обусловлено постепенным преодолением пубертатного кризиса, стабилизацией эмоционально-личностной сферы, адаптационным переходом от неустойчивости к стабильности. В использовании психологических защит у мальчиков и девочек в целом можно отметить, что существует выраженная половая дифференциация.

Сопоставляя экспериментальные результаты в группах по одному из признаков (пол или возраст), удалось найти статистическую достоверность некоторых из предполагаемых различий. Принципиальное отличие юношей и девушек в использовании механизмов психологической защиты состоит в том, что девушки статистически достоверно чаще прибегают к проекции, а юноши — к интеллектуализации и отрицанию.

Результаты проведенного исследования демонстрируют наличие различий между юношами и девушками в динамике механизмов психологической защиты, их спектре и иерархии, и полоролевой идентификации на разных этапах подросткового возраста.

Литература

1 **Cramer P**. The Study of Defense Mechanisms: Gender Implications. The Psychodynamics of Gender and Gender Role. Washington, D. C., 2002.
2 **Бодалев А. А.** Личность и общение. Избранные труды. М.: Педагогика, 1983.
3 **Карпов А. Б.** Механизмы психологической защиты и стратегии преодоления в переходный период от подросткового к юношескому возрасту: дис. ... канд. психол. наук : 19.00.07 Москва, 2006. РГБ ОД, 61:06-19/742.
4 **Романова Е. С**. Графические методы в практической психологии. СПб.: Речь, 2001.
5 **Романова Е. С**. Психодиагностика. СПб., 2005.
6 **Романова Е. С., Гребенников Л. Р**. Механизмы психологической защиты. М.: Талант, 1996.
7 Теория и практика гендерных исследований в мировой науке: материалы международной научно-практической конференции 5–6 мая 2010 года: сб. Пенза-Ереван-Прага: ООО научно-издательский центр «Социосфера», 2010. С. 103–109.

СВЕДЕНИЯ ОБ АВТОРАХ ЖУРНАЛА «СИСТЕМНАЯ ПСИХОЛОГИЯ И СОЦИОЛОГИЯ»

«SYSTEMS PSYCHOLOGY AND SOCIOLOGY» AUTHORS, 2013, № 7 (I)

РОМАНОВА Евгения Сергеевна — доктор психологических наук, профессор. Директор Института психологии, социологии и социальных отношений ГБОУ ВПО МГПУ, заведующий кафедрой общей и практической психологии ИПССО ГБОУ ВПО МГПУ. Заслуженный учитель Российской Федерации, Почетный работник высшего профессионального образования Российской Федерации. Лауреат премии Президента Российской Федерации 1998г. в области образования, Лауреат премии Правительства Российской Федерации 2009 г. в области образования. Почетный профессор МГПУ, член президиума УМО университетов Российской Федерации. Заслуженный работник высшей школы Российской Федерации.

ROMANOVA Evgeniya Sergeevna — Doctor of Psychology, Full professor. Director of the Institute of Psychology, Sociology and Social Relations of the State Educational Government-Financed Institution of Higher Professional Education of the City of Moscow «Moscow City Teacher Training University», Head of the Department of General and Practical Psychology of IPSSR MCTTU. Honorary Teacher of the Russian Federation, Honorary Worker of Higher Professional Education of the Russian Federation. Laureate of the President of the Russian Federation Education Award in 1998, Laureate of the Russian Federation Government Education Award in 2009. Honorary Professor of MCTTU, member of the Presidium of Educational and Methodological Consolidation of the Universities of the Russian Federation. Honorary Worker of Higher School of the Russian Federation.

E-mail: RomanovaES@psy.mgpu.ru

РЫЖОВ Борис Николаевич — доктор психологических наук, профессор. Заведующий кафедрой психологии развития и инноваций Института психологии, социологии и социальных отношений ГБОУ ВПО МГПУ. Лауреат премии Правительства Российской Федерации 2009 г. в области образования, Почетный работник высшего профессионального образования Российской Федерации.

RYZHOV Boris Nikolayevich — Doctor of Psychology, Full professor. Head of the Department of Developmental Psychology and Innovations of the Institute of Psychology, Sociology and Social Relations of the State Educational Government-Financed Institution of Higher Professional Education of the City of Moscow «Moscow City Teacher Training University». Laureate of the Russian Federation Government Education Award in 2009, Honorary Worker of Higher Professional Education of the Russian Federation.

E-mail: rizhov51@mail.ru

БЕРШЕДОВА Людмила Ивановна — доктор психологических наук, профессор. Профессор кафедры общей и практической психологии Института психологии, социологии и социальных отношений ГБОУ ВПО МГПУ.

BERSHEDOVA Ludmila Ivanovna — Doctor of Psychology, Full professor. Professor of the Department of General and Practical Psychology of the Institute of Psychology, Sociology and Social Relations of the State Educational Government-Financed Institution of Higher Professional Education of the City of Moscow «Moscow City Teacher Training University».
E-mail:bershedova@mail.ru

МАКШАНЦЕВА Людмила Викторовна — доцент, кандидат психологических наук, доцент кафедры социальной психологии Института психологии, социологии и социальных отношений ГБОУ ВПО МГПУ, ученый секретарь диссертационного совета Института психологии, социологии и социальных отношений ГБОУ ВПО МГПУ.

MAKSHANTSEVA Ludmila Viktorovna — Docent, PhD (Psychology), docent of the Department of Social Psychology of the Institute of Psychology, Sociology and Social Relations of the State Educational Government-Financed Institution of Higher Professional Education of the City of Moscow «Moscow City Teacher Training University». Scientific secretary of the Dissertation Council of the IPSSR MCTTU.
E-mail: mak.96@mail.ru

КУЛАГИНА Ирина Юрьевна — кандидат психологических наук, ученый секретарь диссертационного совета ГБОУ ВПО МГППУ, профессор кафедры психологии развития ГБОУ ВПО МГППУ.

KULAGINA Irina Yuryevna — PhD (Psychology), scientific secretary of the Dissertation Council of Moscow State University of Psychology and Education (MSUPE), professor of the Department of Developmental Psychology of Moscow State University of Psychology and Education (MSUPE).

АПАСОВА Екатерина Викторовна — аспирант кафедры социальной психологии развития факультета социальной психологии ГБОУ ВПО МГППУ.

APASOVA Ekaterina Viktorovna — Post-graduate student of the Department of Psychology of Social Development of the Faculty of Social Psychology of Moscow State University of Psychology and Education (MSUPE).

АРЗУМАНОВ Юрий Леонидович — доктор медицинских наук, профессор. Профессор кафедры общей и практической психологии ИПССО ГБОУ ВПО МГПУ. Заведующий лабораторией клинической нейрофизиологии ФГБУ «Национальный Научный Центр Наркологии» Министерства здравоохранения Российской Федерации.

ARZUMANOV Yury Leonidovich — Doctor of Medicine (MD), Full professor. Professor of the Department of General and Practical Psychology of the Institute of Psychology, Sociology and Social Relations of the State Educational Government-Financed Institution of Higher Professional Education of the City of Moscow «Moscow City Teacher Training University».Head of the Laboratory of Clinical Neurophysiology of the National Scientific Centre of Narcology of the Ministry of Health and Social Development of the Russian Federation.
E-mail: arzumanov46@mail.ru

АБАКУМОВА Алла Алексеевна — кандидат биологических наук, доцент ИПССО ГБОУ ВПО МГПУ. Ведущий сотрудник ФГБУ «Национальный Научный Центр Наркологии» Министерства здравоохранения Российской Федерации.

ABAKUMOVA Alla Alexeyevna — PhD (Biology), docent of the Institute of Psychology, Sociology and Social Relations of the State Educational Government-Financed Institution of Higher Professional Education of the City of Moscow «Moscow City Teacher Training University». Leading research worker of the National Scientific Centre of Narcology of the Ministry of Health and Social Development of the Russian Federation.
E-mail: abakumova46@mail.ru

ВАСЕЧКИН Виктор Борисович — кандидат медицинских наук**,** старший научный сотрудник лаборатории клинической нейрофизиологии ФГБУ «Национальный Научный Центр Наркологии» Министерства здравоохранения Российской Федерации

VASECHKIN Viktor Borisovich — PhD (Medicine), senior research worker of the Laboratory of Clinical Neurophysiology of the National Scientific Centre of Narcology of the Ministry of Health and Social Development of the Russian Federation.
E-mail: vasech@mail.ru

КОГАН Борис Михайлович — доктор биологических наук, профессор. Заведующий кафедрой клинической и специальной психологии Института психологии, социологии и социальных отношений ГБОУ ВПО МГПУ.

KOGAN Boris Mikhailovich – Doctor of Biology, Full professor. Head of the Department of Clinical and Special Psychology of the Institute of Psychology, Sociology and Social Relations of the State Educational Government-Financed Institution of Higher Professional Education of the City of Moscow «Moscow City Teacher Training University». E-mail: boriskogan@mail.ru

ДРОЗДОВ Александр Зосимович — доктор медицинских наук, профессор. Профессор кафедры клинической и специальной психологии Института психологии, социологии и социальных отношений ГБОУ ВПО МГПУ Заведующий клинико-биохимической лабораторией ФГУ «Государственный научный центр социальной и судебной психиатрии им. В. П. Сербского».

DROZDOV Alexandr Zosimovich – Doctor of Medicine **(MD),** Full professor. Professor of the Department of Clinical and Special Psychology of the Institute of Psychology, Sociology and Social Relations of the State Educational Government-Financed Institution of Higher Professional Education of the City of Moscow «Moscow City Teacher Training University». Head of the Laboratory of Clinical and Biochemical Processes of Moscow V. Serbsky Institute for Social and Forensic Psychiatry.
E-mail: Alex00582@yandex.ru

КОЖИНОВА Ольга Владиленовна — кандидат психологических наук, старший преподаватель кафедры психологии развития и инноваций Института психологии, социологии и социальных отношений ГБОУ ВПО МГПУ.

KOZHINOVA Olga Vladilenovna — PhD (psychology), assistant professor of the Department of Developmental Psychology and Innovations of the Institute of Psychology, Sociology and Social Relations of the State Educational Government-Financed Institution of Higher Professional Education of the City of Moscow «Moscow City Teacher Training University».
E-mail: kozhiniva59@mail.ru

ЧИБИСКОВА Оксана Владимировна — ассистент кафедры психологии развития и инноваций Института психологии, социологии и социальных отношений ГБОУ ВПО МГПУ.

CHIBISKOVA Oxana Vladimirovna — Teaching assistant of the Department of Developmental Psychology and Innovations of the Institute of Psychology, Sociology and Social Relations of the State Educational Government-Financed Institution of Higher Professional Education of the City of Moscow «Moscow City Teacher Training University».
E-mail: chibiskova@mail.ru

ЛЬВОВА Светлана Владимировна — кандидат психологических наук, доцент кафедры психологии развития и инноваций Института психологии, социологии и социальных отношений ГБОУ ВПО МГПУ, заместитель директора Института психологии, социологии и социальных отношений ГБОУ ВПО МГПУ по воспитательной работе.

LVOVA Svetlana Vladimirovna — PhD (Psychology), Docent, docent of the Department of Developmental Psychology and Innovations of the of Institute of Psychology, Sociology and Social Relations of the State Educational Government-Financed Institution of Higher Professional Education of the City of Moscow «Moscow City Teacher Training University». Deputy director for the educational work of the Institute of Psychology, Sociology and Social Relations of the State Educational Government-Financed Institution of Higher Professional Education of the City of Moscow «Moscow City Teacher Training University».
E-mail: lvova.c@mail.ru

НЕДЕЛЬКОВИЧ Елена Геннадьевна — педагог-психолог ГБОУ СОШ № 1114 г. Москвы — дошкольное структурное подразделение.

NEDELKOVOCH Elena Gennadjevna — Educational psychologist of the Secondary School № 1114, pre-school department, Moscow.
E-mail: elned@inbox.ru

ЗАХАРОВА Ирина Александровна — аспирант кафедры общей психологии и педагогики ГБОУ ВПО РНИМУ им. Н. И. Пирогова.

ZAKHAROVA Irina Alexandrovna — Post-graduate student of the Department of General Psychology of the **Pirogov Russian National Research Medical University**.
E-mail: anwiw@yandex.ru

ИВАНЦОВ Олег Владимирович — кандидат психологических наук, младший научный сотрудник лаборатории развития ребенка и здоровьесберегающей деятельности Центра развития ребенка и здоровьесберегающей деятельности в образовании ГБОУ ВПО МГПУ

IVANTSOV Oleg Vladimirovich — PhD (Psychology), junior research worker of the Laboratory of the Child Development and Health Saving Activity of the Center of Child Development and Health Saving Activity in Education of the State Educational Government-Financed Institution of Higher Professional Education of the City of Moscow «Moscow City Teacher Training University».
E-mail: oivantsov@gmail.com

ФАДЕЕВА Евгения Владимировна — кандидат психологических наук, заведующая отделом профилактики употребления психоактивных веществ среди лиц молодого возраста ФГБУ «Национальный Научный Центр Наркологии» Министерства здравоохранения Российской Федерации

FADEEVA Evgeniya Vladimirovna — PhD (Psychology), Head of the Department of Preventive use of Psychoactive Substances in young people of the National Scientific Center of Narcology of the Ministry of Health and Social Development of the Russian Federation.
E-mail: nscnfadeeva@mail.ru

ЧЕРНОВ Дмитрий Николаевич — кандидат психологических наук, доцент, старший научный сотрудник научно-исследовательской лаборатории разработки технологий диагностики развития личности Российского национального исследовательского медицинского университета им. Н.И. Пирогова.

CHERNOV Dmitry Nikolayevich — PhD (Psychology), Associate professor, Senior research worker of the Research Laboratory of Working out of Technologies of Diagnostics of the Person Development, Pirogov Russian National Research Medical University.
E-mail: chernov_dima@mail.ru

ЧЕСНОКОВА Милена Григорьевна — кандидат психологических наук, старший научный сотрудник кафедры общей психологии МГУ им. М. В. Ломоносова.

CHESNOKOVA Milena Grigorjevna — PhD (Psychology), senior research worker of the Department of General Psychology of Lomonosov Moscow State University.
E-mail: milen-ches@bk.ru

РЕЧИЦКАЯ Екатерина Григорьевна — кандидат педагогических наук, профессор, заведующая кафедрой сурдопедагогики ГБОУ ВПО МПГУ.

RECHITSKAYA Ekaterina Grigorjevna — PhD (Pedagogy), Full professor, Head of the Department of Deaf-and-dump Pedagogy of the Moscow Pedagogical State University.
E-mail: elisvesta@mail.ru.

ШАРОВА Светлана Сергеевна — педагог-психолог, специальная (коррекционная) школа № 1406 «Центр на Павелецкой».

SHAROVA Svetlana Sergeevna — Educational psychologist of the Special (correctional) secondary school №1406. «Pavelecky Center»
E-mail: lightgp@mail.ru

ЯНЬШИН Петр Всеволодович — доктор психологических наук, профессор, заведующий кафедрой общей и социальной психологии самарского филиала ГБОУ ВПО МГПУ, г. Самара.

YANJSHIN Peter Vsevolodovich — Doctor of Psychology, Full professor, Head of the Department of General and Social Psychology of Samara Filial of the State Educational Institute of a Higher Professional Education of the City of Moscow «Moscow City Teacher Training University».
E-mail: yapetr@yandex.ru

ВАРЛАМОВА Елена Ивановна — директор по обучению школы языковой подготовки «Окей», г. Самара.

VARLAMOVA Elena Ivanovna — Director for education of the Language training school «OK», Samara.
E-mail: varlamova.e.i@gmail.com

ГОСТЕВ Александр Николаевич — доктор социологических наук, профессор. Профессор кафедры общей и прикладной социологии Института психологии, социологии и социальных отношений ГБОУ ВПО МГПУ.

GOSTEV Alexandr Nikolaevich — Doctor of Sociology, Full professor. Professor of the Department of General and Applied Sociology of the Institute of Psychology, Sociology and Social Relations of the State Educational Government-Financed Institution of Higher Professional Education of the City of Moscow «Moscow City Teacher Training University».
E-mail: gostevan@inbox.ru

СТАРОВЕРОВ Владимир Иванович — доктор философских наук, профессор ИСПИ РАН, заслуженный деятель науки РФ.

STAROVEROV Vladimir Ivanovich — Doctor of Philosophy, Full professor, professor of the Institute of Socio-Political Research under Russian Academy of Sciences (ISPR RAS), Honoured Science Worker of the Russian Federation.
E-mail: staroverov@list.ru

ТЮТЧЕНКО Александр Максимович — кандидат исторических наук, профессор. Заведующий кафедрой психолого-социальных технологий Института психологии, социологии и социальных отношений ГБОУ ВПО МГПУ.

TYUTCHENKO Alexandr Maksimovich — PhD (History), Full professor. Head of the Department of Psycho-Social Technologies of the Institute of Psychology, Sociology and Social Relations of the State Educational Government-Financed Institution of Higher Professional Education of the City of Moscow «Moscow City Teacher Training University».
E-mail: tyutchenkoam@yandex.ru

МАТЮШКИН Дмитрий Павлович — доктор медицинских наук, профессор. Заслуженный деятель науки Российской Федерации, член нью-йоркской академии наук (1996).Научный сотрудник ГНЦ РФ-Институт медико–биологических проблем РАН.

MATYUSHKIN Dmitry Pavlovich — Doctor of Medicine (MD), Full professor. Honoured Science Worker of the Russian Federation, Member of the New-York Academy Sciences (1996). Research worker of the Institute of Biomedical Problems of RAS.
E-mail: Matyush26@pochta.ru

ЯКОВЛЕВА Анна Вадимовна — ассистент кафедры клинической и специальной психологии Института психологии, социологии и социальных отношений ГБОУ ВПО МГПУ.

YAKOVLEVA Anna Vadimovna — Teaching assistant of the Department of Clinical and Special Psychology of the Institute of Psychology, Sociology and Social Relations of the State Educational Government-Financed Institution of Higher Professional Education of the City of Moscow «Moscow City Teacher Training University».
E-mail: annayakovleva08@yandex.ru

СИСТЕМНАЯ ПСИХОЛОГИЯ И СОЦИОЛОГИЯ

Всероссийское периодическое издание научно-практический журнал

№ 7 (I) 2013

Выходит 2 раза в год

Редактор	*Е. Романов*
Компьютерная верстка	*Е. Смолян*
Художник	*В. Дёмкин*

Формат 70 х 108 1/16. Усл. печ. л. 12,19. Тираж 500 экз.

Изготовлено ООО фирмой «Ин-Кварто»
119034, Москва, Курсовой пер., 17
Тел. +7(495) 233-27-98